

Учредитель и издатель
Ю. Мандрика

Главный редактор
Ю. Мандрика

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю. Басков (*г. Надым*),
Т. Исламова,
Н. Коняев (*г. Ханты-Мансийск*),
Г. Куцев, А. Омельчук,
С. Пархимович, А. Петрушин,
В. Рогачев, С. Сарычев

Корректор М. Дистанова
Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Сдано в набор 10.12.98.
Подписано в печать 18.02.99.
Формат 60x84/16.
Гарнитура «SchoolBook».
Офсетная печать.
Бумага офсетная №1.
Уч.-изд. л 8,2.
Усл.-печ. 9,3.
Тираж 300. Заказ № .

Адрес редакции
(для переписки):
625002, г. Тюмень,
а/я 5579.

Отпечатано с готовых
диапозитивов на ФГУИИШ
«Уральский рабочий».
625219, г.Екатеринбург,
ул. Тургенева, 13.

Тел. (345-2) 25-12-84

Оглавление

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ПОЭЗИЯ

А. Маркова. «Уже сугробы у крыльца...» 8

ПРОЗА

Н. Коняев. Возмездие, или Версия жизни и смерти
гражданина из города Березова Коровьи-Ножки 10

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

В. Рогачев. Краткие рецензии 43

БИБЛИОГРАФИЯ

В издательствах страны 46

В издательстве Ю. Мандрики 55

КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ. Ведущая рубрики – Н. РОГАЧЕВА.

О. Мысковских. Из опыта преподавания литературного краеведения
в школе 51

ДАТЫ НАШЕГО КАЛЕНДАРЯ

В. Рогачев. Обская симфония Романа Ругина 3

КРАЕВЕДЕНИЕ

ИЗ АРХИВА

В. Ефремов. Тюмень восемнадцатого века 56

Письма: С.К. Патканов — К.Г. Залеману 118

ИЗ БЛОКНОСТА ЖУРНАЛИСТА

Ю. Мандрика. В погоне за архивом Серафима Патканова 113

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

Н. Абрамов. Несколько слов о Денисе Ивановиче Чичерине 74

О распоряжках Чичерина в Тобольске. Сорок архивных документов с
предисловием... *Е.В. Кузнецова* 77

Сибирский губернатор Д.И. Чичерин в переписке

с духовенством: Новые материалы. *Сообщ. Е.В. Кузнецова* 95

СЛОВО СПЕЦИАЛИСТА

С. Туров. Батюшка Денис Иванович 103

СООБЩЕНИЯ

В. Копылов. Тюменский край в судьбах «отцов» телевидения 126

С. Кубочкин. Хождение за три моря:

Из биографии М.Е. Дементьева 132

А. Чернышов. Архивная комиссия при Тобольском братстве

св. Димитрия Солунского как историко-научный центр

сибирского православия 141

TRIVIA (мелочи)

Е.П. Рыбина помогла Кубочкину; Кто сумеет найти дом,

где жила Н.А. Лухманова; Е.Н. Коновалова случайно

обнаружила у себя материалы о Е. Кузнецове;

Об одном скандале, затянном на страницах «Ермака» 149

31 января 1999 г. замечательному северному поэту и прозаику, публицисту и общественному деятелю Роману Прокопьевичу Ругину исполнилось 60 лет.

Наш журнал от всей души поздравляет юбиляра и верит, что его талант еще послужит во благо развития культуры Ямало-Ненецкого автономного округа!

Обская симфония Романа Ругина

Он родился перед великой войной в поселке Питляр нынешнего Шурышкарского района на берегу великой Оби в семье рыбака ханты. Одаренный паренек, получив благословение от родичей, прошел все этапы традиционного для советского времени пути северного интеллигента. Закончил в 1958 г. Салехардское национальное педагогическое училище, отслужил в Советской армии, а затем получил высшее образование на факультете народов Севера Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена — настоящей кузнице деятелей просвещения и культуры наших малых народов.

Тогда, в начале 60-х годов, Ругин дал себе слово, что в условиях индустриальной экспансии и широкого наступления на Север усредненной советской культуры сделает все, чтобы сохранить самобытность жизни своего народа, вбирая при этом все лучшее от соседей, при-

шлых с «Большой земли» людей, способствуя равноправному диалогу различных национальностей.

Вот почему он закончил институт по специальности «педагогика». В те годы национальное образование, преподавание на родных языках искусственно ограничивали: оно заканчивалось в младших классах.

Ругин быстро продвигается по служебной лестнице. Завуч, затем директор Высяховской восьмилетки в родном районе, недалеко от райцентра Мужи. В 1968—1972 гг. — инструктор окружного комитета партии. Снова учеба, на этот раз в высшей партшколе. В 1977 году переезжает в окружной центр, директорствует в санаторно-лесной школе и преподает историю и хантыйский язык в родном Салехардском педучилище.

В 80-е годы Ругин работал в Ямалнефтегазгеологии, в окружном Доме народного творчества. В годы перестройки избирался в Верховный Совет СССР, где работал до его роспуска в декабре 1991 года. Ругин-депутат активно способствовал духовно-культурному возрождению родного края.

Писатель имеет несколько правительственных наград. В начале 90-х годов он добивается открытия в Салехарде историко-культурного научно-популярного журнала «Ямальский меридиан», быстро ставшего настоящим штабом творческих сил ЯНАО. При журнале выходит серийное издание, скромно называемое «библиотечкой», в котором дебютировали Н. Данилов, К. Кривчиков, Ю. Кукевич и другие местные авторы.

Сегодня Ругин не только главный редактор салехардского журнала, но и один из лидеров ямальской ассоциации, входящей в состав Союза писателей РФ.

Часы литературного ученичества пошли у Ругина еще в педучилище в 1960 году. Его первые опыты заметил патриарх северных литератур И. Истомина, работавший в то время редактором национальных литератур в Тюменском областном книжном издательстве. Под редакцией создателя «Живуна» вышла на языке ханты первая книга Ругина «Лыланг ин» — «Живая вода» (Тюмень, 1960).

Рука у Истомина оказалась легкой: произведения Ругина стали регулярно появляться в лучших советских журналах («Дружба народов», «Октябрь», «Москва», «Аврора», «Нева», «Сибирские огни», «Урал», «Север»). О его творчестве пишут в московской прессе, ему посвящают свои обзоры, статьи и рецензии ведущие критики региона (Л. Полонский, А. Омельчук и другие).

В 1975 году произведения Р. Ругина были включены в престижную «Антологию литератур уральских народов» (Будапешт: Изд. «Европа»). Сам Ругин более всего дорожит своей книгой для внеклассного чтения «Золотой огонек» (в соавторстве с П. Салтыковым) — своеобразной школьной хрестоматией, куда помещены фольклор и мифология родного народа, произведения профессиональных литераторов на языке шурышкарских ханты — самого северного их диалекта (Ленинград, 1983). Позже переработанное северянином собрание хантыйской мифологии и фольклора переиздано в 90-е годы.

У Ругина своеобразный характер, он не стал бросаться в пучину конъюнктурных «бенгальских огней» — быстро начинать и легко бросать громкие дела под прикрытием призывов к духовному возрождению северных народов. И «Стерх» Ю. Шесталова, и газета «Слово народов Севера» (с

переводом названия на английский) Е. Айпина и сейчас у многих на устах. Но то, что они выходят от случая к случаю и в основном к открытию помпезных (очень далеких от реальной жизни соотечественников) форумов, на это внимание не обращается. Ругин предпочитает будни. Не слышно от него трескучих фраз, прославлений в адрес идущих преобразований. Ругин принимает реальную жизнь. Его независимая позиция настораживает многих обновленцев. Его творчество и журнал замалчиваются; так, один из лидеров северной культурологии в Москве В. Огрызко решил, что Ругин «не самый» из северных авторов. Свои оценки, к сожалению, не подтвержденные подробным анализом, критик обнародовал в «Литературной России», альманахе «Эринтур».

Но книги Ругина говорят сами за себя. Его имя включено в хрестоматии 90-х годов, достойно представлено во втором томе учебного пособия Е. Немысовой «Хантыйская литература» (Ханты-Мансийск, 1996). Причем хорошо, что Евдокия Андреевна и тексты, и критику поместила «в параллели»: на родном и русском языках.

Полно и понятно освещен творческий путь Ругина в популярных хрестоматиях издательства «СофтДизайн» («Литература Тюменского края», 1996; «Лукоморье», 1997; «Страна без

границ»: В 2-х кн., 1997); в учебнике того же издательства («Литература Тюменского края», 1997).

Наиболее известные книги юбиляра — «Погоня» (Свердловск, 1966), издание эпической поэмы «Огнедышащий край» (альманах «Самотлор». Тюмень, 1975), «Мувет мойлапсаит» (на хантыйском языке, Свердловск, 1988), «Ранний ледостав» (Москва, 1988), итоговый сборник стихов «Многодумная Обь» (с переводами И. Фoniaкова, В. Кочетова, А. Романова, А. Руденко — Салехард, издат. центр «КС», 1993), сборник повестей «По следу» (СПб., 1993), недавно завершённое Средне-Уральским книжным издательством трехтомное собрание сочинений.

Почему же творчество Ругина до сих пор не получило адекватного освещения, хотя в целом он признан ведущим северным литератором? Он пишет в эпической манере, что в определенной степени схоже с неторопливым реалистическим стилем, своеобразной прозаизацией стиха. Попытки переводчиков придать лирике Ругина чуждые ей метр и ритм, гладкость письма оборачиваются потерями, непроявленностью авторской индивидуальности. Подстрочник (на русском языке) зачастую куда сильнее перевода. В стихотворении «Если б дали мне такое волшебство» в свободном стихе Ругина сказа-

но символично и образно: «Если б дали мне такое волшебство, Я ладонями ее (родную землю — В.Р.) пригладил и Огородил от черных и злых сил». В подстрочнике «Берега детства» поэт вспоминает: «Лето каждое сюда прихожу, к берегу, где стоял деревянный мост... Слушаю мягкий тайный шепот листьев и вижу, как они лучи солнца черпают». В переводе ничего этого нет, элегическая интонация исчезла, метр заменен на быстрый бег, от авторских образов осталось лишь солнце, освещающее кедровый лес.

До сих пор никто не приблизился к поэтическим обобщениям Ругина о самобытности ханты («Мой народ»), о «зове предков», о «просьбе реки», о молитвах ханты и их родовых угодьях, о «многодумной Оби»... Хотя поэт обращается к спектру традиционных для северных народов мотивов: малая родина и родичи; детство—юность—молодость—зрелость—старость; природа и люди; мифологизированный образ жизни и культуры ханты; история своего рода.

Страшен путь любого честного художника северного народа в XX веке. Ругин начинал в 60-е, когда пришлые люди еще не посягали на обычаи и нравы его родичей, когда чужая цивилизация медленно приспособливалась ханты под себя, считаясь с их духовно-нравственным строем, социо-

экономическим укладом жизни. Но чем больше Тюменский Север давал нефти и газа, чем откровеннее прослеживался кризис советской системы, тем горше он отзывался именно на судьбе малых народов.

И Ругин переходит на прозу, продолжая и лирическую летопись родного бытия.

Для меня лучшими повестями Ругина стали «Гул далекой буровой», «По следу», «Ранний ледостав». В первой из них зоотехник Карыкур и бригадир оленеводов, старый опытный пастух Лозар ищут в метельной лесотундре пропавшее стадо. Возникает страшная оппозиция: волки — «волки»-нефтеиндустриалы. Не волки напали на стадо, но олени погибли от техногенных прогрессоров, загубивших своими отбросами все живое вокруг. Трагический символ финала — ограбленное родовое кладбище.

Повесть «По следу» — народная философия медвежьей охоты, надежда на родную природу, которая укроет северных жителей от беспредела и сохранит ядро ханты. Может, именно наши северяне более всего заслужили право на продолжение истории человечества в XXI веке?

Я думаю, что повесть «Ранний ледостав» (1983) написана вслед знаменитым «Ранним журавлям» Ч. Айтматова. Но если это и так, то ругинская проза о военном лихолетье, о юности, опаленной им, в далеком сибир-

ском тылу, все равно оригинальна в художественном решении. Ибо ранний юноша Опун, испытав тяжесть взрослых забот, злобу хищных людей, остается чистым душой. Возмужав, освоив законы рыбалки и охоты, ранние юноши Ругина продолжают дело своего рода и ради победы.

Полнокровный реализм Ругина имеет право на свое, особое место в современной культуре. Пускай изменчивая мода, формальные изыски и модер-

низация историософских и запредельных стилизаций в виде квазифольклора и экзотических сливок всемирной мифологии занимают многие «передовые» умы. Придет (если придет) время, и оставшимся в живых захочется чистой воды, пастернаковской ереси — художественной простоты, ахматовской доли — быть со своим народом там, где он, к несчастью, был. И тогда перечитают лучшие вещи Р. Ругина.

Антонина Юрьевна Маркова работает в детской библиотеке №3 г. Тюмени. Окончила филфак Тюменского госуниверситета. Центральная детская библиотека на множительной технике отпечатала сборник ее стихов «Застенчивый расцвет». Рецензия на него была опубликована в «Тюменской правде» (8 августа 1998 г.)

«Уже сугробы у крыльца...»

* * *

То ли вечер, то ли день.
Вегра в кронах бормотанье.
То ли птица, то ли тень.
Встреча или расставанье...

Электрический фонарь?
Или свет звезды далекой?
Разминается звонарь
Средь вселенной одиноко.

Полушёпот, полустон,
Губ последнее признание.
То ли явь, а то ли сон...
Встреча или расставанье...

* * *

Первый снег —
как первая любовь.
Чист, не тронут,
не измят следами.
Я какой-то трепет вновь и вновь
Все сильнее чувствую с годами.

И боюсь по снегу сделать шаг,
Первый шаг
по этой снежной глади.
Словно мой поступок —
не пустяк,
Словно он гармонию разладит.

И непоправимо навредит
Этой зимней
прелести морозной.
Будто кто-то свыше не простит
Выходки мне этой несерьезной.

Так стою в бессилии смешном,
В ожиданье тех, кто посмелее.
Сердцем чувствую,
что не грешно,
Но шагнуть с порога
все ж не смею.

* * *

Морозный вечер иглами сухими
Рассыпал иней возле фонарей.
Еще вчера казались не такими
Пылающими грудки снегирей.

Вчера еще не запылен снегом
Лежал вокруг берез
опавший лист,
А нынче — погляди, какая нега,
Как зимний вечер
первозданно чист.

Еще вчера, обнажены и голы,
Темнели липы около дорог.
Мочила ива у ручья подолы,
И рябью морщил воду холодок.

А днем сегодня все запорошило,
Прикрыло белым снегом наготу,
Решительно и важно завершило
Осенних дней пустую суету.

* * *

И снова дождь наискосок,
Как первоклассник,
Выводит тонкий завиток,
Шалит, проказник.
Стекло разлиновал опять
В косую строчку,
Как будто учится писать
Тире и точку.
Он нам морзянкой по окну
Сказать желает,
Что лето в дальнюю страну
Вновь улетает.

* * *

Уже сугробы у крыльца,
А снегопаду нет конца.
Февраль опять перемудрил —
Он небеса с землею слил.
Нарушив чувство высоты,
Смешал и небо, и кусты.
И, будто белая река,
К земле приникли облака.
Ковром пушистым ровно в ряд
Прикрыл он кружева оград.
И под кустами бузины
Слепит от снежной белизны.
И кажется, что целый век
Летит, летит на землю снег...
Уже сугробы у крыльца,
А снегопаду нет конца!

* * *

Я жду тебя,
И в этот долгий вечер
Вошла незваной гостьею печаль.
Я жду тебя,

Укутав зябко плечи
В поношенную старенькую шаль.

Огонь в печи
Устало догорает,
Покрыв уголья пепел сединой.
И одиноко
За окном мерцает
Звезда ночная искоркой
шальной.

А я все жду.
Напрасно жду, быть может...
Задув свечу,
Закрыв входную дверь.
Мне ничего, наверно, не поможет
Оправиться от горечи потерь.

* * *

А вечер удивительный какой!
Сияет снег сиреневатой крошкой.
Размешивает ветер
легкой ложкой
Чернила в чаше улицы Ямской.

Крадется ночь, как кошка по избе.
Фонарь согнулся
стариком горбатым,
Прищурившись,
дымок голубоватый
Рассеивает под ноги себе.

Играет вечер окнами домов,
Как пианист своей клавиатурой.
И вспыхивает яркой партитурой
Поток автомобильных огоньков.

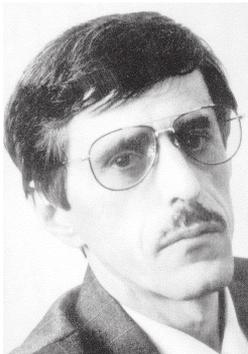
Сугробы фиолетовой фольгой
Поблескивают в лунном половежье.
И вдаль стальные
проводов поводья
Упрямо тянутся над мостовой.

Николай Иванович Коняев родился в 1954 году в пос. Нялино (Югра). Окончил в 1982 г.

Омский филиал финансово-экономического института, а в 1993 г. — литинститут. Автор книг «Сборщик дани», «Чужая музыка», «Околоток Перековка». Живет в г. Ханты-Мансийске. Редактор литературного альманаха «Эринтур».

Отрывки из повести «Возмездие» печатались в «Тюмени литературной» и в журнале «Мир Севера». В журнале «Лукич» печатается полностью впервые.

Возмездие, или Версия жизни и смерти гражданина из города Березова Коровьи-Ножки

Первым импульсом к данной работе явилась краткая информация «О герое революции Троцком и гражданине из города Березова по фамилии Коровьи-Ножки», появившаяся в седьмом номере за 1993 год окружного историко-культурного журнала «Югра», в котором я в ту пору работал ответственным секретарем. Информацию «раскопал» и прислал в редакцию тобольский писатель и краевед Юрий Надточий. А сообщалось в ней о том, что некто Коровьи-Ножки дважды — в 1910-м и 1919 годах — подвергался арестам только за то, что в 1907-м принял участие в организации побега из Березова следовавшего в обдорскую ссылку «будущего вождя всех революционных вооруженных сил большевистской власти» Льва Давидовича Бронштейна-Троцкого.

Любопытная информация, и вполне объясним интерес авто-

ра: что же стало с ним (Коровьи-Ножки) в еще более «свободные» времена, после того, как товарища Бронштейна оттеснил от власти товарищ Джугашвили?

Во всей этой истории меня в первую очередь заинтересовали подробности события. Где, когда, при каких обстоятельствах произошла встреча и знакомство «маленького» человека со смешной фамилией с будущим председателем Реввоенсовета Республики? Почему Бронштейну-Троцкому захотел и смог помочь именно Коровьи-Ножки? Неужели и впрямь из-за «привязанности к борцу за свободу»? И, наконец, едва ли не главное — кто же он на самом деле, этот загадочный березовский гражданин? Как в дальнейшем сложилась его судьба?

Однако публикация, поначалу вызвавшая острый интерес, вскоре отошла на задний план: я на полгода прерывал работу в журнале, а когда вернулся, во втором номере за 1994 год обнаружил заметку краеведа Юрия Сазонова «Еще раз о герое революции Троцком и гражданине из города Березова по фамилии Коровьи-Ножки». Краевед Сазонов отвечал коллеге Надточию:

«На Ваш запрос, что стало с другом революционеров Кузьмой Илларионовичем Коровиным (Коровьи-Ножки) во времена правления товарища Джугашвили, могу ответить: не дождал он до этого времени...».

Точка, поставленная краеведами, для меня явилась теперь уже не просто импульсом, а хорошим толчком к началу поиска документов, проливающих дополнительный свет на малоизвестный и, в общем-то, малоизвестный эпизод нашей не столь уж и давней истории...

Почетный гражданин города Ханты-Мансийска, в прошлом директор, а ныне учитель истории средней школы № 1 Юрий Георгиевич Сазонов ознакомил меня с имеющимися в школьном музее документами, в основном с пространными письмами из Томска сына «березовского гражданина» Николая Кузьмича Коровина, датированными 1978 годом.

Пришлось прочесть массу литературы о Троцком, о граждан-

ской войне на Обском Севере, трудов самого Троцкого. И чем глубже я вникал в эту историю, тем тверже становилось убеждение, что в лице Кузьмы Илларионовича Коровьи-Ножки (Коровина) имею дело вовсе не с «революционером по убеждениям», а с глубоко несчастным, обманутым, запутавшимся в сложных обстоятельствах непростого времени «маленьким человеком», ставшим в конечном итоге «заложником» навязанного ему, выражаясь на новоязе, «имиджа» большевика.

А для иногороднего читателя нелишне будет пояснить, что Березов — это бывший уездный город Тобольской губернии (ныне районный поселок в Ханты-Мансийском автономном округе), основанный воеводой Никифором Траханиотовым в 1593 году, едва ли не с года основания ставший традиционным местом ссылки. В разные «самодержавные» времена здесь получили временную, а то и пожизненную «прописку» боярин Дмитрий Ромодановский, светлейший князь Александр Меншиков, князя Долгоруковы, граф Андрей Остерман, декабристы И.В. Друцкий-Горский, А.В. Ентальцев, И.Ф. Фохт, А.И. Черкасов, польские повстанцы... Да и в советские времена березовская ссылка была сохранена как «мера социальной защиты» от политической оппозиции и инакомыслящей интеллигенции.

1. Голицин, да не тот?

«Дед наш в то время носил фамилию Галицин...»
(Из письма Н.К. Коровина от 12.04.78 г.)

Краевед Юрий Сазонов со ссылками на письма Николая Кузьмича Коровина информировал читателей о том, что, в частности, отец нашего героя Илларион жил в Гомеле Могилевской губернии и что фамилия его была Голицин (здесь и далее по тексту в написании фамилий сохранена авторская орфография), и что в 1863 году за участие в польском восстании он был приговорен к смертной казни через повешение, но позднее казнь была заменена ссылкой. В 1871 году вместе с отцом Илларионом Голицыным мальчиком прибыл в Березов и Кузьма Илларионович. Однако фамилия их была уже не Голицыны, а вымышленная — Коровины-Ножкины, которая впоследствии трансформировалась в Коровьи-Ножки. А это, предполагает Юрий Сазонов, скорее всего, прозвище или конспиративная фамилия революционера. Под этой фамилией семья проживала в Березове до 1918 года.

Однако, внимательно изучив подлинники всех четырех писем Николая Кузьмича, я обнаружил несколько существенных любопытных несоответствий текстов их вольной трактовке и толкованию Юрием Сазоновым и ряд скрытых про-

творечий, содержащихся в письмах самого Николая Кузьмича.

Так, в письме от 12 апреля Николай Кузьмич сообщил, что его дед Илларион до участия в польском восстании носил фамилию Галицин, но уже через полгода, в письме от 20 октября, словно вдруг спохватившись, делает оговорку: о том, что дед носил фамилию Галицин, он узнал, уже будучи в Березове, из случайно подслушанного разговора отца с дядей Илларионом Илларионовичем. То есть некоторая доля сомнения в поправке угадывается. А может, и не сомнение вовсе, а запоздалое решение сей факт биографии особо не выпячивать. Согласитесь, в 1978 году еще не было принято кичиться принадлежностью к известным на Руси княжеским фамилиям, тем более потомкам революционеров. Как ни крути, а фамилия-то классово чуждая. Да и документов, подтверждающих «родную» фамилию, ни у Кузьмы Илларионовича, ни тем более у Николая Кузьмича и трех его сестер не было и быть не могло по причине, речь о которых впереди...

Но если принять на веру, что подлинная фамилия Иллариона и прибывшего с ним маль-

чика Кузьмы — Голицыны (а у меня нет оснований подвергать сей факт сомнению), то возникает естественный вопрос: а не является ли семья одной из многочисленных ветвей могучего генеалогического древа знаменитой в дореволюционной России дворянской фамилии? Почему Кузьма Илларионович скрывал родную фамилию даже от своих детей? Да и Николай Кузьмич ни в одном из писем ни разу не обмолвился, к какому социальному слою принадлежал его «революционный» дед. Случайно ли? А ведь знал, хотя бы из тех же разговоров отца с дядей. К тому же принадлежность если уж не к рабочему классу, то к городскому ремесленничеству, к крепостному или государственно-крестьянству на «заре КПСС» очень даже поощрялась. Не кроется ли за странным умолчанием некая фамильная тайна, разгадать которую за давностью лет нам, увы, непросто!

Обратимся за консультацией к авторитетному советскому специалисту по ономастике В.А. Никонову, утверждавшему, что настоящие фамилии русских сформировались только с XVI века, а внедрение их в России в XVI—XVII вв. стимулировано укреплением нового социального слоя, становящегося правящим — помещичьего; что на рубеже XVII—XVIII вв., когда дворянство уже

господствовало и экономически, и политически, Петр I смог потребовать фамилии от всех дворян; что фамилии у горожан можно было встретить уже в середине XVI века, но и в середине XIX немало еще было бесфамильных горожан; что, наконец, если на Севере, где не было крепостного права, фамилии появились еще в XVII веке, то у крепостных крестьян — только после реформы 1861 года...

Если «отсечь» «северное» происхождение нашего героя, то остается одно из трех: либо он — потомок одного из князей Голицыных, либо выходец из городских ремесленников, либо из «южных» крепостных крестьян, офамиленных в годы отмены крепостного права в 1861—1862 гг., когда, как известно, бывшие крепостные, ходившие под Голицыными, становились в большинстве своем Голицыными. Предположим, что в нашем случае имеет место быть последнее (но почему опять-таки умалчивать об этом?). Освобожденный высочайшим указом и офамиленный бывший крепостной Илларион оказался на заработках в Гомеле, «снюхался» с тамошними революционерами и до такой степени увлекся революционной борьбой, что «вляпался» в польское восстание 1863 года, жестоко подавленное Александром II, и не только «вляпался», а, судя по вынесенному

ему смертному приговору, сыграл в нем не последнюю роль. Не слишком ли быстрое превращение вчерашнего крестьяни-

на в профессионального революционера?

Есть повод для интересных предположений!

2. Повстанец или уголовник?

«Избежать казни помогли друзья деда, присвоив ему фамилию убитого при переходе польско-русской границы проводника...»
(Из письма Н.К. Коровина от 12.04.78 г.).

Второй важный момент, которому Юрий Сазонов не придал значения. А зря. Ибо в письме Николая Кузьмича сообщается: «Дед после подавления польского восстания скрывался и заочно царским правительством был приговорен к смертной казни через повешение... Избежать казни помогли друзья деда, присвоив ему (обратите внимание!) фамилию убитого при переходе польско-русской границы проводника... За переход границы дед был осужден на вечное поселение в Сибирь, то есть в Березов, под фамилией Коровьи-Ножки».

Что из этого следует? Во-первых, смертная казнь за участие в польском восстании не заменена ссылкой — приговор остался в силе. Во-вторых, новая фамилия Иллариона была не вымышленной, равно как и не «присвоенной друзьями», а, мягко выражаясь, украденной. Скрываясь от наказания за участие в восстании, Илларион Голицын пересек польско-русскую границу с помощью проводника... «убитого при переходе»? Как это понимать? Кем убито-

го? С какой целью убитого? Не самим ли Илларионом или кем-то из его друзей? Ведь документы убитого проводника по фамилии Коровьи-Ножки оказались именно у Иллариона...

Вопросы, вопросы... И ни на один нет четкого, ясного ответа. А ссылку в Сибирь Илларион, теперь уже не Голицын, а Коровьи-Ножки, «схлопотал» за незаконный переход границы, избежав, выходит, наказания и за участие в восстании, и за возможное убийство проводника...

Правда, в письме от 20 октября Николай Кузьмич, опять-таки словно вдруг спохватившись, неуклюже затушевывает свое первое «признание»: «Замешан он (дед) был в польском восстании и за это приговорен к смертной казни через повешение. Но его друзьям удалось запутать следы, и он отделался ссылкой в Сибирь».

Вот уж действительно легко отделался!

Сдается мне, что получил Березов в 1871 году в лице Иллариона Коровьи-Ножки не революционера-повстанца и

даже не столько обычного разрушителя границы, сколько серьезного уголовника. Возможно, эта же страшная догадка и не позволила краеведу Юрию Сазонову «заметить» странный факт из биографии отца нашего героя, ибо он никак не укладывается в версию о семье «потомственных» революционеров.

И еще одно немаловажное дополнение. Как известно, в конце XVIII—начале XIX вв. участники польских восстаний прошли через Сибирь, в том числе и через Березов, тремя волнами: в 1795 году после подавления восстания Т. Костюшко (через год вззошедший на престол Павел I освободил их); в 1832 году — после подавления восстания 1831 года (но и этих вскоре отправили на Байкал); и, наконец, в 1863—1864 гг. По данным историка И.В. Щеголова, «в 1866 году число ссыльных поляков в Сибири возросло до 18000 душ обоего пола». Но «вследствие Высочайшего манифеста 15 мая 1883 года большая часть из них возвратилась на родину». Однако же Илларион Коровьи-Ножки не воспользовался дарованной свобо-

дой. Что-то же удерживало его в глухом березовском захолустье от возвращения на родину. Не страх ли разоблачения?

Он прочно обосновался в Березове. Нам неизвестно, что стало с его первой женой — матерью Кузьмы Илларионовича. Осталась ли она на Могилевщине, махнув рукой на запутавшегося в «революционных делишках» супруга и «пожертвовав» ему сына? Умерла ли еще до бегства мужа? Или как верная жена, последовавшая за любимым мужем в Сибирь, не вынесла тягот и лишений, заболела, умерла где-нибудь в дороге? Ни в одном из своих писем Николай Кузьмич не просил судьбу родной бабушки.

А Илларион Коровьи-Ножки в Березове женился. Здесь родились его младший сын Илларион Илларионович и дочери. По свидетельству Николая Кузьмича, «он и в ссылке остался верен своим революционным идеалам. Помогал ссыльным чем мог, вплоть до организации побегов. Это свойство он передал и своему сыну Кузьме, то есть нашему отцу...».

Передал, значит. Как эстафету.

3. Накануне

«Жили бедно. Лето для нас было матерью, зима — мачехой»
(Из письма Н.К. Коровина от 10.06.78 г.)

О жизни Кузьмы Илларионовича в Березове до февраля 1907 года, к сожалению, мало

известно. Известно лишь, что здесь он женился, в 1897 году родилась первая дочь Анна, в

1900-м — сын Александр. Затем в 1903-м и 1904 годах — дочь Евдокия и младший сын Николай (наш Николай Кузьмич). Таким образом, можно утверждать, что по крайней мере до 1907 года, поворотного в его судьбе, Кузьма Илларионович, отец четверых малолетних детей, ни о какой революционной деятельности и не помышлял. Дай Бог семью прокормить, детей обушь-одеть, дом и хозяйство в порядке удержат. А жил Кузьма Илларионович если не в отчаянной нужде, то явно не в недостатке, хотя рубаха зимой и летом круглосуточно от пота не просыхала, а с ладоней не сходили мозольные подушки.

Промышленных предприятий в Березове не было, побочных заработков тоже. Приходилось рыбачить, охотиться, шишковать, бруснику-клюкву брать. И, само собой, скотину держать. Корова и лошадь для семьи были первой необходимостью, и работы по хозяйству в любое время года хватало. Травы накосить, сена привезти, воды из речки каждодневно для семьи и скотины наносить, дров заготовить да по снегу вывезти, стайку от навоза, двор от снега, которого в иную зиму выше крыши наметало, очистить, ловушки на зверя, сети, морды на рыбу выставить да починить... Мало ли забот у мужика!

В городке местные жители знали друг друга. Ссылных

тоже знали, сочувствовали, помогали им, чем могли... О чем, собственно, и свидетельствовал Троцкий в своей книге «Туда и обратно», представляющей собой дневниковые, или, точнее, путевые записки о пути следования в ссылку и побеге оттуда: *«Отношение крестьян к политическим превосходное. Так, например, здесь, в Самарове (ныне город Ханты-Мансийск — Н.К.) — огромное торговое село — крестьяне отвели «политикам» бесплатно целый дом и подарили первым приехавшим сюда ссылкой теленка и два куля муки. Лавки по установившейся традиции уступают политическим продукты дешевле, чем крестьянам. Часть здешних ссылных живет коммуной в своем доме, на котором всегда развеваются красное знамя».*

Или вот еще одна запись, сделанная двумя днями позже, 8 февраля 1907 года, в Карымкарских юртах: *«Удивительный случай произошел с нами в Белогорье, маленьком селе, уже в Березовском уезде. Группа местных крестьян коллективно устроила для нас чай и закуску и собрала для нас шесть рублей. От денег мы, разумеется, отказались, но чай пить отправились. Конвой, однако, воспротивился, и чаю напиться не удалось. Собственно унтер разрешил, но ефрейтор поднял целую бурю, крича на все село, угрожая унтеру*

доносом. Нам пришлось уйти из избы без чаю, чуть не вся деревня шла за нами. Получилась целая демонстрация».

...Скорее всего, немудреную крестьянскую работу выполнял сорокасемилетний Кузьма Илларионович Коровьи-Ножки вечером 11 февраля 1907 года, когда в сгустившихся сумерках въехал в город один из самых известных в XX веке в Березово политических ссыльных Бронштейн-Троцкий...

А утром 12 февраля Лев Давидович сделает в своем дорожном дневнике следующую запись: «...Вчера вечером мы приехали в Березов. Вы не требуете, конечно, чтоб я вам описывал «город». Он похож на Верхоленск, на Киренск и на множество других городов, в коих имеются около тысячи жителей, исправник и казначейство. Впрочем, здесь показывают еще — без рвательства за достоверность — могилу Остермана и место, где похоронен Меншиков. Неприятельные остяки показывают еще старуху, у которой Меншиков столовался...

Привезли нас непосредственно в тюрьму. У входа стоял весь местный гарнизон, человек пятьдесят, шпалерами. Как оказывается, тюрьму к нашему приезду чистили и мыли две недели, освободив ее предварительно от арестантов. В одной из камер мы нашли большой стол, накрытый скатертью,

венские стулья, ломберный столик, два подсвечника со свечками и семейную лампу. Почти трогательно!

Здесь отдохнем два дня, а затем тронемся дальше...

Да, дальше... но я еще не решил для себя — в какую сторону...».

Внесем кое-какие уточнения и дополнения.

Когда члены Совета шли на поселение, тобольский губернатор Гондатти уведомил березовского исправника Евсеева, служившего в должности с октября 1904 года, о скором прибытии важных политических, которых ему надлежало отправить в Обдорск (ныне город Салехард, окружной центр Ямало-Ненецкого автономного округа). Причем предлагал принять самые строгие меры охраны. Но когда узнал, что вслед за политическими едут их семьи, то, вероятно, расслабился и даже попросил Евсеева задержать отправку ссыльных до приезда семей в Березов.

Трудности для Евсеева заключались в том, что в распоряжении начальника местной воинской команды, с которым ему надлежало обсудить совместные меры охраны прибывших, было всего 30 конвойных, у самого же Евсеева — четверо городских на весь Березов, где в это время и без того насчитывалось до 30 человек ссыльных.

Вновь прибывшие содержались в тюрьме, но обедать ходи-

ли в чайную и столовую общест­ва трезвости в сопровождении немногочисленной охраны...

Прежде чем вернуться к рас­сказу самого Троцкого о побе­ге, сделаем необходимым здесь примечание. Выше был приве­ден отрывок из книги «Туда и обратно», написанной и опу­бликованной по горячим следам событий в том же 1907 году. В ней все последующие части по­бега изложены в несколько изме­ненном виде, поскольку из­лагать в то время так, как было на самом деле, называя соуча­стников и организаторов побе­га подлинными именами, зна­чило бы слишком откровенно их предать.

Но в книге «Моя жизнь», изданной в Берлине в 1930 году, Троцкий рассказал о по­беге без утайки подлинных

имен, надеясь, что «Сталин не станет их преследовать, тем более что преступлению давно уже истекли все сроки. К тому же на последнем этапе побега помощь мне оказал и Ле­нин...».

Как же он заблуждался! Те­перь-то мы знаем, что стало с теми, с «истекшими сроками давности», людьми, будь они живы во времена решительно­го искоренения троцкизма в Советском Союзе!

Чтобы не отсылать читателя к труднодоступной даже в наши книжнообильные време­на книге Троцкого «Моя жизнь», в следующей главе приведу из нее с несуществен­ными сокращениями рассказ о побеге, прибегая там, где это необходимо, к помощи кратких комментариев и примечаний.

4. Как это было

«Отец наш слыл другом политических ссыльных и неоднократно оказывал им важные услуги»
(Из письма Н.К. Коровина от 18.04.78 г.)

«...В Березове нам дали оста­новку на два дня. Предстояло еще совершить около 500 верст до Обдорска. Мы гуляли на сво­боде. Побега отсюда власти не боялись».

Теперь-то мы знаем, что все­таки побаивались, да сил на се­рьезную охрану неоставало.

«Назад была одна-един­ственная дорога по Оби, вдоль телеграфной линии: всякий бе­жавший был бы достигнут. В

Березове жил в ссылке земле­мер Рошковский...».

Политический ссыльный Ф.Н. Рошковский — поручик запаса, один из организаторов и руководителей созданной в октябре 1905 года в Тобольске общественно-политической организации «Тобольский союз гражданской свободы». Члены союза добивались свободы со­вести, слова, собраний, всеоб­щего представительства, непри-

косновенности личности и т.д. В декабре 1905 года в связи с объявлением военного положения в южных уездах Тобольской губернии деятельность союза была запрещена, руководители арестованы, Рошковский сослан в Березов.

«С ним я обсуждал вопрос о побеге. Он сказал мне, что можно попытаться взять путь прямо на запад, по реке Сосьве, в сторону Урала, проехать на оленях до горных заводов, попасть у Богословского завода на узкоколейную железную дорогу и доехать по ней до Кушвы, где она смыкается с пермской линией. А там — Пермь, Вятка, Вологда, Петербург, Гельсингфорс!..

Доктор Фейт, старший революционер, один из нашей ссыльной группы, научил меня симулировать ишиас, чтобы остаться на несколько лишних дней в Березове. Я с успехом выполнил эту скромную часть задуманного плана. Ишиас, как известно, не поддается проверке».

Не исключено, что на самом деле в Березове с Троцким случился эпилептический припадок, так что и симулировать ничего не пришлось. По воспоминаниям профессора Г.А. Зива, арестованного в 1898 году по делу Южно-Русского рабочего союза и находившегося с Бронштейном около двух лет в одесской тюрьме, арестанты впервые заметили происшедший с ним припадок эпилеп-

тического характера. Такие припадки с Троцким происходили и впоследствии. Об одном из них, происшедшем в ночь с 24-го на 25 октября 1917 года, то есть в ходе Октябрьской революции, Троцким рассказано и в цитируемой книге. Однако данное замечание в дальнейшем рассказе Троцкого ничего не меняет и не опровергает.

«Меня поместили в больницу. Режим в ней был совершенно свободный. Я уходил на целые часы, когда мне становилось «легче». Врач поощрял мои прогулки. Никто, как сказано, побега из Березова в это время года не опасался. Надо было решиться. Я высказался за западное направление: напрямик к Уралу.

Рошковский привлек к совету местного крестьянина по прозвищу «Козья Ножка»...

Читателям книг Троцкого «Туда и обратно», «1905» излишне будет знать, что там Кузьма Илларионович Коровьи-Ножки выведен «молодым либеральным купцом Никитой Серапионовичем». Здесь же автору явно изменила память: вместо слов «по прозвищу Козья Ножка» следует читать: «по фамилии Коровьи-Ножки».

«Этот маленький человек стал организатором побега. Он действовал совершенно бескорыстно. Когда его роль вскрылась, он жестоко пострадал...

Ехать из Березова надо было

на оленях. Все дело было в том, чтобы найти проводника, который рискнул бы в это время года тронуться в ненадежный путь. Козья Ножка нашел зырянина, ловкого и бывалого, как большинство зырян...».

В книгах «Туда и обратно», «1905» — «Никифор», «Никифор Иванович». Установить подлинное имя, к сожалению, не удалось.

«— А он не пьяница? — Как не пьяница! Пьяница лютый. Зато свободно говорит по-русски, по-зырянски и на двух остяцких наречиях: верховом и низовом, почти не схожих между собой. Другого такого ямщика не найти: пройдоша. — Вот этот-то пройдоша и предал впоследствии Козью Ножку. Но меня он вывез с успехом».

Если «пройдоша» и «предал впоследствии» Кузьму Илларионовича, то уж наверняка не раньше, чем сам Лев Давидович «предал пройдоху». К этому замечанию мы еще вернемся.

«Отъезд был назначен на воскресенье, в полночь. В этот день местные власти ставили любительский спектакль. Я показался в казарме, служившей театром, и, встретившись там с исправником, сказал ему, что чувствую себя гораздо лучше и могу в ближайшее время отправиться в Обдорск. Это было очень коварно, но совершенно необходимо.

Когда на колокольне ударило 12, я крадучись отправился

на двор к Козье Ножке. Дровни были готовы. Я улегся на дно, бросив туда вторую шубу. Козья Ножка покрыл меня холодной, мерзлой соломой, перевязал ее накрест и мы тронулись. Солома таяла, и холодные струйки сползали по лицу. Отъехав несколько верст, мы остановились. Козья Ножка развязал воз. Я выбрался из-под соломы. Мой возница свистнул. В ответ раздался голося, увы, нетрезвые. Зырянин был пьян, к тому же приехал с приятелями. Это было плохое начало. Но выбора не было. Я пересел на легкие нарты со своим небольшим багажом. На мне были две шубы, мехом внутрь и мехом наружу, меховые чулки и меховые сапоги, двойного меха шапка и такие же рукавицы — словом, полное зимнее обмундирование остяка. В багаже у меня было несколько бутылок спирта, т.е. наиболее надежного эквивалента в снежной пустыне.

«С пожарной каланчи Березова, — рассказывает Сверчков в своих воспоминаниях, — было видно кругом по крайней мере на версту всякое движение по белой пелене снега в город или из города. Основательно предполагая, что полиция станет спрашивать дежурного пожарного о том, не уехал ли кто-нибудь из города в эту ночь, Рошковский устроил так, что один из жителей повез в это время по тобольско-

му тракту тушу телятины. Движение это, как и ожидали, было замечено, и полиция, обнаружив через два дня побег Троцкого, прежде всего бросилась за «телятиной», вследствие чего потеряла еще два дня бесполезно...».

Зырянин доставил беглеца на Богословский горный завод. А оттуда, как и замышлялось, Троцкий добрался до Петербурга, из Петербурга в Финляндию, где «завоёванные революцией свободы держались значительно дольше» и где в это вре-

мя скрывался Ленин. Он и дал Троцкому адреса в Гельсингфорсе. Тамошние друзья Ленина помогли устроиться в Огльбю, под Гельсингфорсом, где Лев Давидович прожил несколько недель с женой Натальей Седовой и маленьким сыном, родившимся во время его заточения. Там же в уединении он написал и издал свою книгу «Туда и обратно», а на полученный гонорар выехал через Стокгольм в новую эмиграцию, продлившуюся ни много ни мало 10 лет.

5. Первый арест

«За дружбу с революционерами отец платился тюрьмами»
(Из письма Н.К. Коровина от 12.04.78 г.)

Через два с половиной года, летом 1910-го, Кузьму Илларионовича арестуют.

И вот здесь можно вернуться к утверждению Троцкого о предательстве зырянина. Спросим себя: с чего бы Никифору, спустя два с лишним года после благополучного исхода дела, донести на Кузьму Илларионовича? С ним они были, надо полагать, в доверительных отношениях. Ведь не к кому-нибудь, а именно к «пройдоше» обратился Коровьи-Ножки за помощью. Причем вовсе не бескорыстный зырянин получил от Бронштейна-Троцкого в качестве вознаграждения за оказанную услугу тройку ездовых оленей, кошевку, пятьдесят рублей деньгами плюс, как и

было дополнительно обусловлено в пути, полушубок, «который лучше всякого гуся». Словом, не продешевил. Это как же ему надо было обидеться на бывшего «подельника», чтобы донести, рискуя самому быть схваченным. Хоть и простоват был зырянин, но ведь не ребенок: прекрасно понимал, что арест одного из соучастников непременно повлечет за собой череду арестов. В его ли интересах? Вряд ли.

В 1910 году Кузьму Илларионовича наверняка «предал» сам виновник события — Лев Давидович Бронштейн-Троцкий. И вот как это могло случиться. Книга «Туда и обратно», изданная в 1907 году, спустя какое-то время «дошла» до

Петербурга, оттуда до Тобольска и Березова. А в городе с населением немногим более тысячи человек полиция не составила особого труда «вычислить» колоритного «зырянина-пройдоху», «пьяницу отчаянного», который «в верстах сорока от города в юртах живет», у которого «две головы» и который «на все пойдет» и непременно вывезет, «если не запыет»... Полиция без труда вычислила Никифора, припугнула его как следует, пообещав снисхождение за чистосердечное признание и раскаяние. «Пройдоша» и признался, и раскаялся, а куда было деваться? Так что упрекнуть его можно в слабости характера, но не в злонамеренном предательстве. Да и появившаяся в феврале 1919 года в газете «Тобольское народное слово» заметка косвенно подтверждает это предположение:

«Как известно, товарищ Троцкий удачно бежал за границу вскоре по прибытии в Березов благодаря гуманному отношению местной администрации и содействию таких бескорыстных местных людей, как гражданин Коровьи-Ножки, привыкших относиться с каким-то благоговением к деятелям революции. По прибытии в безопасное место Троцкий печатно подробно рассказал о своем генеральском путешествии, очень прозрачно описав лиц, содействовавших

побегу (подчеркнуто мной — Н.К.). Так Коровьи-Ножки оказался в тюрьме при царской власти».

Прежде чем приступить в Гельсингфорсе к сочинению своих — надо воздать должное — увлекательных записок, Лев Давидович, как видно, хорошо продумал план обеспечения личной безопасности, но не очень хорошо подумал о последствиях издания своего труда для березовских «друзей». Впрочем, кто из политиков прошлого и нынешнего дня, думая о благе абстрактного народа, позаботился о судьбе конкретного живого человека? Так было и так есть, и, очевидно, так и будет...

К сожалению, не удалось разыскать следственное дело, из которого было бы видно, каким образом безотказный Коровьи-Ножки выкручивался из затруднительного положения. На суде его защищал известный в Тобольске адвокат В.Н. Пигнатти. (Интереснейшая личность! Член Трудовой народно-социалистической партии, юрист по образованию. В 1899 году выслан из Москвы в Тобольск под негласный надзор полиции. Здесь занимался адвокатской практикой, сотрудничал с губернским музеем, произвел первые раскопки на месте Кашлыка (Искера), являвшегося в XVI веке столицей Сибирского ханства). Он и способствовал смягчению участи

своего подзащитного. Учтите, что на иждивении у Кузьмы Илларионовича было четверо детей в возрасте от трех до десяти лет, суд приговорил его к «возможно легкому наказанию».

А 2 июля 1910 года в Тобольске выездной сессией Омской судебной палаты разбиралось дело по обвинению бывшего исправника Евсеева в «бездействии власти». (Вскоре после

побега Бронштейна-Троцкого Иринарха Владимировича Евсеева освободили от занимаемой должности и назначили архивариусом Тобольского окружного суда. Летом 1908 года он участвовал в экспедиции А.А. Дунина-Горкавича по исследованию низовьев Оби). Палата и ему вынесла оправдательный вердикт, признав, что побег стал возможен из-за недостатка охранников.

6. Слута

«Мы были далеки от революционных бурь...»
(Из письма Н.К. Коровина от 10.06.78 г.)

Вскоре Кузьма Илларионович оправился от нешуточного испуга, и жизнь мало-помалу вошла в привычное русло. Он по-прежнему не покладая рук, в поте лица своего добывал хлеб насущный для большой семьи. В молодости в совершенстве овладев печным ремеслом, прирабатывал в городке выкладкой и ремонтом печей.

Война с немцем, начавшаяся в 1914 году, грозовой тучей висела в стороне, но уже коснулась своим черным крылом нескольких березовских семей, отдавших фронту сыновей и мужей. Политические же события, погромы хивавшие в Петербурге, его, по крайней мере до семнадцатого года, мало интересовали. Да и разговоры с кем бы то ни было, а в особенности со ссыльными, в потускневших было глазах которых

заискрилась надежда на скорые перемены, он старательно избегал. После освобождения Евсеева от должности исправника Кузьма Илларионович, как человек совестливый, испытывал мучительное чувство вины перед незлобивым по натуре, с мягким сердцем человеком, а взамен назначенный на должность Ямзин поглядывал искоса, исподлобья. Не доверял, стало быть. (Лев Никифорович Ямзин в 1908 году из Обдорска был переведен в Березов помощником исправника, а в 1910—1917 гг. служил березовским уездным исправником).

В 1913 году жена ошачливила Кузьму Илларионовича поздним, пятым в семье, ребенком — дочерью Наташей. Тут уж не до политики, только успевай крутись! Всех пятерых обушь-одеть-накормить-напо-

ить, в школу собрать-отправить надо исхитриться. Ладно Александр с Николаем подросли, дома по хозяйству помогать стали: и сена корове бросят, и лошадей вычистят, напоят, в стойле и в стойке уберут, и навоз на огород вывезут... Александр ростом вышел, цепкий, ловкий — в мать! А Колька — в батю: коротышка, юркий, быстрый, как щуренок! Возле брата неотступно крутится, подражает старшему. Вся надежда на детей!

Пятидесятитрехлетний отец большого семейства собирался жить долго и основательно, если уж не с божьей (в церковь не ходок!), то с сыновней помощью. Он собирался жить крепко, как и подбаевает трудолюбивому крестьянину (а если и не получается пока, так ведь семья какая — один-то надорвешься!). Но теперь-то год от году будет легче, хоть к старости облегчит долюшку жены, измученной работой да заботушкой о детях. А тут еще и он тюрьмой своей нехоти добавил ей седин... Подальше бы от этих дел! До добра не доведут!

Он уходил в работу с головой, а работа, даже самая тяжелая и грязная, была ему в привычку, как лошади оглобли...

Наступил семнадцатый...

В конце февраля — начале марта горожане были взбудоражены ворвавшимися ветром в город слухами: войска в столи-

це перешли на сторону восставшего народа, создано Временное правительство во главе с князем Львовым...

С каждым новым днем слухи обрастали немислимыми подробностями: император Николай отрекся от престола, великий князь Михаил Александрович последовал его примеру...

Оживилась и затаившаяся было в ожидании развязки столичных событий губерния. 5 марта в Тобольске освобожден от должности губернатор Н.А. Ордовский-Танаевский, и через несколько дней губернским комиссаром Временного правительства назначен председатель Тобольского временного комитета общественного спокойствия В.Н. Пигнатти... Василий Николаевич, защитивший в девятьсот десятом Кузьму Илларионовича!

В марте в Березове, как и по всей губернии, был создан совдеп — Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. А в один из теплых первомайских дней Тихон Сенькин (Тихон Данилович Сенькин, орловский рабочий-большевик, за участие в революционных событиях 1905 года в 1906-м сослан в Обдорск, оттуда в 1909-м переправлен в Березов, где его и застали события 1917 года), кивнув приветственно при встрече, приостановился.

— Слышал новость-то, Кузьма Илларионович?

— Что за новость, Тихон?

— Троицкий в Петрограде!

— А кто он... Что? Откуда?

Сенькин рассмеялся:

— Как же ты запомнил, Кузьма Илларионович, кого с Федором Рошковским вызволил из ссылки в девятьсот седьмом? Вот он и есть тот самый! Только что из-за границы!

— И кто же он теперь? В каком чине-должности?

— В большом, Кузьма Илларионович. В большом, если не в главном! И он себя еще покажет. В полный рост!

— Ишь ты, — хмыкнув, бурмотнул Кузьма Илларионович. — Всюду старые знакомцы... Что в Петрограде, что в Тобольске.

Так в мае 1917 года в размеренную, спокойную жизнь Кузьмы Илларионовича Коровьи-Ножки неожиданно-негаданно после десятилетнего забвения вернулся из галифакского «плена» пламенный вождь и трибун, автор безумной идеи «мирового пожара», супертеррорист начала века Лев Давидович Бронштейн-Троицкий...

Пройдет еще немного времени, и Кузьма Илларионович станет смотреть на разворачивающиеся в стране события его, Троицкого, глазами, следить за каждым шагом твердой и стремительной поступи кумира...

А пока, вполуха улавливая отзвуки событий, он решал семейные проблемы. Александр окончил городскую школу, и на учительском совете было реше-

но сменить ему фамилию на более благозвучную — Коровин. Впоследствии на новую фамилию переписется вся семья, в том числе и сам Кузьма Илларионович. А не возражал он потому, что подрастал дочери. Старшей, Анне, — двадцать первый год, невеста на выданье, а каково с такой фамилией краснеть перед ребятами? Стидилась девушка фамилии. И что ни говори, не век же под чужой фамилией ходить, не всему же роду! Родную не вернешь, так хоть чужую чуть облагородить...

Александр окончил школу и поступил учеником на телеграф, но использоваться стал в качестве рабочего по восстановлению линии. А волна столичных беспорядков, демонстраций докатилась и до Березова. Вскоре за участие в забастовке телеграфных рабочих Александра увольняют...

— Тоже бузотер мне выискался тут! — побурчал отец, но внутренне был успокоен: уж кому-кому, а ему-то было хорошо известно, чем кончаются подобные игрища. Сколько на его веку прошло этапами! Побурчал и молвил примирительно, со вздохом: — Ладно, дома помогай, а там... А там посмотрим!

А в столице между тем происходит нечто непонятное даже для все знающего, все понимающего Сенькина. В июле пролилась большая кровь. Правительство сменилось...

Но самое зловещее состояло в том, что Троцкий вновь в тюрьме, в «Крестах». Впервые чувство страха перед вероятностью нового ареста и суда (чем черт не шутит!) появилось у Кузьмы Илларионовича. А тут еще Корнилов, поговаривали, снялся войском с фронта и пошел на Петроград... На своих же двинулся! Черт знает что творится!

К осени, однако, тучи размяло. Сенькин сообщил:

— Радуйся, Кузьма Илларионович, Троцкий на свободе!

Спустя месяц громом прокатилось-прогремело над Березовым, вызвав суматоху и сумятицу в умах:

— Р-революция свершилась! Временное свергнуто! Керенский бежал! Ленин в Петрограде! Создано Советское правительство — Совет народных комиссаров!..

— Слышь, Кузьма Илларионович, — новым сообщением встретил Тихон Сенькин. — Лев Давыдыч занял пост наркома! Растут твои знакомцы!

А однажды как бы между прочим вдруг поинтересовался:

— Ты, Кузьма Илларионович, сам-то не надумал в партию вступить?

— В какую, Тихон, партию?

— В нашу, разумеется... В РКП(б)! В которой Троцкий!

— Так ведь я в сторонке вроде...

— А это ведь с какого боку посмотреть! Лев Давыдыч с нами, а вот ты — в сторонке... Непорядок это... Троцкий бы, уверен, не возразил против тебя. Надумаешь — дай знать!

...К декабрю Кузьма Илларионович надумал. С победившим Троцким в одной партии как-то поуверенней, поспокойней будет. Добро добром воздастся!

7. Большая кровь. Арест. Еще арест...

«...Власть менялась не по годам, а по месяцам.

Тут уж не до жиру, быть бы живу»

(Из письма Н.К. Коровина от 10.06.78 г.)

Вступление в ряды РКП(б) само по себе каких-либо видимых перемен в жизнь Кузьмы Илларионовича не привнесло. Он и в восемнадцатом году, как в шестнадцатом-семнадцатом, но теперь уже в паре с безработным сыном печничал и даже по причине нехватки кирпича пробовал заняться изготовлением сырца кустарным способом.

Словом, жил, как жил всегда, разве что заинтересованнее вслушивался в вести из революционного Петрограда. А вести поначалу обнадеживали: в марте Троцкий был назначен народным комиссаром по военным, чуть позднее — по морским делам. Правда, поговаривали, что не придут к согласию в вопросе о войне и мире... Ну

да это дело времени, полагал Кузьма Илларионович, два большевика — Троцкий да Ильич — уж как-нибудь договорятся.

Но вот созданный в январе Березовский революционный комитет объявил о переходе власти к военно-революционному комитету. Бывший член ревкома Сенькин возглавил красноармейский отряд. Тревожно на душе, но страха пока нет. Нет потому, что 1—4 апреля состоявшийся в Березове Первый уездный съезд Советов провозгласил установление Советской власти...

И вновь легкое смятение: губернский центр перемещен в Тюмень, а в Тобольске красноармейцами арестован Пигнатти... Вот уж поистине судьба играет человеком! Легкое смятение, но все же не испуг — Василий Николаевич-то вывернется, уж он не пропадет!

Всерьез же испугался Кузьма Илларионович в июне.

К концу мая белочехи взяли Омск, и корпус полковника Р. Гайды двинулся на север: на Ишим и далее — на Тобольск. Декретом СНК от 12 июня объявлена мобилизация в Красную Армию.

Александр захорохорился.

— Бать, я запишусь!

— Я те запишусь! — (Придушенным шепотом). — Я вот запишусь! Ишь, чего удумал.

— Бать, ты же большевик!

— Я тебе побольшевичу! —

(С испуганной оглядкой). — Вожжами иль супонью! Так нажгу, что позабудешь... Я сказал: нишкни! И все мне!

14 июня красные оставили Тобольск, а еще через неделю и Тюмень. Власть в губернии перешла к Временному сибирскому правительству во главе с П.В. Вологодским. Оно было создано в Омске и провозгласило Декларацию «О государственной самостоятельности Сибири». В уездах восстанавливались комиссариаты, ликвидированные коммунистами. Тобольск опять стал уездным центром, а губернским комиссаром — В.Н. Пигнатти... На всей территории губернии запрещалась деятельность большевистской партии. Узнав о ликвидации Советов в Тобольске, березовские антисоветчики арестовали членов совдепа, в том числе и Сенькина. В губернии объявлено военное положение. Но пока без стрельбы...

А где-то в стороне, особенно, по слухам, на Урале, лилась большая кровь. Белые и красные объявляют мобилизацию. Брат пошел на брата...

— Нишкни, вояка! Затаись! — шипит Кузьма Илларионович на сына.

Вот когда повздрагивал ночами!

Одна теплилась надежда: в сентябре в Петрограде создан Реввоенсовет, председателем которого стал Троцкий. «Уж он-то не допустит до большой

беды. Он доберется до Тобольска-Омска! Порядок наведет!».

Увы, надеждам суждено было не скоро сбыться. В октябре Кузьма Илларионович будет арестован...

Вот что написал по этому поводу припозднившийся с выходом номер газеты «Тобольское народное слово» за февраль 1919 года: *«Нам сообщают из Березова, что недавно там был арестован по доносу добровольцев (вот теперь-то действительно кто-то «настучал» на Кузьму Илларионовича, только вряд ли это был зырянин Никифор — Н.К.) гражданин Коровьи-Ножки только за то, что принимал участие в бегстве Бронштейна-Троцкого из березовской ссылки в 1907 году. Вскоре, по сношению с Тобольском, его выпустили, но семья и несчастная жертва бескорыстной привязанности к «борцу за свободу» вновь пережили тяжелые минуты...*

Нужно быть последовательным, — сообщалось далее в газете, — и привлечь к уголовной ответственности и нынешнего управляющего Тобольской губернией (точнее, губернского комиссара Временного сибирского правительства — Н.К.) В.Н. Пигнатти, защищавшего когда-то на суде гражданина Коровьи-Ножки и способствовавшего смягчению его участи...».

Таким образом, и на этот раз адвокат Пигнатти своим комиссарством невольно «защитил»

Кузьму Илларионовича. Но все же избежать тюрьмы ему не удалось.

За наведение порядка взялся адмирал А.В. Колчак. В ноябре военный комиссар Временного сибирского правительства объявил себя Верховным правителем России, а уже в январе 1919 года колчаковский отряд Турнова численностью 250 человек прибыл в Березов из Омска, с комфортом разместившись в здании девичьего духовного училища...

Кузьма Илларионович опять был арестован. Надолго и всерьез. Он был виновен уже в том, что «ходил в большевиках»...

Но и на этот раз не суждено ему было сгинуть в тюрьме, как сотням, тысячам расстрелянных, замученных, зарубленных, утопленных с «барж смерти». Будем справедливыми, не станем идеализировать «белое» движение. Белые, как и поныне свидетельствуют десятки братских могил и захоронений на территории бывшей губернии, охваченной огнем братоубийственной войны, зверствовали не меньше, а в иных случаях и гораздо изощреннее, чем красные.

Летом 1919 года Красная Армия перешла в наступление на Восточном фронте. 14 июля красные взяли Екатеринбург, 8 августа — Тюмень. Дивизия под командованием В.К. Блюхера 4 сентября овладела То-

больском, но, наткнувшись на неожиданно ожесточенное сопротивление речной флотилии противника, окончательно смогла взять город только 22 октября.

Вероятно, тогда и были освобождены уцелевшие тобольские узники, но в Березов Кузьма Илларионович вернулся через полгода...

Созданный в районе Демьянска—Увата партизанский отряд П.И. Лопарева (Платон Ильич Лопарев — уроженец села Самарово, участник первой мировой войны, племянник известного в Петербурге и на Обском Севере ученого-византиевода, историка, палеографа, исследователя древнерусской литературы Хрисанфа Мефодьевича Лопарева. В 1937 году арестован по необоснованному обвинению и расстрелян, в 1957 году реабилитирован) и отряд Скосырева в ноябре без боя взяли Самарово, в декабре, соеди-

нившись с Северным экспедиционным отрядом А.П. Лепехина, направленным в район боевых действий с целью подчинения партизанского движения, взяли Березов и Обдорск. Отряд Турнова отступил на север и хорошо укрепился в Саранпауле. Бои с остатками его отряда продолжались до весны. В марте сдавшийся в плен Турнов был расстрелян, а в апреле партизаны и красноармейцы вернулись в Березов...

В июне 1920 года из Иркутской тюрьмы возвратился Тихон Сенькин и возглавил уездный военно-революционный комитет, созданный в Березове еще 2 января. Из Тобольска 20 июня вернулся Кузьма Илларионович...

Его ожидали изголодавшаяся семья, возглавляемая не по летам возмужавшим Александром, запущенное хозяйство и жена с помутненным от всего пережитого рассудком.

8. Матез

«В воздухе витала смерть...»
(Из письма Н.К. Коровина от 12.04.78 г.)

Не успел Кузьма Илларионович в очередной раз прийти в себя после тобольского заточения, привести в порядок натянутые нервы, успокоить семью, как с юга стала надвигаться новая беда...

Вспыхнувший в Ишимском уезде в январе—феврале 1921 года бунт — «бессмысленный

и беспощадный», по-другому и не назовешь, как бы ни хотелось кое-кому из «новых» историков представить его «справедливой крестьянской войной» под лозунгом «За Советы, но без коммунистов». Вспыхнувший бунт яростно гудящим пламенем в считанные недели переметнулся на северные го-

рода и веси Тюменской губернии. Повсюду бунтовщиками производились жестокие расправы над коммунистами, продработниками и членами их семей. На охваченных пламенем бунта территориях объявлялись мобилизации в так называемую Народную армию, организуемую и хорошо управляемую отнюдь не крестьянами...

6 февраля в губернии введено военное положение, а 21-го Тобольск, с полгода тому назад с невероятными усилиями и большой кровью отбитый у колчаковцев, вновь оставлен красными. К марту пожар мятежа приблизился к Березову...

Можно ли было предотвратить развитие событий по наилучшему варианту, избежать огромных жертв как со стороны большевиков, так и со стороны мятежников? Можно. Необходимо было это сделать. Во всяком случае, наиболее дальновидные большевики на местах многое предвидели и пытались исправить положение. Так, в феврале 1921 года тогдашним председателем Березовского уездного исполкома Тихоном Сенькиным сообщалось в Тюменский губисполком, что в уезде дела плохи, как никогда: «Нет мяса, рыбные промыслы есть в очень редких местах, не хватает хлеба, «инородцы» недоедают, и тиф не может прекратиться». Не удивительно поэтому, что на стороне мятежников по-

всеместно оказывались, по воспоминаниям того же Лопарева, «лесные жители — остяки и вогулы». И уж слишком запоздало решение X съезда РКП(б) о замене продразверстки продналогом. Будь оно вынесено двумя-тремя месяцами раньше, трагедию удалось бы предотвратить.

Но в феврале—марте 1921 года красные отходили от Тобольска на север, а Березов тем временем готовился к эвакуации семей советско-партийных работников. И здесь большевики не придумали ничего лучшего, как прибегнуть к террористическим, бандитским методам самозащиты. В Березове они взяли в заложники и затем расстреляли 25 человек, главным образом из купеческих семей. Только в последние год-два благодаря изысканиям В. Белобородова, А. Петрушина, Л. Набоковой и других югорских краеведов из приоткрывшихся им архивов стали известны имена несчастных жертв...

Эвакуировался и Кузьма Илларионович. Ему, в жизни никогда не занимавшему каких-либо советских и партийных постов, нужно было уходить только потому, что он числился «в большевиках», и только затем, чтобы сохранить жизни членов своей семьи.

Александра рядом уже не было. С момента прихода в Березов в апреле 1920 года крас-

ноармейского отряда Лепехина сын работал в военкомате в должности писаря-делопроизводителя. Тогда же он вступил в созданный в Березове Союз молодежи, и его кумиром стал молодой комиссар лепехинского отряда некто Пунтус. Сразу после изгнания из Березова отряда Турнова в здании девичьего духовного училища, отведенного под клуб, комсомольцами стали устраиваться спектакли. В ходе одной из постановок Пунтус, исполнявший роль, был ранен в щеку выстрелом из револьвера холостым патроном. Несмотря на серьезное ранение (револьвер был приставлен вплотную к щеке), Пунтус нашел в себе мужество доиграть роль, чем и покориł окончательно сердца березовской молодежи. В первых числах января 1921 года Александр вступил добровольцем в отряд, высланный на юг против мятежников. А надломленный неизлечимой болезнью жены Кузьма Илларионович уже не мог повлиять на решение девятнадцатилетнего сына. Главной задачей отца было удержать подле себя рвущегося вслед за старшим братом шестнадцатилетнего Николая...

Эвакуировались двумя группами. Первая под защитой красноармейцев по плану должна была отходить в Обдорск. Вторую — численностью примерно в 50 человек, — состоявшую в основном из детей и женщин, в

том числе и душевнобольной жены, дочерей (Анна с грудным ребенком), Николая, и уходившую через село Чемаши на Никита Ивдель (за Уралом), возглавил Кузьма Илларионович. Помогал ему молодой и энергичный матрос с зазимовавшего в Березове катера «Орлик» Георгий Рябинин. Задача состояла в том, чтобы до подхода мятежников «проскочить» Чемаши, расположенные на Тобольском тракте, и откуда шла дорога на Никита Ивдель. И это удалось. Расстояние в 150 километров на лошадях и оленях преодолели за сутки. Избегав встречи с мятежниками, свернули с тракта и через Сартынью, Саранпауль после изнурительного марафона добрались до места назначения. Оттуда по железнодорожной ветке выехали в Екатеринбург, из Екатеринбурга — в Тюмень, из Тюмени, уже пароходом, прибыли в Тобольск, взятый красными 8 апреля.

В Березов эвакуированные вернулись только после того, как все Приобье — от Тобольска до Обдорска — было очищено от мятежников. Сдав партийную кассу, порученную ему на сохранение, Кузьма Илларионович стал думать, как и чем жить дальше. А подумать было о чем: жена больна, хозяйства нет — разгромлено, разграблено за время эвакуации...

А главное — от сына нет вестей.

9. Ошворская трагедия

«Александр был воспитан в духе революционной ненависти к самодержавию и эксплуататорам...»
(Из письма Н.К. Коровина от 18.04.78 г.)

Тревога усилилась после известия о том, что в селе Чемаши, благополучно пройденном в конце марта группой Кузьмы Илларионовича, в апреле был схвачен раненным в ногу и затем казнен мятежниками Тихон Сенькин. Его изуродованный пытками труп впоследствии перевезли в Березов и с подобающими почестями захоронили в центре города на высоком берегу Сосьвы.

В доме Кузьмы Илларионовича стали часто бывать гости. С приезжими из Тобольска советскими и партийными работниками он подолгу вел разговоры, в которые, однако, не допускал домочадцев. Но семья не могла не заметить, что после каждой такой встречи он становился еще более хмурым и замкнутым.

Однажды, будучи особенно расстроеным, во время зашедшего разговора об Александре Кузьма Илларионович вдруг коротко сказал:

— Александра нет. Он убит в бою под Ошворами...

Встал и ушел.

Подробностей гибели Александра семья долго не знала. Но Кузьме Илларионовичу, вероятно, было известно намного больше, однако до конца дней своих он скрывал от родных страшную правду.

До сего времени у местных краеведов нет единой версии ошворской трагедии. Так, в недавно изданной в Санкт-Петербурге книге бывшей заведующей Березовским краеведческим музеем, ныне жительницы Ярославля, Ираиды Шабалиной «Березов» этому эпизоду отведено всего несколько строк, причем весьма неубедительных. Указывается, например, что «отступавший под натиском «кулацко-эсеровских» мятежников в феврале 1921 года отряд», в составе которого «были женщины и подростки из созданного в Березове Союза молодежи, одетые плохо, из оружия на всех 16 берданок, близ деревни Ошворы был разбит, 36 человек расстреляны и брошены в прорубь».

Восстановим последовательность событий тех дней.

По воспоминаниям Николая Кузьмича, Александр принимал участие в боях под Самарово. Но прибывший из Березова отряд Данилова, в состав которого Александр, очевидно, и входил, совместно с самаровским отрядом самообороны, приняв бой с мятежниками у села Реполово, отступил на север. В Березов отряд вошел уже после ухода группы, возглавляемой Кузьмой Илларионовичем, поэтому

семья перед эвакуацией с Александром и не увиделась. Здесь спешно перегруппированный отряд расстрелял заложников и 21 марта двинулся дальше на север, прикрывая теперь уже ту, первую, березовскую группу, которой, мы помним, надлежало отступить в Обдорск и в состав которой, разумеется, входили «женщины и подростки из созданного в Березове Союза молодежи». Подчеркиваю: в состав группы эвакуированных, а не в состав красноармейского отряда.

Но березовские власти, принявшие решение об эвакуации группы в Обдорск, по-видимому, не предполагали, что и там 17 марта вспыхнет мятеж. Загадкой остается одно: почему о нем не предупредили отправлявшихся туда эвакуированных? Не смогли? Не успели? Понадеялись на то, что обдорский мятеж легко и скоро будет подавлен? Действительно, он будет подавлен через полторы-две недели, но 1 апреля мятежники вновь возьмут город...

Березовские эвакуированные и бойцы сопровождавшего их отряда, едва приблизившись к Обдорску, вынуждены были в спешном порядке, без передышки, начинать новый отход. В конце марта от Обдорска отступили три отряда. Отряду Протасова предстояло уйти в Ямальскую тундру, отрядам Хорохорина и Сосунова — за Урал. Но отряд Сосунова дошел только до Ошвора...

Летом 1927 года Николай Кузьмич Коровин встретит на пароходе в Самарово окруженного толпой призывников зырянина со следами многочисленных заживших ран на бритой голове. Он представится единственно уцелевшим участником ошворской трагедии и расскажет, как все произошло.

Это случилось в начале апреля (но не в феврале, как считает И. Шабалина). Основная группа измотанных многодневными переходами эвакуированных уже вышла из села, когда в него вошли прикрывавшие их отход бойцы не менее измотанного и обескровленного в боях отряда Сосунова. Заметив, что в окрестном лесу поднимаются столбы дымов, красноармейцы поинтересовались у местных жителей, что они означают. Группа зырянской молодежи, представившаяся комсомольцами, объяснила, что это олениводы жгут костры, и вызвалась охранять отдых бойцов. Те, на беду, поверили и согласились. Тем временем настигшие отряд мятежники, наведенные «зырянскими комсомольцами», окружили село и к ночи напали на спящих. По словам зырянина, погибло не менее 70 человек красноармейцев и часть оставшихся с ними эвакуированных. Причем схваченных врасплох сперва казнили: кололи штыками, рубили пашками, а затем расстреливали или живыми топили в прору-

бях. Уничтожили всех. «Недозарубленного», «недозастреленного» зырянина наутро подо-

брала сердобольная старуха зырянка, спрятала его в бане и выходила.

10. В гостях у наркома

«В 1923 году председатель Реввоенсовета лично наградил нашего отца»
(Из письма Н.К. Коровина от 12.04.78 г.)

Следует воздать должное Бронштейну-Троцкому: он не забывал «маленьких» людей, оказавших ему посильную помощь в его скитаниях по ссылкам. В книге «Моя жизнь» Лев Давидович тепло вспоминал об одном из таких «маленьких», служившем надзирателем («дежурным помощником») петербургской «предварилки»:

«Один из них, уже пожилой, особенно благоволил к нам. Я подарил ему, по его просьбе, свою книгу и свою карточку с надписью. «У меня дочери курсистки», — шептал он с восторгом и таинственно подмигивал... Я встретился с ним при советской власти и сделал для него, что мог, в те голодные годы».

Помнил Лев Давидович и бескорыстного березовского гражданина Коровы-Ножки...

«После Октябрьской революции Козья Ножка не скоро узнал, что это именно мне он помог бежать десять лет перед тем. Только в 1923 г. он приехал ко мне в Москву, и встреча наша была горяча. Его облачили в парадное красноармейское обмундирование, водили по театрам, снабдили грам-

мофоном и другими подарками...».

Нетрудно представить себе потрясение 64-летнего Кузьмы Илларионовича, еще не обретшего душевного покоя после трагической гибели старшего сына, уставшего, в конце концов, от нескончаемых тревог и треволнений, когда в сентябре 1923 года Тобольская партийная организация (а в 1923-м Березов отнесен к Тобольскому району созданной Уральской области) оповестила его о том, что он вызывается в Реввоенсовет. Наверняка испытал состояние, близкое тому, что испытывал хорохористый печник, неожиданно вызванный к Ленину, из известного стихотворения Твардовского. Правда, Кузьма Илларионович к тому времени уже знал, что председатель Реввоенсовета — это и есть тот самый молодой красавец в пенсне, которого в девятьсот седьмом году он, можно сказать, вернул революции...

И все же с тех пор прошло шестнадцать лет! Сколько воды утекло! Сколько самых неожиданных, трагических событий позади! И как порою на глазах неузнаваемо меняются люди! К

добру ли вызов? К худу ли? Что там на уме у Троцкого?.. Натерпелся страху!

10 октября Кузьма Илларионович был представлен председателю Реввоенсовета. О том, что «встреча была горяча», мы уже знаем, но о том, что творилось в перепуганной душе «маленького человечка» из захолустного Березова, остается только догадываться...

Позиции Троцкого к моменту встречи с Коровьи-Ножки (к тому времени Коровиным), то есть к октябрю 1923 года, несколько пошатнулись. От активной политической деятельности отошел Ленин. В июле был ликвидирован наркомат по делам национальностей, и уже до мая 1941 года Сталин занимал пост Генерального секретаря ЦК партии. А ведь еще 24 декабря 1922 года Ленин продиктовал свое «предупреждение»: *«Я думаю, что основным в вопросе устойчивости (ЦК — Н.К.) с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности... раскола...»*.

Летом и осенью полем борьбы с Зиновьевым, Каменевым и Сталиным стал анализ известной ситуации в Германии. В сентябре 1923 года Троцкий выступил с резкой критикой положения в партии и стране, подчеркивая опасность отрыва партаппарата от масс и отсут-

ствии твердого курса в экономике...

И все же 44-летний Троцкий был еще в силе и славе.

В этой связи интересно воспоминание бывшего меньшевика Либермана (в публикации Ю. Помпеева), в начале 20-х годов возглавлявшего «Северолес» и часто общавшегося с председателем Реввоенсовета: *«Попасть к Троцкому было гораздо сложнее, чем к Ленину. Приходилось пройти через пять комнат, где у дверей находились щегольски одетые военные. Наконец я очутился перед большим столом со всеми атрибутами стола министра. Передо мной сидел начальник Революционного Военного Совета Троцкий. Во всех его движениях и словах заметно было, что он великий человек. В то время, как от Ленина веяло простотой, от Троцкого исходили холод и надменная формальность»*.

Еще одна цитата из Либермана: *«Зачесанные назад густые, упрямые волосы, черные с проседью; подстриженная, клинообразная бородка; хорошо скроенный полувоенный костюм цвета хаки; высокие сапоги офицерского образца; нервные, с удлиненными пальцами руки; жесткие умные глаза и пенсне. Широкий письменный стол, уставленный множеством всяких письменных принадлежностей, давал почувствовать всякому посетителю пафос дистанции...»*.

Надо думать, «пафос дистанции» Кузьма Илларионович прочувствовал куда более остро, чем товарищ Либерман. Ибо перед «великим человеком» предстал маленький в прямом и переносном смысле человек (росту в нем было не более ста сорока сантиметров) на кривых, не гнущихся от робости в коленях ногах, с клинообразной же, но белой жиденькой бородкой, с мягкой щеточкой усов и серыми умными глазами на мертвенно-бледном, окаменелом от волнения лице...

Нам опять-таки остается только предполагать, о чем беседовали эти два человека. Вспомнили, разумеется, общих знакомых: Евсева, Рошковского, «пройдошу»... Последнего — недобрый словом. Троцкий вкратце рассказал о благополучном завершении тогдашнего побега, Кузьма Илларионович поведал о превратностях судьбы.

Чрезмерно занятый решением архиважных государственных задач, Троцкий позволил себе времени на общение ровно столько, сколько нужно, чтобы не обидеть человека невниманием, но распорядился «показать» Москву, что и было выполнено с честью. Гостю показали и Москву, и магазины, и музеи, и театр... А перед отъездом одарили граммофоном, охотничьим двуствольным ружьем, именными часами,

комплектом парадного красноармейского обмундирования, в коем он на обратном пути позировал фотографам Тюмени и Тобольска, и позолоченной чашей, которой, в отличие от ружья, суждено будет громко «выстрелить» в тридцать седьмом...

Но главное — вручили удостоверение следующего содержания:

«Народный комиссар по военным и морским делам.

10 октября 1923 г. № 2380.

Предъявитель сего Кузьма Илларионович Коровин — старый друг революционеров, оказывавший им неоднократно крайне важные услуги в смысле побегов из ссылки и прочее. В частности, мой побег из Березова был организован т. Коровиным, который заплатил за это тюрьмой, а позднее, при белых, едва не заплатил за жизнь.

Старший сын Коровина убит белыми во время гражданской войны. Прошу всех товарищей, во внимание к заслугам т. Коровина перед революцией, оказывать ему в необходимых случаях содействие.

Председатель Реввоенсовета.

Подпись.

Печать».

Из всех документов отца у Николая Кузьмича останется на память лишь эта пожелтевшая, с подклеенными сгибами бумажка...

II. Низвержение кумира

«Вскоре после возвращения в Березов отец заболел...»
 (Из письма Н.К. Коровина от 21.10.78 г.)

В то время, когда ошастливленный радушным приемом Кузьма Илларионович возвращался в Березов, а возвращение с торжественными встречами и проводами по всему пути следования затянулось едва ли не на полмесяца, в кабинете председателя Реввоенсовета день ото дня становилось жарче. И атмосферу вокруг себя Троцкий накалял собственноручно — письмами в ЦК. В одном из них, по случайному совпадению подписанном за два дня до «горячей встречи» — 8 октября 1923 года, он писал: *«...Объективные трудности развития очень велики. Но они не облеγχаются, а усугубляются в корне неправильным партийным режимом; перенесением внимания с творческих задач на внутрипартийную группировку; искусственным отбором работников, сплошь и рядом не считающимся с их партийным и советским весом; заменой авторитетного и компетентного руководства формальными приказами, рассчитанными только на пассивную дисциплину всех и каждого»*.

Серьезный вызов даже по тем «демократическим» партийным временам!

Более того, 24 октября — не успел Кузьма Илларионович прибыть в Березов — Троцкий

подписал свое второе знаменитое письмо в ЦК. Выражаясь на современном политическом сленге, перешел в решительное «осеннее наступление», навязав оппонентам дискуссию по хозяйственной политике и внутрипартийной жизни. Низовая «партийная масса», естественно, была взбудоражена эдаким дуэлетом. Но вскоре объединенный Пленум ЦК и ЦКК РКП(б), рассмотрев вопрос «О внутрипартийном положении в связи с письмами Троцкого», признал его выступления «несвоевременными». Виновник переполоха вроде бы и согласился с такой оценкой, но всего лишь через полтора месяца, 11 декабря, «выстрелил» в газете «Правда» статьей «Новый курс», т.е. опять «полез на рожон»: на этот раз в развитие законченной, казалось бы, дискуссии затронул проблему поколений в партии. Сталин 15 декабря ответил статьей «О дискуссии, о Рафаиле, о статьях Преображенского и Сапронова и о письме Троцкого». И вновь председатель Реввоенсовета потерпел поражение: в январе 1924 года принятой XIII партийной конференцией резолюцией «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» платформа троцкистов была осуждена.

Дальше — больше. Троцкий терпит поражение по всем «фронтам».

11—19 января 1924 года он не смог из-за болезни принять участие в заседании Президиума Исполкома Коминтерна, но вместе с Пятаковым отдал свой голос за тезисы Радека (по вопросу о причинах поражения так называемого «германского Октября» 1923 года). Однако большинством голосов Президиум принял за основу зиновьевскую линию на преодоление «правого уклона» в КПГ...

И июне—июле 1924 года делегаты компартий на V конгрессе Коминтерна практически единодушно осудили троцкистскую оппозицию как «мелкобуржуазный уклон...».

Что же Троцкий? А он после кратковременного перерыва, вызванного, должно быть, необходимостью «отряхнуться» от навешанных на него ярлыков и обвинений и собраться с мыслями после поражения в непрерывных дискуссиях «горячей» осени двадцать третьего и не менее «горячих» зимы и лета двадцать четвертого, в сентябре, находясь в Кисловодске, «выстрелил» дерзкой статьей «Уроки Октября», в которой безоглядно нарывался на новый скандал: поднял вопрос о полусоглашательской тактике Каменева и Сталина в феврале—марте и о поведении тех же Каменева с Зиновьевым в октябре семнадцатого года! И это в то

время, когда в центре дискуссии партии стоял вопрос о «социализме в одной стране», т.е., по существу, терпела поражение его знаменитая стратегия «перманентной революции»...

В конце концов случилось то, что по всем правилам и условиям политической борьбы и должно было случиться: в январе 1925 года Пленум ЦК партии освободил Троцкого от должности председателя Реввоенсовета.

Подковерные интриги всех более-менее значительных кремлевских перемещений как в прошлом, так и в настоящем современнику, вероятно, так и не удастся распутать до конца, да и, слава Богу, далеко не каждого они интересуют, но в нашем случае любопытно утверждение по поводу отстранения Троцкого от власти доктора исторических наук Н.А. Васецкого. В своем предисловии «Л.Д. Троцкий: политический портрет» к книге Льва Давидовича «К истории русской революции» он пишет:

«В борьбе с Троцким — в нарушение Устава партии — в Политбюро и ЦК создавались компактные группы, которые, прежде чем вынести вопрос на обсуждение полномочного органа партии, принимали по нему решение в своем узком кругу. Так, в 1923—1925 гг. были созданы сперва «тройка» (Сталин, Зиновьев и Каменев), затем «семерка» (шесть членов

Политбюро — Сталин, Каменев, Зиновьев, Рыков, Томский, Бухарин, то есть все, кроме Троцкого, и плюс еще председатель ЦКК ВКП(б) Куйбышев), представлявшие тайное Политбюро. Имелись и кандидаты в такое Политбюро — Молотов, Калинин, Рудзутак, Дзержинский и другие».

Не могу сказать, из каких источников вытекает данное утверждение Васецкого, но в этой связи не таким уж и абсурдным покажется заявление самого Троцкого, содержащееся в секретном письме в Политбюро ЦК ВКП(б) и в Президиум ЦКК от 4 января 1932 года из Кадыкея в публикации Ю. Фельштинского:

«...Вопрос о террористической расправе над автором настоящего письма ставился Сталиным задолго до Туркула (Троцкому сообщили, что бывший генерал русской армии А.В. Туркул планировал организовать на него покушение — Ю.Ф.): в 1924—1925 гг. Сталин взвешивал на узком совещании (подчеркнуто мной — Н.К.) доводы «за» и «против». Доводы «за» были ясны и очевидны. Главный довод «против» был таков: слишком много есть молодых самоотверженных троцкистов, которые могут ответить контртеррористическими актами.

Эти сведения я получил в свое время от Зиновьева и Каменева после их перехода в оп-

позицию, притом в таких обстоятельствах и с такими подробностями, которые исключали какие бы то ни было сомнения в достоверности сообщений: Зиновьев и Каменев, как вы, надеюсь, не забыли, принадлежали к одной правящей «тройке» со Сталиным, стоявшей над ЦК: они были в курсе того, что было совершенно недоступно рядовым членам ЦК. Если Сталин вынудил Зиновьева и Каменева опровергнуть их тогдашние показания, никто этому не поверит.

Вопрос в 1925 году был снят; как показывают нынешние события — только отложен...».

Так или иначе, но менее чем через два года — в октябре 1926-го — Троцкий будет выведен из состава Политбюро...

Еще через год — в октябре 1927-го — исключен из состава ЦК ВКП(б)...

14 ноября — в десятую годовщину Октября — из членов партии.

В начале 1928-го окажется в новой — алма-атинской — политической ссылке...

18 января 1929-го коллегия ОГПУ примет решение о высылке Троцкого за пределы СССР...

Все это произойдет после 1925 года. А в конце 1923-го — начале 1925 гг. Кузьма Илларионович Коровин после каждого известия об очередном выпаде кумира все более мрачнел и съезживался...

12. Смерть

«Мой отец был безбожником...»
(Из письма Н.К. Коровина от 10.06.78 г.)

А в Сибирь неиссякаемым потоком шли ссыльные...

«Республика не может быть жалостлива к преступникам, — писал еще в 1921 году в ЦК РКП(б) «железный Феликс». — Ими должны заселяться пустынные, бездорожные местности — на Печоре, в Березове, в Обдорске и прочих».

Если б только преступники! Недобитки-мятежники, к примеру, к которым у Кузьмы Илларионовича не было ни жалости, ни сострадания. Вставший под ружье не может уповать на милость.

Но если до семнадцатого года ему было ясно, что политические, следовавшие в ссылку, к каким бы партиям они ни принадлежали, — враги самодержавия, и точка, то после семнадцатого стало непонятно, почему члены тех же партий оказались вдруг по разные стороны баррикад с победившими самодержавие большевиками. На его глазах шли в Сибирь этапами кадеты и эсеры, меньшевики и анархисты, дашнаки, мусаватисты...

«Что там происходит?». Со всевозрастающей тревогой Кузьма Илларионович вслушивался в отзвуки нешуточных кремлевских баталий. Он не знал, не понимал да и в силу недостатка образования не мог вникнуть в завалуированные от

«широких партийных масс» истинные причины происходящего в Москве...

В январе 1924-го умер Ленин. После назначения на должность председателя Реввоенсовета Республики М.В. Фрунзе тихо, по одному, смещены со своих постов все соратники Троцкого...

Звезда кумира закатилась. И как мужичок «рассудительный», сметливый, Кузьма Илларионович интуитивно предугадывал, к чему может привести борьба с Троцким и с теми, кого с недавних пор повсеместно стали называть «троцкистами». Не кончится ли тем, что вслед за сосланными ранее пойдут большевики? «Правый» большевик сошлет в Сибирь большевика «неправого»? Кто скажет, кто заручится, что в ссылку или в тюрьмы не пойдут «троцкисты»? И он, Кузьма Илларионович, окажется в их числе. А как же не окажется, если и бумажка на руках от Троцкого. С подписью. С печатью. И ружье дареное. И граммофон. И ваза... Не отговоришься, не отвертишься. Вот ведь угораздило не вовремя отметить! То-то в райкоме кое-кто уже посматривает косо, как Ямзин в девятьсот десятом... А ведь все свои, знают как облупленного!

Что если страхи не напрасны? И помощь Троцкому в седьмом

году, и суды-аресты, и поездка в Реввоенсовет — все обернется доказательствами его несущест­вующей вины. А что натерпелся, нахлебался до ноздрей, жену довел до умопомрачения, стар­шего сгубил в этой мясорубке — кто примет в зачет?

«Матерь пресвятая Богородица, даром, что безбожник, на колени встану — спаси и сохрани... Спаси и сохрани мя, грешного!».

Летом 1925 года Кузьма Илларионович умер.

У гроба с телом «друга революционеро­в» был выставлен почетный караул из коммунистов и комсомольцев. Похоронили Кузьму Илларионовича рядом с большевиком Тихоном Сенькиным на высоком берегу Сосьвы, где, по свидетельствам краеведов, в петровские времена сто-

яли пушки. Мenee чем через десять лет к этим двум могилам добавится третья — братская, в которой будут похоронены жертвы так называемого «казимского восстания».

...А о том, как «выстрелила» подаренная в 1923 году Троцким позолоченная чаша, рассказала в своей книге «Березов» И. Шабалина. Чаша в тридцатые годы каким-то образом оказалась в райкоме партии и использовалась там в качестве пепельницы. С точки зрения энкавэдэшников, повсеместно выски­вавших в то время затаенных троцкистов, более доказатель­ной улики против тогдашнего секретаря райкома партии Степанова нельзя было и придумать. Пришлось ему полатиться за «очевидную связь» с троцкистско-зиновьевским блоком.

13. P.S.

«В день смерти отца возник пожар, угрожавший уничтожением городу»
(Из письма Н.К. Коровина от 12.04.78 г.)

По поводу совпадений дат дня своего рождения с днем Октябрьской революции (25 октября) и года своего рождения с годом рождения будущего непримиримого оппонента Сталина (1879) Троцкий когда-то высказался, что в отличие от «мистиков и пифагорейцев» не видит особого смысла в этих чисто случайных совпадениях и потому не придает им значения.

И он по-своему прав.

Как по-своему прав и тот, кто,

не будучи мистиком и пифагорейцем, все же усмотрит в череде несчастий «революционной» по­невеле семьи Голицына—Коровьи-Ножки—Коровина некий мистический смысл возмездия сыновьям за грехи отцов, а в пожаре, возникшем в Березове в день смерти Кузьмы Илларионовича, — если не символический ответ несбывшегося, к счастью для человечества, «пожара мировой революции», то, дай-то Бог, символ очистительного огня.

Книжный проспект

Ругин Р. П. Снежная держава: Книга стихов. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1998. — 128 с.

Новый сборник издан в канун юбилея автора. Он похож на своеобразную энциклопедию мотивов и настроений северянина. Известные вещи и новые произведения объединены ведущим лирическим сюжетом — историческое и личностное переживание суровой драмы ханты в XX в.

«У начал судьбы»... Оттачивая, как лезвие, характер и волю, стоит ли говорить о себе? Вот почему в стихотворении раздается «мучительный крик» автора. Ему трудно докричаться до пришельцев, губящих все живое на северной земле. Рядом печальный обзор «Родовых угодий» и память о ладе прошлого. Помогают пережить зло «Босоное детство», «Отцовские сказки», обращение к «Матери». Что остается? «Добрые традиции», «Родная земля», «Весеннее утро». И «Неуязвимость» — пока дружу с землей своей родимой, буду неуязвим перед врагами.

Зуйков Б. Ю. Белогорье: Роман. — М.: Мария, 1993. 192 с.

Не надо удивляться этому отклику, опоздавшему на 5 лет, на дебют писателя из Ханты-Мансийска. В нынешней невнятной «броуновской» ситуации с текущим литературным процессом репутацию делают деньги, кланы и корпоративные интересы. Конечно, на «передний край» изредка попадают и настоящие произведения. Но чаще всего хорошие новинки вращаются в узком кругу ценителей и в разрушенном культурном пространстве нередко пропадают. Особенно трудно чувствуют себя литераторы, продолжающие традиции русского классического реализма, лучших идейно-стилевых реалистических течений XX века. Цепь имен: Л. Леонов, А. Солженицын, В. Распутин, Л. Бородин, В. Крупин...

Общий кризис советской системы, духовно-культурная катастрофа нашего народа, в очередной раз насильно загоняемого в «рай» манипулируемого потребительства на западный манер, дали мощный толчок

новорусскому реализму. Поиску тех животворных, светлых ключей, которые действительно способствуют подлинному духовно-нравственному возрождению России.

Начался поиск нового героя, чье сознание и нравственное поведение способно противостоять разрушению и современному бесовству, отчуждению людей и жестокости текущего выживания. В развитой информационной системе в обстановке постоянного пребывания человека в массовом поле одномерных индивидов, подверженных «ласкам» игровой развлекухи, новые революции еще более усилят катастрофу. Обречен и протестующий терроризм. Религиозное влияние в светском плане очень слабо. Много фанатизма и замкнутого сектантства среди тех, кто считает себя правоверным. Остается путь нравственного очищения, поиска честных людей, их единения и создания условий для достойной жизни. Идеал — современная христианская община, союз с матерью-природой, благотворный труд и самопознание, добрая и крепкая семья. Социум как союз самоуправляемых народных ячеек — от семьи до производства. У Солженицына он похож на модернизированный вариант земства.

В этом ключе написан и первый роман Б. Зуйкова.

Молодой человек, вытесненный зловещими социобыто-

выми обстоятельствами на обочину жизни, осужденный, взывает любви и правды, чистой веры и настоящей свободы. Он многое испытал и сделал свой выбор — лишь в союзе с животворными силами природы можно чувствовать себя человеком.

Такая природоведческая проза и уход героя из обычного мира в просторы лесов и вод — не редкость в литературе XX века. Б. Зуйков словно окунулся в русскую ноосферу и настроился на голоса отечественных просветителей смутных времен XVI—XVII вв. (Древнерусская литература оставила нам в наследство житийно-бытовые и назидательные повести о Горе-Злочастии, Фроле Скобееве, Савве Грудцыне...). Наш автор уловил главный мотив — правдоискательство молодого человека, попавшего в смутный, жестокий мир, где подлинное бытие удалено от официальной политики, макроэкономики, лицемерно представляемых правил жизни. В начале романа сознание Игоря Крутова разорвано, он оставлен волею судьбы один на один с реальным злом вокруг. Но ушедшая в небытие родная семья крепко вложила в него нравственный закон — «не для чужой земли тебя вскормили».

В леспромхозовском поселке он получает первые зловещие уроки лицемерия и обмана. Пытается примириться с

двоимирием в душах большинства окружающих. В первой части («Ем-Еган») Игорь лишь лавирует, уклоняясь от ударов судьбы, ищет в правилах игры свой путь, чтобы сохранить себя, свою любовь к Оксане. Еще только намечаются контакты с ханты. Крутов нутром чувствует их правду, их отношения с природой.

Игорь весь роман идет по «лезвию бритвы». Но постепенно образуется круг доверенных людей: Говоров («мы обурели, живем по идиотским законам»), главный лесничий Осокин, добровольно принявший неписанные законы поведения ханты в природе. До главного героя доходит, что тайга — не добрая и не злая. Она — живая, как поведешь себя в ней, так и станет к тебе относиться.

Коллизия обостряется до предела, поскольку Оксана — дочь «хозяина»-разрушителя и полутехнократического князька местных лесопромышленников Хрунько. Лишь в финале романа после многих испытаний Оксана и Игорь обретают друг друга, узнав про Воскресение и о своем божественном знаке. Радует их союз малыш — сын Игоря и погибшей Светланы Худяевой, чья жизнь не задалась.

Во второй части («Белогорье») герой уже сам создает своеобразную неформальную «дружину» честных людей, уезжает

в Белогорье. Игорь принимает жизнь не только как враждебное ему начало. Следуя христианскому Новому завету, он самоочищается от скверны, постигает суть святых для ханты мест, ставит законы неба и тайги над собой. Он стремится в егеря, жить не жратвой и зрелищами, а сердцем. И тайга помогает ему с друзьями выстоять в поединке с хищной компанией браконьера Степана Злобина. Благословляя героев, звучит в их душах молитва покаяния и благодарности высшему и чистому смыслу жини. Герои нашли свою правду и готовы постоять за нее без насилия, без ожесточения против обзленных и заблудших. Счастьем своей трудной жизни они будут убеждать других выбирать и следовать путем Игоря Крутова.

Кожухов Б. Ф. Надымский вариант: Повесть в письмах и дневниках. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1998. — 224 с.

Борис Кожухов не новичок в литературных кругах нашего Крайнего Севера. Печатался в районной и областной прессе, в газете «Тюмень литературная», журнале «Россия молодая», коллективном сборнике стихов «Гладь памяти», альманахе Надымского литобъединения «Окно на Север». Вышли две книжки его стихов — «Камертон» (1994) и «Здесьная

эпоха» (1996). Родился автор на тульской земле, закончил речное училище, институт водного транспорта. Капитан речного флота. Работал, преподавал, увлекся журналистикой. С 1972 года на Севере, на себе испытал все своеобразие тамошних рек в короткую навигацию.

Мне не довелось ранее познакомиться с его творчеством, газетные публикации случайны и чаще всего просто просматриваются. И вот — книга Кожухова, можно спокойно и обстоятельно прочитать текст. Скажу сразу — великолепная проза, мастерское владение сюжетом, оригинальное стилевое оформление труднейшего материала — рассказа о рабочих буднях. Причем автор живописует настоящее. Крепкие характеры, овещение человеческих занятий то в романтических «солнцах», то в бытовой текучке, то в экзотических «латах», соответствующих профессии строителей-подводников. Они — элита в среде тех, кто укладывает трубы на трассах новых нефтегазопроводов. Ювелирная и трудоемкая работа — смонтировать дюкер и протаскать его по дну реки, протоки, уложить в специальные траншеи стальные трубы.

Тут действуют неписанные морские традиции, водяные технари высшего класса суевер-

ны — в день операции протаскивания удаляются прочь все женщины.

Привлекателен колоритный Шура Балаганов в первом письме. Водолаз, разменявший славу на питье, но потом не раз выручавший своих, нырявший в проруби за ушедшим на дно тросом и вытаскивавший его. А «приключения» Александра Чеснокова (настоящая фамилия героя) в купе скорого поезда Москва—Воркута? И суровый поворот судьбы — писал стихи, забичевал, исчез...

Шутки земснарядников-водомутов хорошо дополняют их работу. И доверие, когда большие деньги северян лежали у них дома просто так или оттопыривали карманы («пиджак, где деньги лежат»). Не оторваться от «джентльмена удачи», «робинзона», притчи о бензине, трубукладчике и сломанном зубе.

Конечно, нужны летописи о славных делах тюменской нефтегазовой эпопеи с фактами и биографиями, оценками содеянного. Но живое человеческое измерение «чуда века» в художественно-документальном блеске иронии и юмора, быта и характеров, эмоционально воссоздающее все как было, но уже образно, увлекательно, — не менее значимый вклад северного писателя в эту летопись.

В издательствах страны

Сургутский словарь/Сост. Замятин В.П., Захаров И.П.; Отв. за вып. О.А. Зырянова. — Сургут, 1998. — 90 с.

Часть книги, вернее ее первая часть, — репринтное воспроизведение «Русско-остяцко-самоедского практического словаря наиболее употребительных слов», составленного А.А. Дуниным-Горкавичем и изданного в Тобольской типографии епархиального братства в 1910 г. Вторая часть книги — словарь забытых или забываемых русских слов, которые, как выразился автор предисловия И.П. Захаров, «были в лексиконе наших бабушек и дедушек». К словам, записанным А.А. Дуниным-Горкавичем, а также П. Шенбергом (30-е годы XX века), добавлена лексика современников, только пожилых, жителей города и района.

Так что, если интересно, что такое «быню за пупыню», «гасник», «дуболок», «затуран», — всегда можно посмотреть в словаре.

Книга издана к 75-летию Сургутского района.

Захаров И.П. Географический словарь Сургутского района. — Сургут, 1998. — 80 с. + 22 с. ил.

Издание рассказывает о географических названиях Сургутского района. Читатель встретится с названиями больших и малых населенных пунктов, рек и озер, охотничьих и рыболовных угодий. В словаре также зафиксированы названия дере-

вень, выселок и заимок, которые навсегда исчезли с современной географической карты района.

И. Захаров в предисловии оговаривается, что в районе существует несколько тысяч названий, но из них попало в словарь более трехсот старых, новых и исчезнувших поселений.

Пример словарной статьи: «Сармановская половинка — выселок, деревня на протоке. Тундринский сельсовет. Колхоз «Искра пролетариата». Рыболовство, животноводство. В 1914 году там жили около 100 человек русского населения. Сармановский песок остался в памяти сургутских старожилков как излюбленное место охотников на гусей в весеннюю пору. В настоящее время угодья любительского промысла». Приведенный пример — очень типичный для данного издания, которое может, скорее, претендовать на опыт словаря, на проспект будущего словаря.

В приложении к книге приведены названия сельсоветов района, перечень месторождений нефти и газа на территории района, список дачных кооперативов, а также наименование улиц г. Сургута.

Книга издана к 75-летию Сургутского района на средства внебюджетного экологического фонда.

Мазин В. А. Ларьякский голос: Сборник стихотворений [посвящается] к 70-летию Нижневартовского района — Нижневартовский район: Приобье, 1998. — 128 с.

У этой книги есть все: цветная суперобложка с попыткой форзацев,

обилие иллюстраций, автор с двойной фамилией (Мазин-Куниц). Есть даже претензия на классику: уж больно многие названия кочуют из сборника в сборник. И самое важное для истории литературы — дата написания творения...

*Без родины неласковой моей,
Без ручейков азартного слянья
Я не поэт,
не ветвь,
не соловей —
Я просто жить ни где
не в состоянии.*

*Воды привахской бурные права
Заучивали стройные березы,
Чтобы листвою нежно целовать
Меня, скрывающего слезы.
Привязкою питающих корней,
Свободой созвездий над лесами
Я знаю родину.*

*И только с ней
Осмеливаюсь говорить стихами.*

Как видим, автор «не поэт», но, как сам признается, осмеливается все-таки «говорить стихами». Эх, если бы этой смелости чаще сопутствовало хотя бы незначительное чувство языка. Не ларьякского, а русского. Того самого, каким автор пытается объясняться не столько с родиной, сколько с читателем трех книг.

Книга может быть интересна в первую очередь тем, кто пишет курсовые по стилистике. Хотите доказательства?

«Тебе ли в хоре голосить?» (в хоре поют, а голоса несколько в иных ситуациях); «Я столетия воды несу... в чистых струях» (скорее всего, это исповедь реки Вах, бегущей из водопроводного крана); «Из ворот вылетали подушно... деревенские добрые кони» (с каких это пор коней начали считать в душах?); «За каждую штанину по юбке — выбирай» (а из чего же выбирать, если за штанину только одна юбка...); «Про бабье лето сладко пелось тебе со звонами даров» (а вы слышали, как летом звенят яблоки, груши? Я — нет); «Мне бы встретиться с касаткой

на морозе да тайком. Обогрел бы я замерзшую и под горку прокатил» (кто такой касатик, понятно всем; а вот касатка? Может, в свете последних веяний века, это мужчина женского рода, которого можно касаться? Хотя может быть и другой вариант. У одного из крупных писателей Югры как-то прозвучала заявка на особое отношение к животным, которое он тотчас выразил «зубодрочительным» заголовком книги «Тридцать лет со спаниелем». Это к тому, что касатка — вид ласточек...)... Можно поставить много многоточий. Их хватит на несколько десятков курсовых... Эй, не ленивые, за работу...

P.S. Корректор, прочитавшая последнее четверостишие, под его впечатлением написала... Нет, не заявление об увольнении, как это сделал герой одного из рассказов Вампилова. Она написала танку:

*И
не складно,
И
не ладно,
А на улице прохладно.*

Поэты, берегитесь улиц! По ним ездят танки!

Гончан Ю. Отражение: Стихи. — Екатеринбург: ФГУИПП «Уральский рабочий», 1998. — 80 с.

Поэт в России — больше чем поэт. В данном случае он — юрист Сургутской таможни, которому ОАО «Запсибнефтеснабкомплект» оказало «всемерную помощь в издании сборника». Насколько всемерную — об этом стихи умалчивают.

Но они говорят о многом другом. Об общих с другом женщинах, «что давно или недавно были с нами» (армейская привычка: в столовую, кинотеатр и к женщине ходить строем) в «этих фильмах кратконочных». И о чувстве счастья, что «как клоуна небесных туч». И сказать «последнее «прости» при этом сложно,

потому что приглашение опустевшей кровати не привлекает автора стихов. Ведь он «ясная улыбка — прямо плейбой!», «без пятен на мундире», но у которого все еще «бес в ребре».

Это Гамлет мучился: «Быть или не быть?». У нашего автора все гораздо проще: «Ну что там сборник написать?». Да как два пальца обсосать. «Представитель Российской границы! Не нажил ни богатства, на барства, Позаботься о нем, Государство!».

Или еще одно ОАО!

Василенко Б.И. Народная медицина Ямала. — Салехард, 1997. — 100 с.

Книга больше похожа на фундаментальное исследование, нежели на популярный очерк о народной медицине ненцев Ямала. Брошюра открывается обзором источников, из которых почерпнуты некоторые сведения. В него попали не только работы Ю. Кушелевского, Н. Абрамова, П. Буцинского, но и исследования медиков, этнографов русско-советского периода.

В главе «Истоки и основы народной медицины» приведено много примеров использования в медицинских целях трав, других средств. При этом не всегда указывается источник полученных сведений. Упомянуты случаи из жизни ненцев, когда те применяют какие-то народные методы для лечения конкретных заболеваний. Не всегда при этом автор книги делает вывод по описанному случаю: можно ли было достичь лечебного эффекта. Если вспомнить «Траву» В. Солоухина, где автор подробно описывал, почему, например, старухи для лечения используют обязательно репейник из собачьего хвоста, то книга А. Василенко в стиле изложения, несомненно, проигрывает вышеназванному изданию попу-

лярного российского писателя. И здесь дело, скорее, в подходе к проблеме «знание-незнание». Б. Василенко в своей книге чаще выступает как регистратор известных приемов в народной медицине, не заботясь о мотивировке предков, обращавшихся за помощью к разного рода средствам, которые должны были помочь восстановлению здоровья.

Ленцов Ю. А. На крутых ступенях: Литературный очерк. — Екатеринбург: ФГУИПП «Уральский рабочий», 1998. — 64 с.

Книга — это история Тимофея Федоровича Набоки, уехавшего вместе с молодой женой из украинского села осваивать Север. В мужском коллективе все начинают обращать внимание на пополневшую за месяц помощницу поварихи Наталью. Тимофей устраивает в столовой по этой причине драку. А в это время на буровой... Типичный производственный конфликт, который позволяет несмышленому Набоке вырасти вскоре до помастера и т.д. Жена рождает дочурку и остается в селе Полтавка. А в это время на буровой уронили инструмент, а труба оказалась бракованной. Тимофея тут же отправляют учиться в индустриальный институт, но героя очерка тянет на лирику: умер Банко — не поехать ли к жене? Но той предложили дефицитное место повара в Карской экспедиции. И полбалка на двоих. С мужем. Но Наталья не хочет кормить мужчин на Севере. Ее тянет на масштабные дела, ибо у Тимофея тяжелое прошлое: во время забурки тот погубил раствором озеро. Пахнет новым производственным конфликтом... Но книга неожиданно заканчивается...

Наверное, подзаголовок к названию книги — «Литературный очерк» прилепился из-за обилия фраз типа: «Он любил море. Чем-то оно напоминало

ему колышущиеся пшеничные хлеба полтавских полей»; «Белой птицей пролетает октябрь». В почерке хорошо просматривается стиль журналиста, не брезгующего иногда и штампом 47 калибра («И пошло быстро, уверенно. Работа захватила»; «Молодой поммастера всецело отдался налаживанию двух вахт для забурки»).

Обская радуга: Альманах писателей Ямала. 1998. Вып. 1. — 1998. — 206 с.

Салехард всегда казался провинцией, но всегда очень литературной. Бытовала даже шутка, что в этом населенном пункте писателей три, а «Зелёных ламп» как минимум четыре. Когда вышел альманах салехардских писателей «Под сенью нохарюха», было заметно, что здесь, на краю земли, писатели активно «осваивают» происходящее в душе человека. Анна Неркаги и Николай Данилов — каждый своими средствами — пытались постичь, почему человечеству грозит вырождение. Почему, начиная привыкать к цивилизации, мы постепенно заменяем мясо колбасой, человеческое общение — дружбой с компьютером, супружескому ложу предпочитаем абстрактное слово «любовь», а семейному очагу — детдом. «Белый ягель» и «Крапива», очень разные по манере письма, были полны тревогой за то время, когда человек со всеми его страстями, каким его знала классическая литература, превратится в нечто, прообраз чего нарисован в «Молчащем».

И «Белый ягель», и «Крапива» были опубликованы в вышеназванном альманахе в отрывках. Они читались как законченные произведения. Но вначале Анна, а затем и Данилов написали продолжения. Пустая колыбелька «Белого ягеля», окруженная стариками и старухами с их романтическими атрибутами тра-

дий прошлого, символизировала отсутствие всякой перспективы у народа. И то, что главный герой страстно любит девушку, живущую где-то там, в городе, не замечая, что в одной постели с ним находится жена, было гротеском (автору не удалось достичь его даже иными способами в «Молчащем»), этаким обрывом в конце пути. Герои обворожительно разговаривали с Огнем, старики наблюдали экзотические для современного читателя обычаи своих предков. Все, казалось, идет своим чередом. Но герои не хотят видеть, что на пути — пропасть. Иногда казалось, что писатель рисует ее только в воображении читателя, потому что героям всё равно уже никак не выбраться из обреченности...

Анна дописала «Белый ягель», пришив повести американский хэппи-энд: мать уговаривает сына не придумывать любовь, а жить так, как жили их предки. И тот, возвращаясь к очагу, видит женщины, ожидающих мужчину, хозяина очага: так в их роде было всегда. Замысел — тот, изначальный, о вырождении народа, — затерялся в лабиринтах писательского таланта.

Нечто подобное произошло и со второй частью даниловской «Крапивы». Писателям изменило чувство своевременно поставленной точки.

Тот альманах ругали. Но в основном за его имя. А не потому, что вещь Альберта Родионова была неинтересной. Нет, она была сделана талантно и свежо. Правда, иногда были видны склейки, возникающие при монтаже кусков, — результат профессиональной деформации автора (он киношник). И интонация родионовской прозы отдавала ностальгией по юности: так писали исповедальную прозу М. Анчаров и ранний Аксенов. А «нохарюх» — это хантыйское имя кедра. Разумеется, на Ямале не могло быть в принципе ничего на языке соседей.

Прошло три года, и вот наконец появился снова альманах писателей Ямала. И название у него достаточно незатейливое, скорее русское, нежели восходящее к самоедским корням. За эти три года в Хантах издали три тома «Эринтура», ежегодника в двадцать пять печатных листов каждый. И в каждом выпуске — анонсы новых вещей, архивные материалы писателей, которых уже нет рядом с нами, обзоры литературной жизни, критика, библиография, цветная вклейка с работами местных художников. Редактирует «Эринтур» известный писатель Николай Коняев.

В первом выпуске «Обской радуги» редактором-составителем выступил писатель Юрий Афанасьев. Казалось, за три года, прошедших после «Под сенью нохар-юха», издание, грозящее стать периодичным с частотой появления к читателю два раза в год, должно открыть новую страницу в литературе Ямала.

Но... И дело вовсе не в том, что первый блин комом, скорее всего, за минувшее трехлетие ничего не произошло в Салехарде, за исключением создания региональной общественной организации писателей «Литератор Ямала».

Не очень удачен раздел прозы. Сюда помещен Г. Махмуд с его надежным «как весь гражданский флот» «Татарчонком». Мы как-то с автором считали, сколько раз он издан. Навскидку выходило, что раз семь. Даже в хрестоматии по литературному краеведению для школ два раза попадал. Здесь же кусок из дважды выходявшей прозаической книжки Н. Ядне. Прекрасный прозаик Валерий Мартынов, но его «Мимозы» известны читателю даже по школьной хрестоматии. «Княжна Рита» А. Веремьева — это также перепечатка из книги.

В разделе «Ироническая проза» — надоевший до оскомины Ю. Ленцов с «Чудаками» и «Эмансипацией» из серого сборника «Круговорот»: сегодня никто зарисовки уровня районной газеты с потугами на юмор не только не пишет, но и не читает. Но, как оказывается, издают: рукописи не горят. Здесь же явно газетные фельетоны Бориса Касаева, публиковавшиеся в «Зое из Уренгоя».

В разделе «Поэзия» дела обстоят примерно так же. Стихи Ю. Баскова взяты из сборника «След», одно стихотворение К. Кривчикова — из альманаха «Под сенью нохар-юха», строки А. Сержантовой знакомы по «Окну на Север», Д. Мурзин перекопчал из вышедшего в минувшем году в Москве сборника.

В других разделах — знакомый по двухтомнику А. Гольд, тиражированный в Тобольске П. Кожевников...

Читателю впору вскричать: но ведь это же альманах! Где открытие?

Пожалуй, единственная интересная публикация — запись фольклора, сделанная известнейшей писательницей Анной Павловной Неркаги. Хотя, как говорят многие, за это время ей удалось написать книгу «Белое и думы».

Начав разговор о других альманахах, хотелось подвести читателя к мысли, что не наличие печатного издания говорит о наличии литературы. В двадцатые годы каждая уважающая себя школа издавала если не газету, так какой-нибудь литературный альманах, нечто среднее между домашним альбомом и полигоном для обкатки творческих сил. Но стоило ли вбухивать такие деньги в издание первого номера «Обской радуги», чтобы понять: в литературной жизни Ямала — штиль.

*Обзирал
Ю. Мандрика*

Олеся Викторовна Мысковских, учитель высшей категории, в течение нескольких лет преподает литературное краеведение в школе № 39, где история нашего края стала основным направлением исследовательской работы педагогов и учащихся. Предложенные материалы — лишь небольшая часть из опыта изучения этого нового для школы предмета. Автор работы — увлеченный педагог и тонкий филолог, глубоко чувствующий художественный текст, мастер, который умеет методически грамотно построить урок и изложить его содержание так, чтобы каждый заинтересованный читатель нашел в нем полезную и ценную информацию.

Из опыта преподавания литературного краеведения в школе

«Национальный мир в региональной литературе» — такова тема спецкурса, который я преподаю в десятом классе. И хотя в изданной к нему программе, как положено, указаны цели и задачи и даже определено, что преподаваемый мною спецкурс является составным элементом литературного образования с учетом этнокультурных региональных особенностей, но для меня спецкурс — это прежде всего возможность эксперимента, поиска новых путей и общение с литературой края, которую я открываю для себя, подобно Колумбу, и, возможно, сумею открыть ее и для своих учеников.

Система уроков по литературе Тюменского края предполагает различные аспекты исследования текста. Мне бы хотелось в данной работе обратить внимание на возможности регионально-литературного краеведения с точки зрения приобщения учащихся к слову как первоэлементу художественной литературы.

«Слово в контексте художественного произведения» — так определяем мы тему урока-исследования по повести «На нерестовой реке» хантыйского писателя Р. Ругина. В качестве эпиграфа выбраны слова В. Шукшина: «Искусство — сказать так, чтобы тебя поняли, ...искать и найти свое слово». Поиск и открытие определяют и творческую деятельность учащихся на уроке в процессе лексической работы над текстом повести. Основной метод — эвристическая беседа, оптимальная форма работы — коллективно-групповая. В ходе урока используются карточки-информаторы (в них раскрываются анализируемые лингвистические

понятия), производится работа по составлению опорного конспекта.

Ключевая реплика **в начале урока**, которая даст направление исследовательской работе, выделена из текста повести «На нерестовой реке»: «Слово у северян ханты всегда считалось законом», т.е., подобно закону (акцентируем внимание на семантике, выверив лексическое значение по толковому словарю), слово раскрывает связи и взаимозависимость явлений, подобно же закону, слово проявляет и свои «непреложные правила функционирования». Обратим внимание на функции слова в контексте повести Р. Ругина.

Общеизвестно, что слово в художественном произведении используется как средство характеристики персонажей. Принцип речевой характеристики Р. Ругина достаточно несложно установить старшеклассникам, опираясь на сведения по идейно-композиционному анализу повести, которые приобретены на предыдущих уроках. Это принцип контраста. Десятиклассники легко сумеют отметить, что слово «отнято» у тех героев, которые несут в себе заряд зла и корыстолюбия. Первая группа персонажей (Квашнев, Тикун) изъясняется на примитивном языке; взамен слова — суррогат его, типа универсального «нормалек», «полный салют», или фраза, где поэтическая сторона метафор стерта начисто: «штрафом зацепят», «на три сотни потянут», «влипнуть можно». «Вершиной» образной речи является несколько раз повторяемый фразеологизм: «Кто с бумагой, тот с атакой». Это «слово-олово» — как метко определяет автор повести — неживое, и поэтому оно вытесняется иным лексическим пластом. Доминирует эмоционально окрашенное, публицистически острое, поэтически высокое, «доброе слово» доброго человека — это свойственно второй группе персонажей (Митри, Ульку, Шихмин). Наблюдение учащихся над речью данных героев произведения позволяет сделать следующие выводы: монологи персонажей диалогичны — свидетельство напряженной внутренней работы. А глубокий смысловой подтекст читатель обнаруживает и в древней легенде, рассказанной Митри, и в слове, обращенном к сыну, по сути, и к нам сегодняшним: «Пусть хоть и камень, а все же с родных мест. Он хоть и мертвый с виду, а сердце затаенное имеет. Только чувствовать это надо. Коль не будешь чувствовать, как же тогда родное гнездо любить будешь?».

На **втором этапе** урока учащимся предстоит отметить, как слово помогает отчетливее выразить авторскую идею. Острота поставленных нравственных и экологических проблем раскрывается не только на композиционном уровне произведения, но и

проявляется в отборе лексических средств. Речь пойдет о функциональных особенностях эпитетов — художественных определений.

«Ас ях» — народ, живущий по Оби, речной народ — остяк, и река, как образно считает автор, помогала прокладывать тропу жизни. Нерестовой названа она в заглавии повести. Мы предлагаем учащимся продолжить ряд эпитетов, обратившись к тексту произведения.

↓ ————— Река ————— ↓	
счастливая священная всесильная живая и животворная прозрачная чистая	мертвая заиленная холодна, чужая для рыб тяжело дышащая от натуги израненная глинистая муть с примесью чего-то непонятного

Не требуется больших усилий, чтобы понять подтекст приведенной параллели. Принцип выделения ключевого слова помогает учащимся выйти на идейную концепцию повести и разделить тревоги Р. Ругина — писателя, гражданина, северянина.

Гражданское и общечеловеческое воплощено в единстве с традиционными корневыми ценностями ханты, и **третий этап** урока посвящаем характеристике художественных тропов, определенных этно-национальными чертами. Во-первых, в повести достаточно обширный ряд постоянных эпитетов. Закрепленный в сознании ханты признак часто уже не варьируется, а воспринимается в устойчивом семантико-синтаксическом единстве с определяемым словом. Помимо достаточно привычных постоянных эпитетов: вода — живая, зима — лютая, много необычных, специфических: нельма — красавица, небо — светлое, высокое, сырок — пряткий, чир — мускулистый. Каменный ветер (ветер, дующий с Уральских гор), хом-юх — наглый покойник — весьма необычные сочетания, русский читатель воспринимает их, безусловно, как оксюморон. Во-вторых, любимые словообразы Р. Ругина (метафоры) базируются на обыгрывании признаков и качеств, характеризующих животный мир, быт ханты. Многословная, но несодержательная речь определяется героями повести так: «Целое пастбище слов наговорил».

Часто встречается метафора развернутая. Учащиеся способны отметить целые гнезда смысловых переносов, например: «Страх мелкой рыбешкой так и плавает. Только хвостики мелькают».

Рыба, река часто встречаются в основе метафорических образований повести. И снова мы не случайно обратимся к заглавию произведения. Понятие «река» расширяется: не просто «нерестовая», «кормилица», не просто течение воды, но и река жизни духовной, течение времени, движение истории, в ней отпечаток событий и судеб людских.

Безусловно, предложенный вариант урока не исчерпывает всех возможностей лексического анализа текста. Однако, как мне представляется, данная работа содержит в себе определенное рациональное зерно и имеет выход на комплексный анализ текста, дает возможность привить современному школьнику некий вкус к слову.

Не менее важно и открытие художественной культуры одного из северных народов — ханты, приобщение учащихся к иным словесно-образным средствам, которые свидетельствуют о достаточно высоком уровне духовности ханты, что снимает определенный снобизм в восприятии творческого наследия писателей-северян.

В издательстве Ю. Мандрики

Патканов С.К. Сочинения в двух томах: Т.2. История колонизации Сибири/Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1999. — 320 с. — [Приложение к журналу «Лукич»].

Во второй том вошли практические все статьи, опубликованные в русской периодике при жизни автора: «О происхождении слова «Сибирь», «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям», «Сказания о поездках остяцких князей к русским царям», «По Демьянке: Бытовой очерк», «Краткий очерк колонизации Сибири», «О рассказах г-жи Симоновой из быта вогулов, остяков и самоедов: Критическая заметка», «Список тобольских слов и выражений, записанных в Тобольском и Тюменском округах».

Книга издана в переплете, с ниткошвейным скреплением тиражом 500 экз. Стоимость книги — 100 руб.

Книга может быть приобретена только в комплекте с первым томом: «Остяцкая молитва», который находится в печати.

Данилов Н.А. Крапива/Предисл. В.А. Рогачева. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1998. — 208 с.

Н. Данилов — прозаик, успешно дебютировавший в книге «Под сенью

нохар-юха: Альманах салехардских литераторов». Уже опубликованные главы говорили, что перед нами — серьезная проза. На примере Кольки Вихрова автор показал тупиковый путь развития отношений в семье, ее вырождение. Умершая мать, появившаяся рядом с отцом мачеха — все это заставляет подростка искать суррогатную мать. Колька стремится попасть в детдом. Там, считает он, ему будет гораздо лучше, чем у живого отца с мачехой.

О том, с чем столкнулся герой повести в детдоме, читатель узнает из второй части книги, которая опубликована впервые.

Сургутский район: Справочник/Сост. Д. Сергеев. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1998. — 128 с. + 16 с. илл.

Составитель пошел несколько по иному принципу, чем это сделал *Захаров И.П.* в «*Географическом словаре Сургутского района*» (см. С. 41). В книгу попали только исторические справки о Сургутском районе, о существующих сегодня административных единицах — сельских советах, о населенных пунктах.

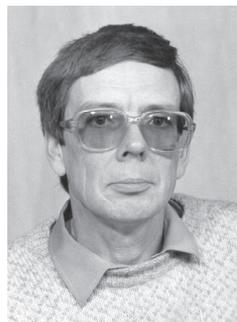
Называя тот или иной населенный пункт, составитель обстоятельно расписывает не только его историю, но и сегодняшнее его состояние, наличие в нем тех или иных производственных мощностей.

В качестве иллюстратора книги выступил фотограф А. Бессмертных.

Владимир Алексеевич Ефремов родился 8 декабря 1947 г. в Тюмени. Окончил истфак госуниверситета. Работал в школе, милиции. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Сельская молодежь», Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея, газетах «Вечерний Омск», «Тюменская правда», «Тюменские известия», «Советское Зауралье» (Заводоуковск) и др. Интересы — краеведение, в частности, XVIII век. Известен как автор блистательных книг «Ямские колокольчики Тюмени и Шадринска» и «Тобольское серебряное дело в XVII—XIX веках» (Ювелирное искусство в Тобольске.— М.: Галарт, 1997. С. 10–41.)

Нынешняя публикация — это разыскания в архивных незафондированных материалах.

Тюмень восемнадцатого столетия

**Словесное челобитье стряпчего
Тюменского Преображенского
монастыря Ивашки Романова
Тюменскому стольнику и воеводе
О.Я. Тухачевскому.
Ноябрь 1701 г.**

1701 года ноября в 8 день бил челом великому Государю и великому князю Петру Алексеевичу всея великия и малыя и белыя России Самодержцу, а на Тюмени в приказной избе стольнику и воеводе Осипу Яковлевичу Тухачевскому словесно Тюменского Спасова Преображенского монастыря стряпчий Ивашко Романов, а в словесном своем челобитье сказал в нынешнем де 1701 году ноябре в 8 день был Спасова Преображенского монастыря архимандрит Герасим у Архангельской церкви, служил литургию, а после службы святыя литургии звали в дома для почести и праздника святого Архангела Михаила у попа Ивана Иванова именитого человека Григория Дмитриевича Строгонова к человеку ево Дмитрию Степанову сыну Базанову и как де архимандрит Герасим у Дмитрия Базанова был и в то число на дворе Дмитрия Базанова Ильинской дьякон Иван Иванов, на которой лошади архимандрит приехал, он дьякон ножом изрезал шлею ременную и похвалялся он же дьякон резать ножом архи-

мандрита Герасима, а как он дьякон резал шлею и в то число видел и похвальные ево дьяковы слова слышал ямской охотник Елисейко Лупандин и изрезанная шлея на Тюмень в приказную избу принесена и осмотрена и по осмотру шлея перерезана ножом в четырех местах и великий Государь пожаловал бы ево Ивашку словесное челобитье записать, а ямского охотника Елисейка Лупандина допросить.

**Отрывок из дела о «расколе» старца Аврамия.
Декабрь 1701 г.**

[...] 1701 года декабря против 21 числа в ночи в 14 часу на Тюмени в приказную избу перед стольника и воеводы Осипа Яковлевича Тухачевского тюменской сын боярской Василей Некрасов привел женку Ненилку, а сказал он Василей что де та женка приезжала на Тюмень во многие дома и в уездах поведомости ему Василью, что де она Ненилка подговоря женск пол многих людей увозит с Тюмени в пустыни неведано куда, да в нынешнем же 1701 году в декабре месяце, как он Василей ездил для государевых денежных оброчных зборов в Тюменской уезд по деревням и без него де Василья она Ненилка пришед к нему в дом и обманом подговорила было дочь ево Васильеву девицу Овдотью, хотела ее свести в русские города или куда в пустыни, и с дочерью ево с нею Ненилкою забрали было живот ево Васильевы из дому ево, а дочь де ево Овдотью поймала жена ево Васильева и животы свои взяла к себе. У сего привоуду сын боярской Василей Некрасов руку приложил.

Того ж числа на Тюмени в приказной избе приводная женка Ненилка Потапова дочь роспрашивана, а в роспросе она сказала родиною казанские четверти Мензелинского города, была жена казанского стрельца Филки Степанова Кузнецова, а в Сибир де они с мужем своим ис Казани бежали в прошлом году потому, что у мужа ея в том же городе была первая жена жива, и ея де было Ненилку с тем же мужем розвели, а приехали де они с мужем своим Филькою жили Долматова монастыря на дворце в работе, и в прошлом же де году она Ненилка из работы от Долмата от мужа своего бежала на Кармаки, свезя Исецкой крестьянин Ивашко Гореванов с сестрою своею девкою для того чтоб они ходили на исповедь к старцу Аврамишу, и он с ней женился на Кармаках с тое девкою, жила своею келью в Кокшаровой деревне и ходила она на исповедь по многие времена к старцу Аврамишу в дому у девки Матренки дочери Дворниковой в Скородумской деревне, да у негож де бывала в Аврамише в пустыне з девками с Матренкою да Юленкою Логиновыми деть-

ми Ошурковыми в прошлом 1700 году, а у иных де в домах ниукого ево Аврамища она Ненилка невидала, в нынешнем де 1701 году она Ненилка в декабре месяце приходя к Василью Некрасову в дом подговорила было дочь ево девицу Авдотью хотела свести к ему Аврамищу в пустыню по повелению ево Васильевой сестрицы Аленки Логиновой, а иных де она Ненилка подговоря никуда невозила, да с Матрешкою ж де Фоминую дочью живут вместе девки Маремьянка да Палашка Фокины. У сих роспросных речей вместо Ненилки Потаповой по ея велению посацкой человек Васька Макаров руку приложил.

1701 года декабря в день по указу великого государя и по приказу стольника и воеводы Осипа Яковлевича Тухачевского тюменский сын боярской Василей Некрасов, да приказные избы Ивашко Васильев с служилыми людьми с пятидесятиком Ваською Колокольниковым, с Ывашком Сапожниковым, с конным казаком с Ывашком Жареновым с товарищи, с приставы с Андриюшкою Дьячковым Уруслановым ездили по извету бабы Ненилки для поимки раскольщика старца Аврамки в пустыню ево и приехав в Тюменском уезде в Верховиной Кармацкой деревни верстах в пятнатцати на боровом острове в келью того раскольщика старца Аврамки, да старца Аврамка поймали а с ними поймали было тюменского жителя Тугулымской деревни Ивашка Деяшина, да пять человек белцов неведано какие люди, да с ними ж взяли в той пустыни дватцать с одной книгою больших и малых, а какие те книги непереписаны для поспешания поезду с теми старцы, да в той же пустыне взято коробья небольшая окована а другая коробья небольшая неокована, а что в тех коробьях того неосмотрели, мезеник ведра в три или болши, котлик небольшой, два противня небольшие медныя с покрышками и иная их пустынная мелочь с теми книгами складеано было в двоих санях и везли с собою ис той пустыни те книги с пожитки на двух пустыных лошадях, против Ядрышниковой деревни вышеписанных пойманных беглецов Ивашка Деяшина и книги и коробья с пустыными пожитки ночью порою наехав конной казак Елеска Кокшаров со многими людьми и из пищалей и з луков стреляли и отбили, а вышеписанных старцев Аврамка удержали, отбить недали.

Декабря ж в день на Тюмени в приказной избе привозной старец спрашиван а в роспросе сказал зовут де ево Аврамкой, а в мире родом де он был Тоболского города сын боярской Алексей Вендерских пострижен де он Аврамко в Кондинском монастыре, пострих де ево того ж монастыря черной поп Василей ныне де тому сорок три года, и в том де Кондинском монастыре жил он Аврамко пострижен десят лет, а ис Кондинского монастыря

вышед жил по монастырям разным, и за Кармаками де в пустынных местах на островах жил он пятнатцать лет, а прежде того ис Тоболска при архиепископе Корнилии был он Аврамка сослан в сылку в туруханской в Троицкой монастырь за спор о вере, а ис Туруханска де по отпуску съехал он Аврамка в Кондинской монастырь, и как де ис Кондинского монастыря вышел, ит что де он Аврамка сказал выше сего и ныне веру спорит и умереть за веру хочет по преданию святых отец до Никона патриарха, а младенцев де он Аврамко крестил, и мирян приходячих на исповедь к себе принимал, и по исповеди их причащал, а священствовать ему Аврамку от архиреев ни от кого недано для того что де неискал и взят неоткого, святителей де и архиреев нет, а которые де ныне архиреи и те де в неправой вере, и в церкви де он Аврамко небывал тритцать лет и ходить де нехочет для того что в церквах ныне служат неисправно. У подлинных росписных речей старец Аврамей руку приложил.

(Далее документ утрачен).

Список с послужной памяти о даче тюменскому воеводе

О. Тухачевскому вина.

11 февраля 1702 г.

1702 года февраля в 11 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержца память тюменскому таможенному и кабацкому голове. В нынешнем 1702 году февраля в 9 день по указу великого государя велено за службы и радение во всяких доходах и за прибыль ясаку дать ево великого государя жалованья тюменскому воеводе столнику Осипу Тухачевскому в приказ пятьдесят ведр вина простого, и как к тебе ся память придет и тыб на Тюмени с кружечного двора столнику и воеводе Осипу Тухачевскому пятьдесят ведр вина простого отдал с роспискою и записал в розход. К сей памяти великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малые и белыя Росии самодержца печать приложена. А у подлинной памяти припись дьяка Афонася Герасимова, справа подьячего Матфия Маскина. А подлинная послушная память отдана таможенному и кабацкому голове Тимофею Кабанову.

Память тюменскому посацкому Андрею Оконнишнику о заготовке вереска.

11 апреля 1702 г.

1702 года апреля в 11 день по указу великого государя и по приказу стольника и воеводы Осипа Яковлевича Тухачевского

память тюменскому посацкому человеку Андрею Оконнишнику. Как к тебе ся память придет, и тебе б ехать за Кирьянову деревню в бор, и сыскав в том бору ельнишные острова в которых есть вересник, и с того вересника наломав на телегу ветвь с ягоды, и привезть в город для винного курения. А буде он Андрей таких мест незнает, и ему взяв с собою вышеписанной Кирьяновой деревни жителя знающего человека чтоб хто такие места знал. К сей памяти стольник и воевода Осип Яковлевич Тухачевской печать свою приложил.

**Словесное челобитье в Тюменскую приказную избу пышминского десятника Ф. Семилова на попа д. Зырянка И. Савина, обвинение его в противоправных действиях.
21 июня 1702 г.**

1702 года июня в 21 день бил челом великому государю, а на Тюмени в приказной избе стольнику и воеводе Осипу Яковлевичу Тухачевскому словесно Спаского села Зырянские деревни пышминские десятник Федор Сергеев Семилов, а в словесном своем челобитьи сказал, в нынешнем де 1702 году июня в 20 день в той Зырянской деревне у большого плота что чрез Пышму реку, того села поп Иван Савин збросал в воду сына боярского Василья Корнилова, сестру ево девицу Катерину, да оброчных крестьян Кирюшки Гаврилова дочь Авдотицу, да Фомки Романова дочь Пелагеицу, Демки Устюжанина дочь Меланьицу, да Кондрашки Старцова дочь ево Анницу, да вдову Измайлиху Зеленовицу, да ево Федькину дочь девицу Аленицу, неведомо за что. И тех де девиц переняли от потопления из воды сторонные люди, казачей сын Егор Алексеев сын Романовых, пашенной крестьянин Лёвка Панкратьев, и те де девицы от потопления и ныне лежат больны, и ушки от воды глухи. И он де Федька попу Ивану и отцы тех девиц и иные сторонние люди тоя Зырянския деревни жители говорили за что девиц с плота в воду збросал, и он де поп их бранил всякою матерною неподобною бранью и бросался колоть осном и замахивался ножом, и то де осно на дереве и ножик и силоша отнял у него казачей сын Егор Романовых и принесли в приказную избу, и великий государь пожаловал бы ево Федьку велел в приказной избе челобитье записать.

А по осмотру в приказной избе принесенное осно и ножик, осно посажено на дерево еловое и наверху железом оковано, а ножик черен краской, деревянной, припой медные резные.

Список с дела о извете тюменского неверстанного сына боярского Максима Стреколовского на жителя деревни Пестовой пешего казака Ивашку Степанова в расколе 1702 г.

[...] И по сему извету по указу великого государя и по приказу стольника и воеводы Осипа Яковлевича Тухачевского посыланы для того пристав Василей Колов, Федор Урусланов, служилые люди Гарасим Голенецкой, Иван Котельников, Алексей Булыгин, Алешка Кокшаров велено отыскать у Ивашка Степанова в кельях и потполах расколника старца Аврамия и какие расколные причины явятца писма или книги взять и ево Ивашка привести в город да сыскать Ваську Мурзина, что живет у Ивашки Пестова. Приставы Василей Колов, Федор Урусланов с служилыми людьми привезли с собою в город Ивашка Пестова, да в полдесть двадцать тетрадей писаны псалмы с толком, Житие Ульянии Христовой мученицы в тетратях в полдесть письменное, да Аввакуму протопопу ссозженного прелесника и еретика тетратка писменная небольшая чем прелещал народы. А сказали они с товарищи приставы взяли де те тетратки в дому у Ивашка Пестова в коробье, а в подполье у Ивашка под печью две ямы копаны вбок небольшие как корчаге установитца а иных де поткопов проходных к речке Шешуковке и к глухим местам и старца Аврамия и Ивашки Мурзина и книг не нашли.

Ивашко Пестов роспрашиван, и в роспросе он Ивашко сказал которые де в полдесть двадцать тетрадей писанных и псалмы с толком, да Житие Ульянии Христовой мученицы, да Аввакума протопопы тетратка небольшая принесены в приказную избу и те де тетради нашел он Ивашков в пролом 1701 году зимною порою на кармацкой дороге лежали против пашни Романа Сопегина от городу в двух верстах связаны в плату, а никому их неказывал держал у себя простотою своею. А он Ивашка грамоте не умеет, у отца духовного Архангельской церкви у священника Василия Родионова он Ивашко на исповеди в прошлых годах бывал непоодно время и тайны христовы приобщалсе и ныне де он Ивашко к церкви божией ходит и на исповедь к свещеннику и тайны христовых приобщатца желает, а старец Авракий у него Ивашка в дому и иные и никогда расколшики не бывали и старца Аврамия не видал он Ивашко и незнает, и келей у него на пашне и поткопов никаких нет, а Васька де Мурзин в прошлых годах бывал у него Ивашка в дому непоодно время и начевывал а расколу де в нем он Ивашко никакого не видал, а года де тому два он Ивашко

Ваську Мурзина не видал, а где он ныне того он Ивашко не ведает. А по конце пишет к сему роспросу вместо Ивашка Пестова по его велению пеших казаков десятник Микита Черкашенин руку приложил.

**Грамота из Сибирского приказа тюменскому воеводе
О.Я. Тухачевскому и подьячему К. Бекишеву
о заготовке мехов к отпуску в Китай.
8 марта 1703 г.**

От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича вся великия и малые и белыя Росии самодержца, в Сибирь на Тюмень, стольнику нашему и воеводе Осипу Яковлевичу Тухачевскому, да подьячему Бекишеву, в нынешнем 1703 году указали мы великий государь послать вперед будущем 1704 году, с нашею великого государя соболіною казною и сыною мяскою рухлядью, для мены на китайские товары, в Китайское государство купчину Григорья Осколкова с товарищи, а для той посылки, по ево Григорьеве скаске, надобно ему в прием в сибирских городах, наше великого государя казны соболи в косках пупки соболи белка горностали, корсаки лисицы всякия, и как к вам ся наша великого государя грамота придет и тыб наше великого государя тюменские ясачные и таможенные казны соболи в косках пупки соболи, белки горностаи корсаки лисицы, да к тому в прибавку на тамошние верхотурские доходы, купя на Верхотурье, и в уезде белки и горносталей сколько много возможно, и то все оценя тамочною настоящею прямою денежною ценою велели держать в нашей великого государя казне до приезде купчины Григорья Осколкова с товарищи а что за тем останетца какие наше великого государя казны, и тое остаточную казну прислали с Тюмени к нам великому государю к Москве, а которого числа и сколько порознь какие наше великого государя казны с Тюмени к Москве послано и на Тюмени оставлено будет о том к нам великому государю писали, а отписку велели подать в Сибирском приказе думному нашему дьяку Андрею Андреевичу Винуусу с товарищи, а бес цены никакие нашего государя казны с Тюмени вам неотпускать и велеть торговым людям или туточным тюменским жителям всякую нашу великого государя казну ценить тамочною настоящею прямою ценою, и ничем от той оценки им также и вам неотговариваца, чтоб в той отговорке нашей великого государя казне остановки небыло.

Писан на Москве лета 1703 года марта в 8 день.

**Отписка тобольских воевод тюменскому воеводе
О.Я. Тухачевскому об оказании помощи дьяку Андрею
Ратманову в переписи населения.
18 апреля 1703 г.**

Господину Осипу Яковлевичу Михайло да Алексей Черкасские челом бьют в нынешнем 1703 году марта в 26 день в грамотах великого государя военных дел да из Сибирского приказов писано к нам в Тоболеск в нынешнем 1703 году генваря в 1 день по его великого государя имянному указу прислано с Москвы в Тоболеск из приказа военных дел дьяк Андреян Ратманов да с ним для дел и письма подьячих старых двое средней статьи и молодых пятеро, да вместо сторожа сын боярской, дватцать человек салдат, и велено ему Андреяну в сибирских городах в Тоболску, на Тюмени, в Туринску, на Пелыме и в Верхотурье, и тех городов в уездах и в слободах, на посадах, посацких и уездных и служилых и всяких чинов людей переписать и пересмотреть и розабрать кто из них в салдацкую службу будут годны чтоб их в тое салдацкую службу набрать десять тысяч человек или больши, да ему ж Андреяну велено давать с того числа как в которой городок придет и дела будет делать по сту рублей на год денег.

**Память тюменскому попу Л. Иванову
о приведении к вере посацкого И. Ведрова.
Апрель 1703 г.**

1703 году апреле в 11 день по указу великого государя и по приказу стольника и воеводы Осипа Яковлевича Тухачевского да с приписью подьячего Кирила Бекишева память соборные церкви попам Лаврентью Иванову с товарищи. В нынешнем 1703 году апреля того ж вышеписанного 11 числа велено по выбору тюменских посацких людей быть у верного бранья на перевозе в целовальниках тюменскому посадскому человеку Ивану Ведрову, и тебе б Лаврентью с товарищи ево Ивана в соборной церкви пред святым евангелием и животворящим крестом привести ево к вере по чиновной книге, какова к тебе прислана ис приказные избы с подьячим, а у веры в соборной церкви говорить ему по чиновной книге и приписать со всяким прещением, чтоб он служил великому государю по своему обещанию и клятве верно, помня в господа старых божий и смертный час, а приветчи ево Ивана и подписать своею рукою, что у веры он был.

Иван у веры был поп Иван Иванов руку приложил.

Челобитная превирни У. Андреевой о выдаче ей денежного жалования.**26 июля 1703 г.**

Державнейший царь государь милостивейший, работаю в соборную церковь и в девичей монастырь пеку просвиры по вся дни, а ныне я нужна и бедна и должна Всемилоостивейший государь, прошу вашего величества вели государь для моей нужи и бедности, и для оплаты долгов жаловать своим государевым денежным жалованьем в додачю на нынешний 1703 год. Вашего величества нижайшая раба просвирия Ульяна Андреева дочь. 1703 году июня в 26 день.

По сей челобитной додать великого государе жалования оклад ей сполна без передачи с роспискою.

Поручная запись тюменских разного сословия людей за бобыля Г.И. Козлова**обвиняемого в супружеской неверности.****3 июля 1703 г.**

Лета 1703 года июля в 3 день тюменские ямские охотники Иван Ярков, Елисей Лупандин, приказные избы сторож Игнатей Сапыль, бобыль Афонасей Козлов, конной казак Данило Размазин поручилися мы Иван Ярков с товарищи на Тюмени приказные избы приставу Василью Яковлеву сыну Колову по тюменском бобыле по Григорью Иванову сыне Козлове в том, что за нашу порукою ему Григорью Иланове сыне Козлове в том, что за нашу порукою ему Григорью блудным воровством от жены своей неворовать, а буде учнет он Григорей за нашу порукою блудным или иным каким воровством воровать или кого побивать и на нас порутчиках великого государя пеня, а пени, что великий государь укажет. В том мы порутчики Иван Ярков с товарищи ему приставу Василью Козлову сию поручную запись дали.

А поручную запись писал крепостных дел подьячей Василей Попов.

Челобитная в Тюменскую приказную избу Василия Текутьева на непослушание его крепостного Григория Федорова.**18 октября 1703 г.**

Державнейший царь государь милостивейший в нынешнем 1703 году живучи в доме моем крепостной мой дворовой человек Григорей Федоров не в послушании и бежал из дому моего и пойман был на Пышме в дому у Павла Чижева, и приведен был в приказную избу и по челобитью

моему учинено было ему наказание бить батоги, и отдан был мне в работу по прежнему, и ныне по твоему государеву указу был я в Тюменском уезде по деревням за твоим государевым оброчным денежным збором, и он Григорей живучи у меня в доме и без меня братьей и домовых моих бранил всячески и угрожал ножом и пожегом и домовою всякой работы неробил, из дому моего без меня бежал и пойман Тобольского уезду в архиерейской Покровской слободе, и приведен ныне в приказную избу, и сидит за решеткой. Всемилодивейший государь, прошу вашего величества вели государь ему Григорью за побег и за угрозы, и за непослушание учинить наказание, и посадить в тюрьму до твоего государева указа, чтоб он впредь был в доме моем послушен, вашего величества низайший раб сын боярской Василей Петров сын Текутьев 1703 года октября в 16 день.

1703 году октября в 18 день по указу важного государя за другой побег и за угрозы, что хотел поколоть ножом и зжечь, велено ево Гришку пытать. Того ж числа помещик ево Василей Текутьев бил челом великому государю чтоб человека ево непытать, а учинить наказание бить кнутом. Василей Текутьев руку приложил.

И по сей Гришке учинено наказание бит кнутом пред приказною избою на козле, и послан в тюрьму, до указа, с приставом Иваном Шипуповым.

**Грамота из Сибирского приказа тюменскому воеводе
О.Я. Тухачевскому и подьячему К. Бекишеву
о присылке в Москву «Илецкой» белки.
19 ноября 1703 г.**

От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всяя великия и малыя и белыя Росии самодержца в Сибирь на Тюмень стольнику нашему и воеводе Осипу Яковлевичу Тухачевскому да подьячему Кирилу Бекишеву, в нынешнем 1703 году ноября в 18 день указали мы великий государь добрую Илецкую белку присылать с Тюмени к нам великому государю к Москве в Сибирский приказ всю, а купчине тое белки неотдавать, а буде которая белка в зборе явится плоха или неилецкая и тою белку отдавать купчинам в китайской отпуск. И как к вам ся наша великого государя грамота придет и тыб о присылке к нам великому государю к Москве в Сибирский приказ Илецкой доброй белки чинили. По сему нашему великого государя указу писан на Москве лета 1703 ноябре в 19 день.

Справил Петр Скурихин.

**Отписка тюменского воеводы Осипа Тухачевского
верхотурскому воеводе Алексею Калитину об отпуске
каменщика Яковлева в Верхотурье.**

Ноябрь 1703 г.

Господину Алексею Ивановичу Осип Тухачевской челом бьет в нынешнем 1703 году мая в 30 день писал ты господине с Верхотурья ко мне на Тюмень и прислал к каменному строению московских присланных каменщиков подмастерья Ивана Борисова да двух человек каменщиков Петра Данилова, Микифора Яковлева и они Иван и Петр и Микифор на Тюмени церковное каменное строение делали а ныне то строение за зимним временем остановилось и один из них каменщик Микифор Яковлев почелобитью с Тюмени отпущен на Верхотурье на подводе ноября в 13 день нынешнего 1703 года а подмастерья Иван Борисов остался на Тюмени за подрядом в обжигях кирпича а другой каменщик Петр Данилов оставался за своею работою и декабря в деньнынешнего ж 1703 года он Петр Данилов с Тюмени на Верхотурье отпущен.

**Отписки тобольских воевод тюменскому воеводе о высылке
бронных и станочных мастеров в Тобольск.**

Декабрь 1703—1705 г.

Господину Осипу Яковлевичу Михайло да Алексей Черкасские челом бьют в нынешнем 1703 году декабря в 21 день по указу великого Государя и по челобитью тюменцев бронных и станочных мастеров конного казака Василья Лысова пешего казака Ивана Пьянкова казачьих детей Осипа Козлова, Ивана Васильева, посацких людей Данила Бронника, Семена Колмакова, промышленного человека Андрея Васильева, ямских охотникова Ивана да Остафья Полуяновых отпущен ис Тоболска на Тюмень для взятя в Тоболск жен их и детей тюменской житель Василей Козмин сын Лысов. И как он на Тюмень приедет и тебе б велеть ему и под жен их и детей дать подводы выслать в Тоболск генваря 6 числу в пребудущего 1704 года незадержав, а которого числа высланы будут о том к нам писать.

[...] взяты были с Тюмени в Тоболск для станощного дела новоприборные солдаты Максим Карпов, Иван Киприянов, да посадской человек Михайло Усольцев и в нынешнем 1704 году декабря в 30 день они Макс. Карпов, Иван Киприянов ис Тоболска отпущены на Тюмень для отпуску в салдаты к Москве. Михайло Усольцев по свидетельству станощных мастеров станощному мастерству неумет. И он Михайло потом отпущен на Тюмень.

[...] отпущен из Тоболеска на Тюмень станोшный мастер тюменской конской казак Петр Иванов Козлов для взятия после смерти отца своего пожитков. И тебе б ево Петра с Тюмени дав ему подводу выслать в Тоболеск июля к 20 числу нынешнего 1705 года. И о том к нам написать.

[...] в прошлом 1704 году по указу Великого Государя отпущены из Тоболеска на Тюмень собратца с домамы тюменские ружейной мастер Дмитрий Парфенов да станошник Алексей Щербаков и по нынешний 1705 год в Тоболеск они небывали, и тебе бы их Дмитрия и Алексея сыскав на Тюмени с женами и с детьми, дать ямские подводы выслать в Тоболеск с провожатым, а которого числа высланы будут о том к нам писать.

[...] в нынешнем 1705 году по указу Великого Государя отпущены ис Тоболеска на Тюмень тюменские станошные мастера Иван Полушин и Иван Пинежанин для собрание детей и домашние всякие своей рухляди на срок. И тебе б их Ивана Полушина да Ивана Пинежанина з детьми и домашнею рухлядью дав им подводы выслать в Тоболеск на срок июля к 28 числу нынешнего 1705 года и о том к нам писать.

[...] в нынешнем 1705 году по указу Великого Государя отпущен ис Тоболеска тюменской посацкой человек станошной мастер Федор Иванов сын Балдин для собрания в Тоболеск с женою и с детьми. И как он на Тюмень приедет и которого числа с Тюмени в Тоболск отпущен будет о том к нам писать.

[...] отпущен ис Тоболска тюменский станошный мастер Аврам Лазарев для собрания в Тоболеск з женою. И как он на Тюмень приедет и которого числа с Тюмени в Тоболеск отпущен будет о том писать.

Челобитная новокрещенного колодника Елизара Ефремова об освобождении его из тюрьмы. Росписка тюменцев конного казака Г.П. Токарева и сторожа приказной избы А.С. Шорина о поручительстве за Е. Ефремова. Февраль 1704 года.

Державнейший царь государь милостивейший, в прошлом 1703 году посажен на Тюмени в тюрьму безвинно и сижу в тюрьме многие время помираю голодною смертию. Всемилоостивейший государь прошу вашего величества, вели государь меня из тюрьмы на волю свободить, чтоб мне в тюрьме сидя голодною смертию непомереть, вашего величества нижайший раб новокрещенной татарин Елизар Ефремов. 1704 года февраля в 1 день.

1704 г. февраля в 18 день по указу великого государя и по приказу столника и воеводы Осипа Яковлевича Тухачевского да с

приписью подьячего Кирила Бекишева отдан ис приказной избы из зарешетки колодник новокрещен Елизар Ефремов вместо поруки на росписку тюменским конному казаку Григорью Петрову сыну Токареву, приказной избы сторожу Стефану Алексееву сыну Шорину в том, что ему Елизару за их роспискою без отпуску з города Тюмени никуда несъехать и не збежать, а ходить за их роспискою на всяк ден к церкви божи и слушать литургии заутрени и вечерни и молитца, а буде он за их роспискою куда з города Тюмени без отпуску съедет или збежит, или церкви божи молитца ходить неучнет и на них поруччиках великого государя пеня, а пени что великий государь укажет, а как его Елизара в приказную избу спросят, им поруччикам Григорью и Стефану ево Елизарова в приказную избу поставить тот час. К сей росписке вместо Григория Токарева Стефана Шорина по их велению посацкой человек Иван Федоров Решетников руку приложил.

Отписка тюменского воеводы О.Я. Тухачевского тобольским воеводам Черкасским о заготовке в г. Тюмени дров необходимых для обжига кирпича в г. Тобольске. 2 апреля 1705 г.

Господам князю Михайлу Яковлевичу князю Алексею Михайловичу Осип Тухачевской челом бьет. В нынешнем 1705 году марта во 12 день писано от вас господа ис Тоболска ко мне на Тюмень, по указу великого государя и по грамоте и по розметной росписи прошлого 207 (1699) году довелось донять и прислать в Тоболеск к городовому каменному строению с тюменских духовного и мирского всяких чинов с русских людей, и с татар, и з бухарцов на обжог кирпича дров сосновых четыре тысячи дватцать четыре сажени, и в то число велеть бы мне тюменским духовного и мирского всяких чинов людям и татарам и бухарцам изготовить на обжог кирпича тысячу сажен дров против прежней меры, а прислать те дрова первой вешней полой воде за лдом мая в первых числах нынешнего 1705 году неотписываясь к вам господа в Тоболеск, и челобитчиков о том неотпускать чтоб в кирпичном деле остановки от того неучинилось. И по указу великого государя и по той вашей господа отписке велел я тюменским духовного и мирского всякого чина руским людям и татарам и бухарцам изготовить тысячу сажен дров сосновых длиною по прежней мере по три аршина и поставить в Тоболеск по первой вешней полой воде за лдом нынешнего 1705 году безо всякого молчания по чинам, на которой чин по розмете что довелось, а сколько сажен дров которому чину по розмете велено изготовя поставить в Тоболеск тому под сею отпискою роспись.

Попам с причетчики церковными шестнатцать сажень.
Головам и ротмистру и детям боярским и сотнику и атаманам казачьим сорок сажен.
Литовского списка казакам пятьдесят четыре сажени.
Конным казакам восемьдесят пять сажен.
Пешим казакам восемьдесят сажен.
Пушкарям пять сажен.
Ямским охотникам девяносто четыре сажени.
Юртовским служилым татарам пятьдесят сажен.
Неверстаным детям боярским и отставным всяких чинов людям дватцать восем сажен.
Казачьим детям шестьдесят три сажени.
Посацким людям сто пятьдесят сажен.
Пашенным крестьянам сто десять сажен.
Оброчным крестьянам сто четыре сажени.
Монастырским крестьянам пятнатцать сажен.
Захребетным татарам восемьдесят семь сажен.
Бухарцам девятнатцать сажен.

Отписка тобольских воевод Черкасских тюменскому воеводе Тухачевскому о посылке бородовых знаков в Туринск, Верхотурье и Пелым.

Май 1705 г.

Господину Осипу Яковлевичу Михайло Алексей Черкасские челом бьют, в нынешнем 1705 году мая в 21 день по указу великого государя и по грамоте послано ис Тоболска с тюменским сыном боярским Яковом Войновым на Верхотурье триста знаков, в Туринск двести знаков, на Пелым сто знаков, и о тех знаках з грамоты великого государя об усах и бородах на Верхотурье и в Туринск отписка, а на Пелым память. И тебе б у него Якова вышеописанные знаки и отписки и память велеть прислать с роспискою, и посла с Тюмени на Верхотурье и в Туринск и на Пелым с нарочными посыльщиками немедля ни часу, а которого числа посланы будут и с кем именам, к нам в Тоболск писать.

Из окладной книги г. Тюмени.

Июль 1705 г.

[...] Пятидесятник Василей Иванов сын Колокольников и в нынешнем 1705 году по выбору взят в салдаты, и в нынешнем 1705 году июля в 2 день по указу великого государя и по тобольской отписке велено тюменскому пешему казаков десятнику Ивану Майкову быть на Тюмени у пеших казаков в пятидесят-

никах вместо Василия Колокольникова в том же ево денежном и хлебном и соляном окладе.

**Память тюменскому голове пеших казаков Т.Д. Мишукову
об обучении молодых солдат.**

29 марта 1706 г.

1706 года марта в 29 день по указу великого государя царя память пеших казаков голове Тимофею Давыдову сыну Мишукову. В нынешнем 1706 году писано из Тоболска на Тюмень и присланы тоболские казачьи дети Иван Окунков с товарищи, и велено им на Тюмени тюменских и туринских и пельмских нововыборных салдат учить салдацкому строю по артикулу на всяк день дважды с утра да под вечер, и тем салдатом в учение велено быть им учителям послушным и чтоб учились неленосно, и для надсмотру того учения приставить кого пригоже, и как те салдаты станут учителя, и приставнику к тому учению ходить непрестанно по вся дни чтоб они выучены были в скорости, и тебе б Тимофею быть у того салдатского учения над учителем Иваном Окунковым, смотреть по вся дни непрестанно чтоб они нововыборных да точных тюменских и туринских и пельмских салдат учили по артикулу салдатскому строю неленосно, а хто по именам салдаты дана из приказные избы учителям роспись, а к тому учению собрать тебе оружие у пеших казаков на время сто девять мушкетов или пицалей.

Из тетради записной расходов г. Тюмени.

Апрель 1707 г.

[...] Да в месяце марте дано котельникам Ефиму с товарищи двенатцать фунтов меди, и той медью починивали они семь котлов и казанов, и дано от работы Ефиму с товарищи девять алтын две деньги, а та выше писанная медь дана покупная.

**Грамота из Сибирского приказа в Тюмень тобольскому
дворянину Д.С. Копьеву о заготовке лисьих лап.**

5 октября 1707 г.

От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержца в Сибирь на Тюмень тобольскому дворянину Данилу Степанову сыну Копьеву. В нынешнем 1707 году указали мы великий государь лапы лисьи черные и чернобурые покупать в нашу великого государя казну на Тюмени у грацких и уездных всяких чинов людей воеводам, да денги давать ис приказных и с таможенных доходов, а покупать по тамошней сибирской цене, а сколко у кого тех лап куплено и что за них денег дано будет записав в книги и с имянно

присылать к нам великому государю в Москве с казенщиками повся годы, а oprичь нашей великого государя казны теми лапами иному отнюдь неторговать и никому непокупать, а буде кто презря сей наш великого государя указ учнет мимо нашей великого государя казны теми лапами торговать или кто покупать а в нашу великого государя казну непринесет и тем людям будет наказанье и сосланы в сылку в работы к рудоплавному делу в Нерчинской, и как к тебе ся наша великого государя грамота придет и ты б о покупке в нашу великого государя казну вышеписанных лисих лап и о присылке к Москве чинил по вышеписанному нашему великого государя указу непременно, а что учинено будет о том к нам великому государю писал, а отписку велел подать и лисьи лапы объявлять в Сибирском приказе генеральному президенту и сибирских провинций судья князю Матвею Петровичу Гагарину с товарищи. Писан на Москве лета 1707 октября 5 день.

Справил Никифор Зыков.

Память тобольских воеводы и стольника М.Я. и А.М. Черкасских тюменскому воеводе Д.С. Копьеву о присылке в Тобольск холста, пеньки и смолы. Март 1708 г.

1708 год февраля в 25 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца на Тюмень Данилу Степановичу Копьеву.

По указу великого государя довелось взять по окладу на нынешней 1708 год с тюменских крестьян пять сот два аршина холста, пятнатцать пуд пеньки, девять пуд с полупудом смолы. И тебе б велеть тот холст и пенек и смолу на тюменских крестьянах собрать, а на ослушниках доправить, и прислать в Тоболеск с нарочным посыльщиком майя к 1 числу нынешнего 1708 году. И о том к ближним боярину и воеводам князю Михайлу Яковлевичу, стольнику князю Алексею Михайловичу Черкасским, дьяком Максиму Романову, Леонтью Шокурову писать.

Челобитная тюменского посацкого В.И. Поспелова о розыске и допросе своей жены. 7 мая 1709 г.

Державнейший царь Государь милостивейший.

В прошлом 1707 году о Николине дни безвестно нестало от меня жены моей Маремьяны Михайловы дочери, а куда на ушла или хто ее увез про то я неведаю и в той безвестной голове жены моей дети а мои пасынки, Елизар Куликов бил челом тебе госу-

дарь на меня, и подал извет в безвестной голове, и потому ево извету сидел я раб твой в приказной избе за решеткою многое время, и из за решетки на поруках ездил я раб твой и я жену свою сыскивал и натти нигде не мог, а она Маремьяна после меня явилась на Тюмени у детей своих в доме, и пришед я на Тюмень посажен по прежнему извету зарешетку, и поныне сижу многое время и помираю голодною смертью.

Всемиловейший Государь прошу Вашего величества, повели ваше державство, ее жену мою Маремьяну допросить, кто ее и куда увозил, и свой государев указ учинить, чтоб мне сидя за решеткою голодною смертью безвинно не помереть. Вашего величества нижайший раб посацкий человек Василей Иванов Пospelов. 1709 года мая в 7 день. Вместо Василья Пospelова по его велению Григорей Прасолов руку приложил.

**Из следственного дела по челобитью посацкого
В.И. Пospelова о розыске и допросе его жены.
Май 1709 г.**

И по вышеписанной помете Марьяна Михайлова дочь в приказную избу сыскана и против челобитья допрашивана, а в допросе сказала, в прошлом де 1707 году, а в котором месяце и числе неупомнит, только де в памяти что на другой день Знамения Пресвятой Богородицы, муж де ее Василей стал ее Маремьяну наряжать чтоб она нарядилася, и она де Маремьяна пошла было из избы в сени наряжатца, и он де Василей кинувся из избы в сени и двери из сеней сенные запер, и стал ее Маремьяну в сенях бить топорным обухом да топорищем, и она де Маремьяна стала кричать и тот де крик услышали у них в избе люди, и в сени вышли Козма Попков да Осипа Ляпина две дочери Фекла да Парасковья, и двери сенные отперли и ее Маремьяну от него Василия отняли, и ей речи де муж ее при тех свидетелях говорил, я де тебя убью досмерти, и она де Маремьяна видя то что ее муж бьет выбежала из двора вон и пришла в дом к тетке своей Анне Иванове дочери, и жила у нее Анны в доме двои сутки, да у Василья Котовникова сутки, и муж де ее Маремьяну в доме у Василия сыскали и взяли к себе в дом, и жила она Маремьяна в доме с мужем своим с неделю, и муж де ее грозил ей Маремьяне во вся ночи как де ночь придет, я де всех ножом прирежу а сам убегу, и имал у нее одной ночи муж ее сосцы в рот и сосал и говорил ей, хотя де у тебя и ребенок будет я де и робенка ушибу, я де и сам робенок, да и иное неспокойство над ней творил, а как он Василий такие речи говорить станет в тое время сторонних людей небывало, и она де Маремьяна слыша от него Василия такие речи и всякое над нею

надругательное неистовство на четвертой день праздника святого чудотворца Николая по утру бежала из двора своего тайным обычаем, пришли в дом к вышеписанной тетке своей Анне и пришел в дом говорила брату своему, а тетчину сыну Алексею Кузнецову, чтоб он ее Маремьяну отвез в Долматов монастырь к сродичам ее поскорей, что де ей с мужем своим жить невозможно, безвинно ее Маремьяну бьет и увечит и похваляется изрезать ножом, и он де Алексей по прошению ее в Долматов монастырь и свез, и жила де она Маремьяна в том Долматовом монастыре у сродичей своих дватцать недель, и приехав де она Маремьяна Тюменского уезда в Друганову деревню в дом к отцу своему Михайлу Друганову и жила в доме две недели, и ныне она Маремьяна с мужем своим Васильем жить нехочет потому, что в ночь Василей похваляеца ее Маремьяну убить или куда извести и опасаетца де она от мужа своего надругательного непристройства.

Вместо Маремьяны Михайловой дочери по ее велению Федор Шиков руку приложил.

Грамота на Тюмень тобольскому дворянину Д.С. Копьеву и подьячему И. Окоемову о запрете проезда через Казань и торговли с Китаем и Монголией. 1709 г.

От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержца в Сибирь на Тюмень тобольскому дворянину Данилу Стефанову сыну Коньеву да подьячему Ивану Окоемову. В нынешнем 1709 году марта в 16 день мы великий государь сибирцом и служилым и купецким и иных всяких чинов промышленным людям с товары и без товаров в Китай и в Мунгалы и на Науне отнюдь никому ездить и нискем никого пропускать неуказали, также в Сибирь и из Сибири к Москве чрез Казань торговых и никаких людей отнюдь ни с чем пропускать и никому ездить без нашего великого государя указу из Сибирского приказу невелели, а буде которые служилые и торговые люди явятца в Мунгалах или на Науне с товары или бестоваров без нашего великого государя указу из Сибирского приказу или с товары ж в проезде к Москве чрез Казань и тех всех людей казнить смертью, а товары их и всякие пожитки взять нанас великого государя бесповоротно и о том в сибирские города к воеводам наши великого государя грамоты посланы, и как к вам ся наша великого государя грамота придет и выб сей наш великого государя указ на Тюмени велели записать в книгу, а купецким и иным всяких чинов служилым...

(Конец документа утрачен).

(Продолжение в следующем номере)

Несколько слов о Денисе Ивановиче Чичерине*

Благодарная Сибирь¹ сохраняет и надолго сохранит почтительную память о губернаторе Денисе Ивановиче Чичерине. Он своею примерною и неутомимою деятельностью для пользы и благосостояния края заслужил имя попечительнейшего начальника, так что и в настоящее время в городах и деревнях много слышится перешедших в потомство рассказов о Денисе Ивановиче и его имя сделалось как бы классическим.

Денис Иванович происходил из древней благородной фамилии. Сначала вступил в службу лейб-гвардии в Семеновский полк и дослужился в нем до капитана. При восшествии на престол Императора Петра III по прошению отставлен премьер-майором. Императрица Екатерина II, воцарившись, пожаловала его бригадиром и вскоре генерал-майором,

а в 1765 году определила губернатором в Сибирь. В том же году 11 июня ему был подчинен и тобольский гарнизон.

По прибытии в Тобольск этот заботливый хозяин губернии с неутомимою деятельностью начал и продолжал свое управление. Он требовал от городов благоустройства и порядка, от купцов честного торгова, от посадских ремесленности, от крестьян и поселенцев расчистки земель, доброй распахки и домостроительства, от чиновников исполнительности. Следил в губернских местах за делопроизводством и знал, где какое дело. Ни одна часть у него не оставалась без внимания, и он крепко держал бразды управления в своей губернии и своею строгостью доводил все до возможного совершенства.

Неутомимо занимаясь управлением, благочинием и спо-

* Печатается по изданию: *Н.А. Абрамов. Несколько слов о Денисе Ивановиче Чичерине//Тобольские губернские ведомости. 1857. №14. С. 121–123.*

Придавая тексту и сноскам современную орфографию, издатель старался максимально сохранить статью в том виде, в котором ее видел читатель прошлого века.

¹ С 1719 г. Сибирская губерния разделялась на пять провинций: Тобольскую, Енисейскую, Иркутскую, Вятскую и Соликамскую. В 1764 г. отделилась Иркутская провинция от Сибирской провинции.

койствием города, он принял на себя обязанность полицеймейстера и лишь только замечал где-нибудь около домов или на улицах неопрятность или видел беспорядки и бесчиние, или сам делал тут же расправу, или собственноручно писал ордер полицеймейстеру о сделании распоряжения и соответственного виновным наказания². По ночам, особенно осенью, ездил с гусарами верхом по всем тем местам, где подозревал беспорядок и преступления. Обнаруженные виновники тут же им наказывались по мере виновности.

В летнее время, в рабочие дни, выезжал в окольные деревни, и горе тому, кого он не заставал за работою, или находил в доме неопрятность, нехозяйство и беспечность. Входил подробно в положение и хозяйство крестьян и делал ответственное вспомоществование и наговаривал много советов, приказаний и приохачивал к трудолюбию.

Крестьян окольных деревень он чрез это знал лично. Строго наказывал тех из них, кого увидит, что если он везет в город воз сена или дров, и сам сидит на возу.

Открыл в Тобольске геодезическую школу и доставил тем службе людей способных, особенно землемеров. Учредил ап-

теку с аптекарем, с достаточным штатом и для прививания оспы назначил двух лекарей и четырех подлекарей. В 1776 году построил каменный госпиталь, завел рабочий дом из ссыльных преступников и ввел разные ремесла, до того времени в Тобольске неизвестные. Исходатайствовал в 1776 г. открытие в Тобольске банковской конторы для вымена ассигнаций, капитал которой состоял из 1000000 руб. ассигн.

Не исчисляя всех полезных действий Дениса Ивановича, скажем, что он заселил в Восточную Сибирь большую дорогу и особенно Барабинскую степь. От самого Урала местоположение Тобольской губернии по большей части низменное, и все селения, тогда существовавшие, занимали удобные места только к югу. Большая дорога из Тобольска в Иркутск была в самом худом положении и малонаселена, так что в некоторых местах одно зимовье³ от другого было на расстоянии от 150 до 200 верст. На эти станции выставляли лошадей по очередям крестьяне отдаленных селений.

В отвращение этого неудобства было одно средство — насылать дорогу ссылаемыми в Сибирь на поселение преступниками, но этого было мало достаточно и опасно. Чичерин

² В старом Тобол. Губерн. Архиве в делах Полицеймейстерской Конторы я видел много собственноручных ордеров Чичерина.

³ Избушка с небольшим сараем для лошадей.

ходатайствовал о крайней нужде населения и просил набрать для этого людей, годных с семействами в зачет рекрутов. Это предположение его **высочайше** утверждено.

В 1760-х годах приведено в исполнение, проложена вновь кратчайшая дорога до иркутской границы, и учреждены станции не далее одна от другой 25 верст. При этом полезном предприятии он не упустил из виду и сбережение казны от великих требовавшихся расходов. Предпринял самые деятельные и удачные меры, так что водворение каждого переселенца едва ли стоило более 20 руб. ассигнац. ссуды, по времени в казну обращенной. Впоследствии к этим водворенным приселились ссыльные за преступления, за которыми был строгий присмотр.

Местные выгоды и изобилие вскоре доставили большей части сих поселенцев крестьянское благосостояние, и население большой дороги целыми деревнями доставило России удобное сообщение с Сибирью.

По данной ему власти он мог жаловать за заслуги включительно до капитана. При всей своей строгости, он никого не хотел сделать несчастным, ибо пороки, упущения по службе и даже некоторые преступления телесно наказывал сам, секретно, без суда. Награждал щедро и заслуги людей достойных. Все боялись Чичерина как строгого

начальника, и особенно черный народ, который называл его: «Батюшка, Денис Иванович».

Государыня, уважая ревностное служение Чичерина, на пожалован кавалером ордена Св. Анны I степени, в 1775 г. — орденом Св. Александра Невского и, будучи в Сибири, получил чин генерал-поручика.

При строгом управлении, которое его делало страшным в народной молве, он скоро смягчался и любил веселое препровождение времени; ездил многолюдно и с пышностью на охоту и, сообразно требованию времени, отправлял торжественные дни с великолепием и аристократически. В высокоторжественные дни летом надевал мантию, орден Св. Александра Невского и в этом одеянии, сопутствуемый военными и гражданскими чиновниками, шествовал в Кафедральный Собор, давал большие обеды при звуке музыки, грома орудий и неумолкаемой ружейной стрельбе. Ежедневно угощал за столом своим до тридцати человек. Дворовой услуги с гайдуками, скороходами, конюхами и проч. у него было до 150 человек. В высокоторжественные дни и праздники Рождества Христова, Пасхи и в день своего Ангела принимал гратуляции от воспитанников семинарии, которые говорили ему, в присутствии многих собравшихся чиновни-

ков и гостей, речи и стихи на русском и латинском языках. С Преосвященным Архиепископом Варлаамом Денис Иванович был в большой дружбе, душевно почитал этого святого по жизни архипастыря.

Чичерин, говорят, был очень религиозен. Во все время управления его губернией, в мае, июне и частью июле вечерняя заря оканчивалась таким образом: на мысу горы, где находился губернаторский дом,

становились музыканты, и когда после отбоя барабана, все затихало, разносилось по городу усадительное пение из кларнетов и скрыпок, оживляемое тенором или альтом, священной песни Богоматери: «О всепетая Мати, рождающая всех Святых Святейшее Слово» и проч. Пред отбытие своим из Тобольска в 1780 году, ездил по всем церквам и благоговейно прикладывался к иконам. Скончался в своей деревне в 1785 году.

О распорядках Чичерина в Тобольске

*(Сорок архивных документов с предисловием действительного члена Тобольского губернского Статистического комитета Е.В. Кузнецова)**

Между сибирскими управителями XVIII столетия не было популярнее губернатора Чичерина. Пред именем этим, особенно в памяти народной, отходят на задний план имена даже таких сибирских деятелей, какими были, например, злополучный князь Гагарин (1711—1717 г.), или же перенесший каторгу Соймонов (1757—1762 г.). За время Чичерина, прожившего в Сибири более семнадцати лет (с кон.

ноября 1763 по нач. мая 1781 г.), история отметит много полезного. Не говоря уже о той важной заслуге, какую представляет сбережение Сибири от пугачевского бунта, губернаторство Чичерина оставило целый ряд разных крупных мероприятий: устройство, наприм., Восточносибирского тракта, заселение Барабы, присоединение Алеутских островов, открытие геодезической школы, ремесленного дома, аптеки и госпиталя,

* Печатается по изданию: О распорядках Чичерина в Тобольске: Сорок архивных документов с предисловием действительного члена Тобольского губернского Статистического комитета Е.В. Кузнецова. Тобольск, 1891.

Придавая тексту и сноскам современную орфографию, издатель старался максимально сохранить статью в том виде, в котором ее видел читатель прошлого века.

основание банковской конторы и проч. и пр. — были плодами этого губернаторства.

Между тем до настоящего времени ни полной биографии Чичерина, ни верной оценки сибирской деятельности его нет. В конце прошедшего столетия появлялось в печати «Историческое родословие благородных дворян Чичериных, собранное игуменом Ювеналием Воейковым» (М., 1792), но книжицы той, по крайней мере в наших сибирских библиотеках, теперь уже не найти. Первые печатные, но весьма краткие сведения о Чичерине начинаются с «Исторического обозрения Сибири» П.А. Словцова (СПб., 1842). «Хотят ли понять Чичерина, — взывает в конце своей книги этот историк-ви́тия, — вот черты его! Требуя от городов порядка, от купцов честного торга, от посадских ремесленности, от крестьян расчистки земель и доброй распашки, от чиновников исполнительности, он неослабно преследовал противные тому нарушения. Оказывал благосклонность значащему купечеству, принуждал скудных горожан к искусствам, крестьян и поселенцев к пашне, к домостроительству, строго наблюдал за поведением служащих. По крутости характера, праводушный начальник легко выходил за пределы власти; но при самоуправстве, которое делало его страшным в народной молве

страны, он скоро смягчался, в беседе любезничал, любил веселое препровождение времени, давал бальные вечера, ездил на охоту, как дворянин своего времени, и, сообразно требованию времени, отправлял торжественные дни с великолепием и пышностью. По живому и деятельному участию Чичерина во всех обстоятельствах губернии и в случаях частных имя его, как классическое, сохраняется в памяти Сибири». Словцов, живя в Тобольске, помнил Чичерина. «Во дни губернаторства столь же величавого, сколь благонамеренного, — говорит он далее, — я был в отроческом возрасте, и не могу забыть двух случаев, относящихся к лицу Чичерина: первый, как он пред своим отбытием из Сибири в 1781 г. приезжал в Знаменский монастырь приложиться к св. иконам и, проходя сквозь ряды учащихся, отвечал на латинское приветствие латинскими словами; другой, каким образом в его губернаторство оканчивалась вечерняя заря в мае, июне и частью в июле, по отбитии барабана: на мысу западно-северном, с которого дом губернаторский и губернаторская канцелярия глядели на подгорный городок, становилась капель музыкальная, и, когда все затихало после отбоя барабанного, разносилось над городом усладительное пение из кларнетов и скрипок, оживляемое тенором или альтом, пе-

ние божественного стиха: о всепетая мати...». Далее, после двух мелких статей, посвященных сибирской деятельности Чичерина в «Тобольских Губернских Ведомостях» (1857 и 1870. №№ 14 и 49), из которых одна принадлежала Н.А. Абрамову, несколько более подробных сведений об этой деятельности сгруппировано по делам сенатского архива в «Исторических очерках Сибири» В.К. Андриевича (Т. IV. Спб., 1887; Т. V. Одс., 1889), к которым нельзя не отнести также и ценного материала о мерах Чичерина против пугачевщины, напечатанного по одному архивному же делу в последнем «Календаре Тобольской губернии» (Тоб., 1891). Несколько ранее покойные Шашков в «Очерках русских нравов в старинной Сибири» (Отеч. зап. 1867. X) и Щеглов в «Перечне данных из истории Сибири» (Ирк., 1883) писали, что Чичерин прославился своими расточительно роскошными пирами, обедами, балами. За столом его ежедневно обедало 30 человек. Роскошные обеды обыкновенно сопровождалась музыкой, громом пушек и неумолкаемой ружейной стрельбой. На маслянице же Чичерин спаивал весь Тобольск. У него было 150 человек гайдуков, скороходов и конюхов. Это же самое повторено и в «Очерках» Андриевича и у других лиц, писавших о Сибири и касавшихся времени Чичерина. Однако ж по перво-

образу этих известий тобольская масляница при Чичерине на самом деле шла гораздо трезвее и Тобольск вовсе не представлял такого Содома, каким представляют его те известия. «Со слухов скажу, — говорит Словцов в упомянутом «Историческом обозрении», — как Денис Иванович праздновал масляницу. В избранный день у крыльца губернаторского стоят нарядные огромные сани, устланные коврами, с беседками, мягко и богато убранными. Д.И. с дамами и свитою садится на эту махину и отправляется в сопровождении гайдуков и драгун, а впереди другие также огромные сани с музыкантами. У известных домов поезд останавливается, музыканты бегут в прихожую, а хозяин и хозяйка ждут гостей у дверей. Первый гость подает руку хозяйке и, под музыку приплясывая, проходит комнаты при общем подражании всех гостей и тотчас выходит, уводя с собой и хозяйку, и хозяина. Таким образом заезжают в прочие дома и увеличивают поезд. Потом катаются по городу и около гор с шумною музыкой и оканчивают веселый день в доме гостеприимного губернатора». Этим замечанием сибирского историка мы хотим только отметить, что не все, писавшееся о Чичерине, можно считать за чистую монету. Немало сведений о личности Чичерина встречается и в столичной периодической печати, но

сведения эти отрывочны, нередко разноречивы, и разобраться в них, чтобы выделить вероятное из сомнительного, возможно будет только при большом накоплении того или другого материала. В упомянутых сведениях можно найти немало светлых сторон, показывающих, что в общем стремления Чичерина были гораздо выше уровня современных понятий, но в большинстве случаев, наряду с такими гуманными действиями, какими были, например, преследование злоупотреблений старых воевод, искоренение заурядного сибирского взяточничества, приучение народа к трудолюбию, заботы о нуждах закабаленных инородцев и т.п., сведения те передают немало и мрачного. По мемуарам, например, одного польского конфедерата, печатавшимся в «Русском архиве» 1886 г., Чичерин проявлял нередко невероятные жестокости. Это подтверждают и «Записки А.М. Тургенева», бывшего в начале двадцатых годов настоящего столетия тобольским губернатором, помещавшиеся в 1885—1887 и 1889

гг. в «Русской старине». Тургенев говорит, что Чичерин делал «ужаснейшие варварства» и что «по благоусмотрению и изволению своему приказывал и весьма часто сосланных в Тобольск плененных польских конфедератов и других сосланных привязывать к толстым бревнам по дюжине и более, смотря по длине и толщине дерева, и сталкивать их с крутизны над оврагом в 3-х или 2-х верстах от Тобольска». В Тобольске и по настоящее время существует немало преданий о тех разгромах, какие производил Чичерин при внезапных наездах с эскадром гусар в темные глухие ночи на подозрительные места, суровых расправах, делавшихся при таких же поездках летом на поля, с ленивыми земляпашцами и т.п.

Со своей стороны мы едва ли ошибемся, если скажем, что в памяти народной имя «батьюшки Дениса Ивановича» громко не охранением края от пугачевщины* и не разными его мероприятиями, а тем своеобразным домостроем — теми обыденными, но небывальными в Сибири и по строгостям и по

* Нелишне заметить, что как для характеристики Чичерина, так и для истории бунта Пугачева, имевшего, как известно, в мае 1774 года намерение следовать на Тобольск, может дать новые известия неизданная еще дневная записка за время этого бунта, лично принадлежавшая Чичерину и хранящаяся в Московском архиве Главного Штаба (Вестник Европы. 1870. Кн. 6. С. 640; Дубровин. Пугачев и его сообщники. 1884. II. С. 69); для той же характеристики есть кое-что в статьях гг. Сулоцкого, Мамеева, Петровского и Гурьева (Тоб. Губ. Вед. 1871 и 1890. №№18 и 21; Древ. и Нов. Рос. 1875. Т. II; Русск. вест. 1882. Кн. I.), очерке Голодника «Тобольск и его окрестности» (Тоб., 1887) и проч. — *Е.К.*

жестокостям распорядами, какие почти около двадцати лет с удивительной энергиею установлял и поддерживал этот грозный деятель екатерининской эпохи.

Довольно яркой иллюстрацией таких распорядов Чичерина собственно в Тобольске могут служить помещаемые ниже архивные документы, относящиеся к 1771, 1773, 1774 и 1776 гг. Большая часть этих документов (1 и 17—40) с благосклонного разрешения г. начальника Тобольской губернии В.А. Тройницкого извлечена нами из уцелевших от тобольских пожаров и хранящихся в местном губернском архиве бумаг тобольской полицеймейстерской конторы; остальная же

часть (2—16) любезно сообщена нам библиотекарем тобольского музея С.Н. Мамеевым, работающим в том же архиве.

Документы эти помещаются в хронологическом порядке и составляют: 1) четырнадцать приказов Чичерина тобольской полицеймейстерской конторе (2—7, 9, 14, 22, 33, 36—38 и 40); 2) тридцать ордеров и одно письмо его же на имя плацмайора Мейбом (10, 21, 23—32, 34 и 35); 3) четыре приказа состоявшего при Чичерине генерального дежурства, данных той же конторе (13, 19, 20 и 39.) и 4) восемь приказов и объявлений жителям Тобольска, данных по распоряжению Чичерина упомянутой конторою (1, 8, 11, 12 и 15—18).

1

От Тобольской Полицеймейстерской Канторы объявление.

По присланному от Его Превосходительства, господина генерал-майора, лейб-гвардии пример-майора, Сибирского Губернатора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина приказу велено, за всеми учиненными от Его Превосходительства строжайшими подтверждениями, чтоб в городе нечистоты никакой не имели — навоз и прочее вывозить на реку, на пустыри, а на озерах и речках Курдюмке и Монастырской не класть, во избежание тем зара-

зительнаго весноу воздуха. Но не взирая на то, что сие учреждено в пользу общую всем жителям, безразсудные и привыкшие к упрямству многие жители, хотя равный труд имеют, что на проезд вывозить, или на пустыри вываливать, но единственно по злонравию своему стремятся противоборствовать учреждениям и поныне вывозят в запрещенные места. Неудивительно, что злонравные бездельники, каков есть Шишмолин и тому подобные, которым все полезныя учреждения противны, привыкли только к самолюбию и угождать своим

нравам, но тем паче презрительно, что многие благородные, которым и самим того наблюдать и пресекать должно было, напротив и сами тем бездельникам и ослушникам последуют, во вредность себе и всему обществу. И для того Тобольской Полицемейстерской Канторе сей приказ чрез десятских во всех камандах объявить с подписками, чтоб никто неведением не отговаривался, с таким при том подтверждением: 1-е. Чтобы отныне никто в жиле навозу не клал и никакой нечистоты не метал, живущим под горою вывозить на Иртыш и те собранные подписки представить в Губернаторскую Канцелярию при репорте. 2-е. В ведомство Полицемейстерской Канторы командировать 24 конных гусаров и 24 человека пеших гренадер, из которых учредить денной и ночной разезд и дозоры, с таким подтверждением, чтоб накрепчайше наблюдать, таковых ослушников присматривать и ловить, а когда оные в Полицемейстерскую Кантору приведены будут, то таковым, не представляя, чинить публичное жестокое наказание плетьюми, записывая их имена в журнал. 3-е. Ежели кто в другой раз пойман будет, таковым в Полиции наказания не чинить, а репортовать в Губернаторскую Канцелярию, которым наказание учинено будет кнутом и эти ослушники посланы будут в Нерчинск, в работу.

Того ради, в слышании, во исполнение вышеписанного приказу, всем живущим в городе Тобольске обывателям объявить с подписками.

Плац Майор Петр Попов.
Генваря 27 дня, 1771 г.

2

В Тобольскую Полицемейстерскую Кантору приказ.

По происходящим великим беспорядкам — скорым ездам от извозчиков, многие вредные опыты уже оказались. Узнать их, кто они такие, никак не можно, потому что всякий, сделав вред обществу, повреждение здоровья человеческого, не может быть сыскан и пойман. И для этого предлагаю Тобольской Полиции с получения сего всем извозщикам, впредь до учреждения, наистрожайше запретить, чтоб ни единого не было; а ежели кто завтрашнее число в извозе явится, тех брать под караул и представлять в мою Канцелярию и о сем сего числа публиковать.

Д. Чичерин.
Генваря 12 дня, 1773 г.

3

В Тобольскую Полицемейстерскую Кантору приказ.

Как ныне посещением Божиим оказался здесь в городе скоту падеж, что единственно происходит от соединения скота на водопое и, для того, имеет Полицемейстерская Кантора

всем в Тобольске обывателям подтвердить, чтоб отнюдь скота на водопой не гоняли и из домов на улицу не выпускали, а содержали б онаго и поили в своих домах.

Д. Чичерин.

№ 109.

Генваря 17 дня, 1773 г.

4

В Тобольскую Полицемейстерскую Кантору приказ.

Получа сей приказ, имеет Тобольская Полицемейстерская Кантора еще в Тобольске всем обывателям наистрожайше подтвердить, чтоб они отнюдь из домов своих скота на улицу не выпускали и на водопой не гоняли; а ежели кто хочет сохранить его, то б пускали зашейную кровь и делали в груди заволоку.

Д. Чичерин.

№ 135.

Генваря 20 дня, 1773 г.

5

В Тобольскую Полицемейстерскую Кантору приказ.

Тобольская Полицемейстерская Кантора, получа сей приказ, имеет к Тобольскому купцу Мясникову в дом его, в разсуждении имеющагося у него костюянаго ремесла, никакого постою, без особливаго моего приказания, отнюдь не ставить.

Д. Чичерин.

№ 160.

Генваря 26 дня, 1773 г.

6

В Тобольскую Полицемейстерскую Кантору приказ.

Получа сей приказ, имеет Полицемейстерская Кантора всем в Тобольске обывателям подтвердить, чтоб отнюдь скоро на лошадях не ездили, кто б какого звания ни был.

Д. Чичерин.

Февраля 8 дня, 1773 г.

7

От генерал-майора, лейб-гвардии пример-майора, Сибирскаго Губернатора и кавалера Чичерина объявление.

Для пользы и удовольствия всего гражданства и для гулянья подчищены с немалым трудом близ самого города рощи, в которых наистрожайше воспрещено рубить, но, не взирая на то, злонравный и упрямый народ делается ослушным: имея довольно места для рубки дров, но единственно из злости и упрямства в запрещенных местах рубит, в чем ныне посланным разъездом пойман крестьянин Афанасий Филатов и деньщик порутчика Домекова Мелетий Бабайков. А потому и определено им учинить жестокое наказание — крестьянина плетьми, а деньщика батожем, с таким при том объявлением, ежели впредь кто пойманы в тех местах будут, равным образом без наказания не останутся.

Д. Чичерин.

Февраля 13 дня, 1773 г.

8

От Тобольской Полицеймейстерской Канторы объявление.

Как ныне уже наступает весеннее время, то Его Превосходительство, господин генерал-майор, лейб-гвардии пример-майор, Сибирский Губернатор Денис Иванович Чичерин изволил приказать, дабы в городе никакой нечистоты против домов, также и на пустырях, как-то навозу, сору и кожевенного дуба отнюдь не было, отчего может в теплое время произойти вредная духота. И для того, наблюдая пользу целого общества, всякую подобную сему нечистоту вывозить на определенные для того места, а если за сим приказанием от нижеписанного числа чрез неделю против чьего дому, или по близости на пустыре, усмотрится какая нечистота, то в таком случае благородного звания хозяев их люди или работники, а нижних чинов сами хозяева на тех же местах, где та нечистота окажется, сечены нещадно будут плетью; складенные ж на улицах поленницами дрова немедленно убирать на дворы; а если кто неисполнителем сего приказания усмотрится, то те дрова все забраны будут в Гошпиталь, а сверх того за ослушание хозяева ответственность имеют. А дабы неведением сего приказания никто отговариваться не мог, то каждому подписаться под сим.

Плац Майор Яков Мейбом.
13 марта 1773 г.

9

В Тобольскую Полицеймейстерскую Кантору приказ.

Получа сие, Тобольская Полицеймейстерская Кантора имеет живущим в городе Тобольске ремесленникам, делающим лосиныя и оленьи кожи, накрепчайше подтвердить с подписками, чтоб они те кожи на сыромятное дело... не коптили в дыму и лосин терпугами не терли.

Д. Чичерин.

№ 281

Марта 16 дня, 1773 г.

10

Письмо Чичерина к Тобольскому Плац-майору Мейбому.

Высокоблагородный и высокопочтенный господин Плац-майор. С великим неудовольствием слышу, что в баераке, называемом Тырковка, великое множество навалено падежной скотины, отчего великий идет по всему городу смрад и людям происходит вред. И для того, в наказание жителям, за неисполнение прежде отдаваемых о зарытии того скота приказов, извольте ваше высокоблагородие нарядить по числу душ живущих в городе посадских, цеховых, ямщиков, крестьян и разночинцев всего двести человек и тот падежный скот весь приказать зарыть в землю.

Вашего высокоблагородия,
всегдашний слуга

Д. Чичерин.

№ 638

Апреля 7 дня, 1773 г.

11

От Тобольской Полицмейстерской Канторы приказ.

Его Высокопревосходительство, господин генерал-майор, лейб-гвардии пример-майор, Сибирский Губернатор и кавалер Денис Иванович Чичерин, к крайнему своему неудовольствию, усмотреть изволил, что всех городских жителей скот шатается по улицам, а ныне хотя и в поле выгоняют, только без всякаго призрения, почему из оных многие найдены в поле, что пали. А как хозяева оных не имеют никакого сведения, то следовательно оные и в землю незарытыми валяются, а в разсуждении ныне летнего времени легко приключиться от того может скоту валеж. И для того, наблюдая в пользу всего общества, приказать изволил: 1) Дабы отныне впредь отнюдь никто не отваживался выпускать скот в поле, не отдав пастухам в стадо; 2) Каждый житель, который имеет у себя рогатый скот, должен выгонять на назначенное место по утрам, по полуночи в шесть часов, где и отдавать тем пастухам с рук на руки; а если от кого в показанном часу выгнан не будет, а станет шататься по городу, или и в поле, да сам собою, а не в стаде, то таковой нарочно определенными к тому велено ловить и отводить прямо для порции больных в Гошпиталь; 3) С поля пригонять скот пастухам приказано пополудни в шесть часов, для чего и высылать хозя-

евам в то время на встречу, для разобранья онаго, людей и если чьего скота в тогдашнее время с поля пригнано не будет, то о том того ж часу пастухам объявить и велеть сыскать; о соблюдении ж скота в целости наистрожайше им пастухам подтврждено и подписками в Тобольской Полицмейстерской Канторе обязаны; 4) За паску скота за все летнее время платить с быками коровы не свыше двадцати копеек, с телят и коз по пяти копеек. А дабы неведением сего приказы в противном случае отговариваться никто не мог, то каждому под сим подписаться.

Плац Майор Мейбом.

10 мая 1773 г.

12

От Тобольской Полицмейстерской Канторы приказ.

Его Высокопревосходительство, господин генерал-поручик, лейб-гвардии пример-майор, Сибирский Губернатор и кавалер Денис Иванович Чичерин соизволил объявить чрез Полицию: В пользу всего общества и в прекращение падежа скота всем объявлено о учинении заволок и кровь пустить, однако ж замерзельный в упрямстве народ в свою пользу исполнить не хотит и тем и себе и другим вред наводит. И для того объявить: ежели у кого скотина усмотрена будет без заволоки, то взята будет в Гошпиталь. О чем в слышании сего приказа и во исполнение всем

живущим в городе Тобольске подписаться.

Плაც Майор Мейбом.

1 июня 1773 г.

13

От Генерального Дежурства в Тобольскую Полицейстерскую Кантору приказ.

Хотя прежде отдаваемыми приказами и велено борзых собак не колоть, а как ныне оказалось, что шатаются оныя по за городу и в лугах на скот мечутся и дают и для того Его Превосходительство Денис Иванович изволил приказать: где б они собаки не были, то оных колоть.

Дежурный Прапорщ.

Павел Пушкарев.

16 июля 1773 г.

14

В Тобольскую Полицейстерскую Кантору приказ.

По получении сего имеет Полицейстерская Кантора всем в Тобольске обывателям накрепчайше с подписками объявить, чтоб они отнюдь у присыльных и посельщиков провиантов не покупали, а ежели кто в покупке дознан будет, то с тем поступлено будет как с покупателем воровского.

Д. Чичерин.

№ 382

Июля 31 дня, 1773 г.

15

От Тобольской Полицейстерской Канторы приказ.

Многokrатно приказами Его

Превосходительства, господина генерал-порутчика, лейб-гвардии пример-майор, Сибирского Губернатора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина, чрез Тобольскую Полицейстерскую Кантору всем живущим в городе обывателям подтверждаемо было, дабы о приезжающих разного звания людях, коих без отводу в Полицию хозяева сами собою в дом пушают — одни по знакомству, а другие по найму — того ж часу давать знать в Полицию, в чем все жители и подписками были обязаны. Но к большему неудовольствию Его Превосходительству сведомо, что приехавший из Исецка канцелярист Василий Карагаев стал в доме у Тобольского купца Григорья Мисаилова, который о приезде упомянутого канцеляриста не дал знать в Полицию, за что приказать изволил Его Превосходительство: купца Мисаилова, яко ослушника приказов и ненаблюдающего полезных для общества распоряжений, взять в Полицию под караул, посадить в цепь на три дня и давать хлеб и воду, а по прошествии трех дней доложить; а дабы впредь никто того отважиться делать не смел, то о том наистрожайше в последний раз подтвердить приказами. При том, равным же образом, подтверждается, дабы скот по улицам не шатался, а если и на водопой когда гонять будут, то б при том были хозяева, или работники, а чтоб сам собою без всякаго призрения

отнюдь бы не шатался и в слышании сего приказать каждому подписаться под сим.

Плац Майор Яков Мейбом.
22 октября 1773 г.

16

От Тобольской Полицемейстерской Канторы приказ.

Его Превосходительство, господин генерал-порутчик, лейб-гвардии пример-майор и кавалер Денис Иванович Чичерин приказать изволил, чтоб подтвердить всем живущим в городе Тобольске обывателям, дабы с полдни, по пробитии одинадцати часов, никто из домов своих не отлучался и так поздно по городу не ходил и не ездил; в противном же случае, если кто, по прошествии показанных часов, взят будет обходом или разездом под караул, то с таковыми, яко с ослушниками, без малейшего упущения поступлено будет по всей строгости. И в слышании сего подтверждения каждому подписаться.

Плац Майор Яков Мейбом.
29 октября 1773 г.

17

От Тобольской Полицемейстерской Канторы объявление.

Насланным Его Высокопревосходительством, господин генерал-порутчик, лейб-гвардии пример-майор, Сибирский губернатор и кавалер Денис Иванович Чичерин, в Тобольскую Полицемейстерскую Кантору,

приказом повелевать изволил, дабы отныне впредь живущие в городе Тобольске обыватели порядочным образом, где делаются на мостовой выбоины и скважины, то б вставлял в тех поврежденных местах целыя доски, а не мелкими вставками, отчего проезжающим как людям, так и лошадям происходит вред, как то и сего числа воспоследовало: во время проезде господина полковника Булгакова, шуговая лошадь проломилась ногою на мостовой и ногу в дробныя части изломала. А сидящий на ней фарейтор, летя с нея стремглав, поднят полумертвый. Почему Его Высокопревосходительство, господин Губернатор, приказать изволил: хозяина того дому, против котораго сие несчастье приключилось, высечь на рынке с барабанным боем нещадно плетью и, выбрив голову, употреблять два месяца на каторжную работу, а прочим всем обывателям крепко подтвердить, дабы против каждаго дому мостовыя были в хорошей исправности и обязать всех подписками. И во исполнение того повеления каждому, имеющему дом на мостовой улице, под сим подписаться.

Во время проезду, господин Превосходительство, господин генерал-порутчик, лейб-гвардии майор, Сибирский Губернатор и кавалер Денис Иванович Чичерин усмотреть изволил, к большому своему неудо-

вольствию, что у многих жителей лежат на улицах рубленные дрова высокими поленицами, кои наносят большую опасность прохожим и проезжающим людям, грозя падением своим. И для того приказать изволил: дабы отныне ни под каким видом, ни у кого близ двора на улице дров не было, а если впредь у кого усмотрены будут, Тобольская Полицейстерская Кантора имеет повеление хозяев, кто б какого звания не был, брать под караул, а дрова отсылать на Губернскую Съезжую, без изъятия.

Непреренно мая с 1 числа весь рогатый скот отдавать всем жителям в стадо за пастуха, а по городу чтоб без присмотру отнюдь не шатался.

Присланным в Полицейстерскую Кантору от Генерального Дежурства приказом велено всем живущим в городе Тобольске обывателям объявить, что пушены будут в подгородный называемый Княжий луг казенные лошади и чтоб там из обывателей никто птиц не стрелял, без особливога на тот луг от Его Высочайшего Превосходительства, Дениса Ивановича Чичерина, билета; а хотя и будет дан, да на тот луг не упомянуто, то всех иметь и брать под караул. О чем сим за известие и объявляется.

Плац Майор Яков Мейбом.
Апреля 29 дня, 1774 г.

18

От Тобольской Полицейстерской Канторы приказ.

Сего июня 10 дня, присланным от Его Высочайшего Превосходительства, господина генерал-поручика, лейб-гвардии пример-майора, Сибирскаго Губернатора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина приказом, велено: как ныне наступило летнее время, ветры и сухость, того ради от Полиции, чрез сотских и десятских, всем обывателям наистрожайше подтвердить, чтоб имели от огня предосторожность и трубы были б везде вычищены и во время сильных ветров осторожно топили, а всего лучше и топление, по нынешнему теплomu времени, в такие сильные ветры оставили и пожарные инструменты, принадлежащие хозяевам, всегда б были готовы. В чем, в слышании и во исполнении вышеписаннаго приказу, под сим подписаться.

Плац Майор Яков Мейбом.
Июня 11 дня, 1774 г.

19

От Генерального Дежурства приказ.

Ея Превосходительство, Глафира Денисовна Чичерина обронили с головы паучка, сделанного из серебра и камней. Ежели кто оный найдет, награждения дано будет двадцать рублей.

*Дежурной Прапорщик
Козма Тецкой.*

№ 79.

Генваря 21 дня, 1776 г.

20

От Генерального Дежурства в Тобольскую Полицейстерскую Кантору приказ.

Завтрашняго 13 числа февраля будет в доме Его Превосходительства, господина генерал-порутчика, лейб-гвардии пример-майора, Тобольскаго Губернатора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина публичный маскарад. Почему Тобольская Полицейстерская Кантора имеет всем города Тобольска обывателям объявить: ежели кто изволит в оном быть, тем съезжаться в дом Его Превосходительства в маскарадном платье пополудни в пять часов.

*Дежурной Подпорутчик
Сергей Коптилов.*

Февраля 12 ч. 1776 г.

21

Ордер господину Плацмайору Мейбому.

При сем прилагаю копию с Высочайшаго Ея Императорскаго Величества, за собственноручным подписанием, указу о экипажах, в котором изволите усмотреть, что дворянам, неимеющим обер-офицерского чина, запрещается ездить по городам инако, как летом верхом, или в одноколке, на одной лошади, а зимою — в санях, на одной же лошади. А как до сведения моего дошло, что здесь по городу ундер-офицеры ездят парою: и для того извольте ваше высокоблагородие приказать накрепко смотреть,

ежели кто из ундер-офицеров отважится ездить парою, тех брать под караул и меня репортовать.

Д. Чичерин.

Февраля 14 ч. 1776 г.

22

В Тобольскую Полицейстерскую Кантору приказ.

В отдаваемые от меня Полиции приказы действие свое имеют никак только один день, потому что многократными отданными приказами велено наиприлежнейше наблюдать, чтоб отнюдь по улицам скот не шатался, что только в прошедшую осень и было исполняемо, а ныне те приказы опять в забытыи остались и усмотрено, что скот безпрестанно по улицам шатается. И для того Тобольской Полицейстерской Канторе сим строжайше предлагаю иметь оная всем города Тобольска обывателям с подписками объявить, чтоб они отныне впредь отнюдь ни одной скотины на улицу из домов не выпускали, а ежели чья по оной шататься будет, о них от Полиции приказать ловить и отсылать в Гошпиталь.

Д. Чичерин.

№ 411.

Марта 12 дня, 1776 г.

23

Ордер господину Плацмайору Мейбому.

Как ныне наступает вешнее время, почему всем определен-

ным на поселение должно быть по своим местам — кто в какое место определен, для размножения хлебопашества. А как я уведомлен, что многие отставные на поселение солдаты и поселыщики находятся здесь и нанимаются во услужение и для того вашему высокоблагородию сим предлагаю: извольте приказать чрез Полицию, не исключая ни одного, где б они не были, немедленно всех собрать и представить ко мне.

Д. Чичерин.

№ 554.

Апреля 8 дня, 1776 г.

24

Ордер господину Плацмайору Мейбому.

По получении сего извольте ваше высокоблагородие у всех города Тобольска мясников приказать от Тобольской Полиции освидетельствовать безмены и, сходны ль оные с указными, меня рапортовать.

Д. Чичерин.

№ 557.

Апреля 10 дня, 1776 г.

25

Ордер господину Плацмайору Мейбому.

Усмотрены мною при пожарных случаях неисправности: у пожарных труб рукава ветхи и недостаток в вилах и крючьях. И для того вашему высокоблагородию предлагаю: извольте приказать у труб рукава новые, а также крючьев и вил, сколь-

ко надлежит, поделать и сколько потребно на то будет денег, извольте употребить из собираемых в Тобольской Полиции разных сборов сумм, поставя в расход по силе моего ордера, а сколько чего сделано и денег на то употреблено будет, меня рапортовать.

Д. Чичерин.

Апреля 11 дня, 1776 г.

26

Ордер господину Плацмайору Мейбому.

По вновь прожектированному и апробованному собственноручным Ея Императорского Величества подписанием городу Тобольску плану, повелено быть новым строению и улицам. Но как у старого обывательского строения пристроены к домам огороды и другия пристройки, где тем вновь прожектированным улицам быть надлежит и для того, вашему высокоблагородию, сим предлагаю — извольте исполнить: 1-е таковые огороды, где надлежит быть по плану улицам, приказать немедленно разломать и сделать проезд, для чего обывателей к строению тех огородов отнюдь не допускать; 2-е построенныя на улицах Архангельской деревянную богадельню, на Пиляцкой сарай и баню, как оныя также подлежат в улицу, извольте приказать немедленно сломать, а в которых оныя местах, равно и огороды построены, данным от меня господину Капитану Про-

скурякову ордером велено все сие показать вашему высокоблагородию на плане.

Д. Чичерин.

№ 563.

Апреля 11 дня, 1776 г.

27

Ордер господину Плацмайору Мейбому.

В разсуждении настоящего ныне сухаго и теплаго времени, извольте ваше высокоблагородие исполнить: 1) все состоящая в городе Тобольске бани запечатать печатью Тобольской Полицемейстерской Канторы; 2) описать сколько в том числе ветхих бань и в каком положении от строения оныя находятся; сделав верную записку, подать ко мне.

Д. Чичерин.

Хотя и не ветхие, но построены близко к строению чужому и те описать же.

Апреля 23 дня, 1776 г.

28

Приказ в Полицию.

По получении сего, тот час, взяв каманду и в бане у подканцеляриста Галявинскаго огонь залить и печь разломать до подошвы.

Д. Чичерин.

Апреля 23 дня, 1776 г.

29

Ордер господину Плацмайору Мейбому.

1. За собственноручным Ея Императорскаго Величества

подписанием по вновь прожектированному городу Тобольску плану повелено между Монастырскою речкою и Знаменским монастырем в окружности онаго производить строение на каменном фундаменте; а как сего числа усмотрено мною, что в противность того Ея Императорскаго Величества повеления, новокрещеный Афанасий Григорьев в том месте заложил себе дом и только сделал одну лицевку фундамента — положил по одному кирпичу — и для того, ваше высокоблагородие, извольте все то зачатое строение сего числа приказать до подошвы разломать и взыскать с него штрафа на Гошпиталь 25 рублей, а данный от меня план отобрать и представить ко мне. 2. На базаре, где никакого строения производить не повелено, построена лавочка и оную сего ж числа разломать и взыскать с хозяина штрафа 10 рублей и 3. У Казачьяго взвозу построена совсем не по плану новая баня, которую тож сего числа разломать и впредь извольте наблюдать, дабы отнюдь такого беспорядку не было.

Д. Чичерин.

№ 558.

Апреля 30 дня, 1776 г.

30

Ордер господину Плацмайору Мейбому.

Во исполнение имяннаго Ея Императорскаго Величества указу отставлены мною на по-

селение солдаты, но они, вместо поселения и вместо пользы обществу, шатаются по городу праздно; и для того ваше высокоблагородие извольте приказать таковых сускывать и где обнаружатся, отобрав у них апшиты, представлять ко мне.

Д. Чичерин.

№ 445.

Мая 10 дня, 1776 г.

31

Ордер господину Плацмайору Мейбому.

1. Сего числа извольте, взяв каманду, в присутствии вашем, все мушныя лавки, сколько есть в Тобольске, запечатать и не только из каждой лавки, но и из каждого закрома, взяв, испечь пробные хлебы и ко мне представить.

2. Привозную муку для продажи на базаре, не учиня также апробации печением хлеба, продавать запретить.

Д. Чичерин.

№ 909.

Августа 9 чис. 1776 г.

32

Ордер господину Плацмайору Мейбому.

До сведения моего доходит, что в городе каждодневно бывает воровство единственно от извергов рода человеческого. Сие хотя и искореняется, однако никак не можно пресечь. И для того извольте ваше высокоблагородие приказать всем в Тобольске в домах хозяевам, чтобы имели

заряженные ружья и старались бы воров стрелять по ногам, дабы чрез то можно было всю сию злодейскую шайку собрать.

Д. Чичерин.

№ 955.

Августа 22 дня 1776 г.

33

В Тобольскую Полицейскую Кантору приказ.

Всем города Тобольска жителям объявить, чтоб при ныне настоящих ветреных днях имели от огня крайнюю предосторожность и ни в каком бы доме после пробития вечерней тапты, огня, т.е. в печах, не было, чего Полиции накрепко наблюдать и следить.

Д. Чичерин.

№ 977.

Августа 31 дня 1776 г.

34

Ордер господину Плацмайору Мейбому.

Усмотрено мною, что построены кирпичные сараи по речке Курдюмке, внутри крепости земляной, и так гору подрыли, что оная грозит падением и великим вредом и опасностью городу. Но как против того места строится ныне немалою суммою каменная Гошпиталь и для того сим вам предлагаю: все кирпичные сараи партикулярные, или какие б они ни были, состоящие по речке Курдюмке, внутри крепости, извольте приказать, получа сей ордер, запретить, чтоб больше тут кирпи-

ча не делать и те сараи чтоб были сломаны немедленно, объявить хозяевам; а места для кирпичных сараев отвести, по желанию их, или вверх по Курдюмке, или в месте, называемом Тырковка, где кому способнее, и о исполнении меня извольте репортовать.

Д. Чичерин.

№ 984.

Сентябрь 4 дня 1776 г.

35

Ордер господину Плацмайору Мейбому.

Привозимую и приплавленную изо всех мест в Тобольск для продажи муку, не пропуская ни одного продавщика, извольте ваше высокоблагородие, осматривая, свидетельствовать, не окажется ли оной у кого с песком и ежели будет у кого найдена, о том меня репортовать.

Д. Чичерин.

№ 362.

Сентября 17 дня 1776 г.

36

В Тобольскую Полицейстерскую Кантору приказ.

Как ныне наступило время холодное, то за первое предлагаю во всех харчевнях и где хлеб и калачи пекут, вымораживать тараканов. Равным образом и во всех в Тобольске домах от Полиции о том же объявить.

Д. Чичерин.

№ 1165.

Октября 22 дня 1776 г.

37

В Тобольскую Полицейстерскую Кантору приказ.

Неоднократно чрез Полицию от меня подтверждаемо было, чтоб из Тобольска, не объявляя в Полиции, никакого звания, никого и никто отнюдь не вывозил, но сие весьма слабо исполняется. Так вчерашнего числа, по рапортам ко мне от сотника Загваздинского станка, неизвестный злодей без всякого виду прискакал на двух лошадях заготовить для проезду генерала Мещерского, следующего делать вновь ревизию, по семидесяти лошадей на станции и, поставя оных, поскакал вперед, за которым и послана погоня. На сие Тобольской Полициейстерской Канторе предлагаю: имеет оная всех в Тобольске обывателей строжайше обязать подписками, чтоб отнюдь никто ни под каким видом неизвестных и неизвестных людей до Абалака и ниже до Турбы, без объявления в Полиции, возить не дерзал с таким подтверждением, ежели кто в том изобличен будет, наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей и послан на каторгу.

Д. Чичерин.

Ноября 13 дня

1776 г.

38

Приказ Господину Плацмайору Мейбому.

Неоднократными и строжайшими приказами подтвер-

ждено не только в военные команды, но и чрез Полицию обывателям, чтоб отныне никто ни под каким видом пришлых людей, а особливо подозрительных, ни на одну ночь в дом к себе не пушал, но сверх чаяния моего ныне открылось пристанище беглым — открылось в первой губернской роте, у гренадера Чернышева. Сие — ничто иное, как слабость и несмотрение господ офицеров, ундер-офицеров и капралов. И для того: 1. Господину Секунд-майору Серебрякову, командующему губернской ротою, в сем случае поступить наистрожайше, исследовав, каким образом, по силе приказов и должности, хотя дозоры, того не видали, а паче у него Чернышева и жительство имела пришедшая бродяга из села Покровскаго девка и меня о том репортовать. 2. Отныне впредь господам командующим ротами, как губернскими, так и в резервах, самим каждую неделю ходить дважды по всем квартирам, а обер-офицерам ежедневно, ундер-офицерам и капралам непрерывно и строжайше того наблюдать и кто котораго числа дозором ходил обер и ундер-офицеры, о том каждого утра подавать в Плац-майорскую записки, а господину Плац-майору то в репортчиках ко мне писать. 3. Сей приказ господину Плац-май-

ору от Полиции объявить всем жителям и обязать подпискою под опасением не только штрафа, но и жесточайшего наказания.

Денис Чичерин.

Объявить во все команды.

Д. Ч.

№ 1358.

Декабря 9 дня 1776 г.

39

От Генерального Дежурства в Тобольскую Полицейстерскую Кантору приказ.

Татар Нияска и Зенилка велено было из города выслать вон, а как ныне оные, до сведения дошло, находятся в городе, которых сыскать и содержать в Полиции и репортовать Его Высокопревосходительства, господина Губернатора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина.

Дежурной прапорщик

Венедикт Борзин.

Декабря 16 дня 1776 г.

40

В Тобольскую Полицейстерскую Кантору приказ.

Будущаго генваря 1 числа ни одному извозчику, неимеющему вновь на 1777 год билету, отнюдь не извозничать, а кто с того 1 генваря будет со старым билетом извозничать, таковых от Полиции присматривать и брать под караул.

Д. Чичерин.

№ 1429.

Декабря 22 дня 1776 г.

*Сибирский губернатор Д.И. Чичерин в переписке с духовенством** (Новые материалы¹)

1

Преосвященнейший Павел, митрополит Таболский и Сибирский, мой милостивой патрон!

Сибирская Губернская Канцелярия ко мне рапортом представила, что находящийся в Туруханском монастыре съельной поп Петр Никитин, изbleвая злость, вступил в даносы на карательных своих, в чем участником оказываетца и известной вашему преосвященству в таковых случаях зачинщик монах Леонтович: а указом Ея Императорскаго Величества повелено, чтоб им ни в чем не верить, и в таковых случаях их воздерживать и наказывать. А как они духовные, и состоят под ведомством того монастыря власти, того ради, вашему преосвященству сим сообща, прошу, таго монастыря к архимандриту предложить, дабы означенный Петр Никитин в таком случае без жестокова наказания был не оставлен: и ежели и Леонтович в том участник. Да и

впредь, буде они в таковых непристойностях явятца, ничему не верить, а сокращать таковых невоздержных злодеев наказанием. В протчем вашего архипастырскаго благословения прося, пребуду пакорнейший слуга

Денис Чичерин.

26-е октября 1767 г.
Москва.

2

Преосвященнейший Варлаам, еписком Тоболский и Сибирский, мой милостивый патрон!

Находящиеся здесь польские военнопленные конфедераты получили из Казани своего патера и неотступно меня просят, чтобы дозволить им отправлять службу Божию и в нынешний пост приобщаться Таин. А хотя в резиденции Ея Императорскаго Величества, в Санктпетербурге и в Москве, службу им отправлять свободно и дозволено и костелы есть, но здесь я, без

* Печатается по изданию: Сибирский губернатор Д.И. Чичерин в переписке с духовенством: Новые материалы/Сост. Е.В. Кузнецов. Тобольск, 1896.

Придавая тексту и сноскам современную орфографию, издатель старался максимально сохранить статью в том виде, в котором ее видел читатель прошлого века.

¹ Настоящие материалы заимствуются из дела старого архива Тобольской духовной Консистерии 1762 г. № 156; 1768 г. №№ 70, 93, 154 и 164; 1772 г. № 184; 1774 г. № 115 и 1778 г. № 131 и составляют продолжение подобных же материалов, напечатанных нами из дел других архивов в «Русск. Старине» (1891, июль. С. 179—182) и «Тоб. Губ. Вед.» (1891. №№ 11—14, 41; 1892. № 19; 1893. № 32).

дозволения вашего преосвященства, допустить их к тому не могу, почему и прошу вашего преосвященства, меня о том уведомлением не оставить. В прочем, прося вашего архипастырского благословения, пребуду навсегда вашего преосвященства покорнейший слуга

Д. Чичерин.

№ 1503.

Декабря 12 дня, 1772 г.

3

Преосвященнейший Варлаам, епископ Тоболский и Сибирский, мой милостивый патрон!

Сего мая 4-го числа, присланным ко мне доношением, Томская воеводская Канцелярия представляет, что многия из томскаго ведомства посельшичи женки, после умерших своих мужей, продав дома, скот и протчий крестьянский шарб, а другие и броса все, з детьми женска пола, неведомо каким образом, с жилищ своих сошли и бежали, а куда неизвестно. А по известиям же от смотрителей за оными, что из таковых же женок и девок, некоторые вышли в замужство за посацких и завоцких крестьян и разночинцов, да и ныне, в прошедшем феврале месяце, Девичья монастыря священник Козма Дулепов скрывающуюся от поиску, а сведенную с поселения ведомства Кольонскаго Правления матерью, бывшею умершаго посельщика Волкова женою, вдовою Марреною Григорьевой прижитую с оным мужем ее, дочь

девку Федору с завоцким крестьянином Большениным обвенчал без всякаго с Томскою Канцеляриею сношения и ведома, да и та женка Волкова (которую в замужство еще отдать можно) неведомо ж куда утаена и так что и ее никак сыскать не можно. И хотя Томская воеводская Канцелярия о сыску и невенчании означенных, крьющихся неведомо где, посельшичьих вдов и девок в Томске и в близ находящихся духовных правления и светския каманды сообщила, но чтоб о том исполнение было и меня просила, куда следует, о подтверждении. И для того вашему преосвященству сим сообща, прошу приказать всем, тамошних духовных правлений священником, подтвердить, чтоб они бежавших с поселения посельшичьих жен и девок за разных чинов (кроме за таковых же заселенных там посельщиков) без ведома Томской Канцелярии не венчали. В прочем, прося вашего архипастырского благословения, пребуду навсегда вашего преосвященства, милостиваго патрона, покорный слуга

Д. Чичерин.

№ 256.

11 мая 1773 г.

4

Преосвященнейший Варлаам, епископ Тоболский и Сибирский, мой милостивый патрон!

Сообщение вашего преосвященства минувшаго февраля от 5-го и при том с имянного Яя

Императорскаго Величества блаженныя и вечной славы достойныя памяти Великой Государыни Императрицы Анны Иоанновны указу копию, о запрещении польскому пастору строить в городе кирку и штоб они в православной вере помешательства не делали, я сего апреля 23 числа получил, на которое вашему преосвященству соответствую, што кирки нет, а находящиеся здесь поляки, штоб они ни под каким видом российского народа, под штрафом, в свой закон не прельщали, подписками обязаны. В протчем, прося вашего архипастьерскаго благословения, пребуду навсегда вашего преосвященства, милостиваго патрона, покорнейший слуга

Д. Чичерин.

№ 376.

29 апреля 1774 г.

5

Преосвященнейший Варлаам, епископ Тобольский, милостивый патрон!

Как при нынешнем грязном времени, Тобольской Полиции строжайше ат меня подтверждено и велено всем абывателям объявить, чтоб ани против своих домов улицы мастили и где надлежит пачинивали, которые и исправляют. Вашего преосвященства прошу приказать по духовной каманде а том учинить подтверждение. В протчем с моим истинным почитанием пребываю навсегда вашего преосвящен-

ства, милостиваго патрона, покорнейший слуга

Д. Чичерин.

№ 692.

7 мая, 1774 г.

6

Преосвященнейший Варлаам, епископ Тобольский, милостивый патрон!

До сведения дошло, что разнаго сорта люди живут в городе, нанимая себе у здешних жителей в кортомы дома, о которых никто не знает, а жители, не объявя в Полице, пушают, между тем могут скрыватьца беглыя; и для того господину плац-майору Мейбому, ордером, от меня предложено и велено чрез полицейских служителей всех жителей, неоставляя ни одной хижины, обязать подписками, чтоб никто не объявя и не записав: кто таков в дом становитца, в Полице, отнюдь в дома не пускали, а ежели за сим у кого кто и еще окажетца не записан, то того дому хозяин наказан, а дом до почвы разбросан будет. А вашего преосвященства прошу и со своей стороны приказать духовным чинам без записки в Полице по тому ж никаго в дома не пускать. В протчем с моим истинным почтением пребуду навсегда, вашего преосвященства, милостиваго патрона, покорнейший слуга

Д. Чичерин.

1583.

8 августа 1776 г.

7

Преосвященнейший Варлаам, епископ Тоболский, мой милостивый патрон!

Начатая за валом на кладбище² каменная церковь как еще в совершенство не приведена, а ныне наступает ирбитская ярмарка, вашего преосвященства прошу, за рукою вашею, для збору от доброхотодателей пожаловать книгу, а в прочем, прося вашего архипастырского благословения, пребуду навсегда вашего преосвященства покорнейший слуга

Д. Чичерин.

268.

7 февраля 1776 г.

8

Преосвященнейший Варлаам, епископ Тоболский, мой милостивый патрон!

Вашим архипастырским благословением споспешествующим, заложенная в прошлом 775 году августа в 4 день, церковь во имя Седьми Отроков, иже во Ефесе, ныне к освящению пришла в совершенство; вашего преосвященства прошу совершить ваше благословение сего августа 4 числа освятить, и пребуду навсегда вашего преосвященства, моего милостива-

го патрона, покорнейший слуга

Д. Чичерин.

№ 889.

2 августа 1776 г.

9

Преосвященнейший Варлаам, епископ Тоболский, милостивый патрон!

Ялutorовского дистрикта в деревнях Меншиковой, Марковой и Рафайловской заимке появилась на людях заразительная опасная болезнь; предписаны в том от меня все предосторожности; и велено: ежели в котором доме тою болезнию умерший будет, отнюдь ни к трупу и ни к чему не прикасатца, а все то сожигать, трупы ж, брав крючьями, без всякой погребательной церемонии отвозить в отдаленные места и закапывать очень глубоко. Вашего преосвященства покорнейше прошу приказать и священникам тех приходов наистрожайше подтвердить: дабы и они за погребание ни деньгами, ни из платя и ни чем отнюдь не брали; а как отправляетца от меня туды нарочной курьер, то покорнейше прошу тем повелением вашего преосвященства предъупредить. А я, прося вашего архипастырского благослове-

² При настоящем сообщении, в дело Консистории неизвестно когда вложена следующая любопытная ведомость:

А умерших с 772 года сентября 11 ч. на кладбище погребено:

772		773		774		775		776		777		778		779		780		Итого	
м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
77	87	236	237	291	268	315	290	334	370	237	203	241	239	292	297	341	354	2364	2345
																			4709

ния, пребуду вашего преосвященства покорнейший слуга

Д. Чичерин.

№ 1173.

31 августа 1779 г.

10

Генерал-майора лейб-гвардии пример-майора, сибирского губернатора и кавалера Чичерина, в Канцелярию Тоболской духовной Консistorии. К безпримерному мне неудовольствию ныне, в проезд мой нагорную частию, видел противу строжайшаго от меня запрещения, которое употреблено к пользе всех живущих в Тоболске для избавления от заразительнаго воздуха, происходящаго от нечистоты по всем пустырям навозу и всякой нечистоты безчисленное множество, отчего при наступающей весне не иного чего, как тяжкаго воздуху и заразительных болезней ожидать должно. Сие я, с немалым оскорблением, иначе приписать не могу не только к слабости правления полицеместера, господина коллежского ассесора Павлуцкаго, но и совсем к презрению должности его, чего я никогда и не ожидал, хотя сие и должно было от нево приказаниями подтверждаемо и исполнено быть, однакож, как видно, ничего того не было. Завтнешняго числа, по полуночи с 8 часов, приказано ему, господину Павлуцкому, собрать всех сотских и десятских нагорной части, которым на тех местах публично наказание учи-

нено будет; наказание ж сим подлым людям, состоящим в ведомстве его, от главной команды произшедшее, не может ему чести сделать, но больше к доказательству слабости его, которое лишает меня надежду видеть в порядке его в том месте, в котором он ныне определен. А Канцелярия Тоболской духовной Консistorии благоволит всем ведомства своего чинам накрепчайше подтвердить, чтобы отнюдь никто в город навозов по переулкам и пустырям не возили и против своего двора вычистили, а ежели кто по сему окажется в неисполнении, то жестоко наказан будет. (№ 7). Апреля 8 дня, 1768 г.

Д. Чичерин.

11

Генерал-майора лейб-гвардии пример-майора, сибирского губернатора и кавалера Чичерина, в Тоболскую духовную Консistorию сообщение. Самое настоящее вешнее время ныне наступило и вешние ветры, то за нужное нахожу в Канцелярию Тоболской духовной Консistorии сим сообщить, чтоб всем живущим в Тоболске обывателям ведомства своего подтвердить о имени крепкой предосторожности в топлении печей. Апреля 15 дня, 1768 году.

Д. Чичерин.

12

Генерал-майора лейб-гвардии пример-майора, сибирска-

го губернатора и кавалера Чичерина в Канцелярию Тоболской духовной Консистории сообщение. Настрожайшими приказами от меня предложено, чтоб никто, по имеющимся старым данным планам, строения вновь не заводили и старого не поправляли, чего Полиции накрепко смотреть велено. Но, напротив того, усмотрел я, что тобольского третьего батальона капитан Фонтрейден, имея у себя старой план, построился совсем не так, как поднесенный от меня к Ея Императорскому Величеству план конфирмован, а определенный в нижний посад для того смотрения прапорщик Лагунов, как видно, совсем того не смотрит, за что я велел его на две недели посадить на губвахту на хлеб и на воду, а Тоболской Полиции велено то строение капитана Фонтрейдена, деланное напротив конфирмованнаго плану, разломать. А Канцелярия Тоболской духовной Консистории благоволит ведомства своего над всеми приказать иметь крепчайшее смотрение, чтобы отнюдь, без позволенья, вновь строения, также и старого, поправлять никто не дерзал. (№ 374). Июня 9 дня, 1768 году.

Д. Чичерин.

13

Генерал-майора лейб-гвардии пример-майора, сибирского губернатора и кавалера Чи-

черина, в Канцелярию Тоболской духовной Консистории. Во исполнение имянных Ея Императорского Величества указов и полицейских учреждений, для предосторожности от разрывительных пожаров, а особливо в городе Тоболске, в таком тесно деревянном строении, в летнее время, при нынешних жестоких ветрах, настрожайше запрещено не только бани и печи топить, а по силе полицейской инструкции бани и запечатаны. А в прошлом 767 году и во все военные каманды приказами подтверждено, чтоб все квартирующие не только по тому непременно исполнение чинили ж, но за хозяевами б в том смотрели и о таких преступлениях к каманде доносили. Но, напротив, капитаны томского полку Засецкий, отставной — Филимонов, правянтской комиссии секретарь Медведков, сибирского гарнизона поручик Дьяков, Рождественской церкви священник Стефан Шетинин такое дерзновение взяли, что самовольно положенные от Полиции печати сорвали, и сего июля 12 числа, в жесточайший ветер, бани затопили, на что взирая и многие подлые люди к тому ж приступили, так что я, видя в необыкновенное время великий дым по городу, на ветре разстилающийся, принужден послать команду для исследования о том; и для того мною с сими дерзкими людьми определено: хотя они и под-

лежали наижесточайшаго штрафа, — капитанов Засецкаго и Филимонова, секретаря Медведкова и порутчика Дьякова, арестовав на неделю,

в том числе три дни содержать на хлебе и воде, достойной же штраф Канцелярия Тоболской духовной Консistorии благоволит и показанному священнику Щетинину учинить по своему рассмотрению³; протчим же, приличившимся в том военным нижним чинам, нещадное при камандах наказание батоги, а обывателям как за топление, так и хозяевам, у которых постояльцы самовольно печати сорвали, за недонос в Полицию, велено учинить наказание плетьюми, в банях печи изломать. О чем Канцелярия Тоболской духовной Консistorии благоволит же ведомства своего чинам наистрожайше подтвердить, чтобы впредь таких дерзновений не чинили (№ 302). Июля 14 дня, 1768 году.

Д. Чичерин.

14

Генерал-майора лейб-гвардии пример-майора, сибирскаго губернатора и кавалера Чичерина, в Тоболскую духовную

Консistorию сообщение. Посещением Божиим за грехи наши, оказался падеж скоропостижными болезнями лошадам такую болезнью, что начинаецца опухоль или на нуздре или на шее, и оттого в короткое время умирают. Того ради, в таких несчастных приключениях, как в лечении той болезни поступать, зделано учреждение и наставление, отчего уже опробовано, что вылечиваюцца, однакож каждому хозяину своих лошадей ежедневно осматривать, чтоб можно было приметить начало сей опухоли и тем захватить, а ежели сутки продолжитца, то излечить не можно будет, с котораго, для лутчаго сведения и куда надлежит по каманде своей разсылки, посылаетца при сем копия⁴ в Тоболскую духовную Консistorию (№ 688). Июля 30 дня, 1768 году.

Д. Чичерин.

15

Генерал-майора лейб-гвардии пример-майора, сибирскаго губернатора и кавалера Чичерина, в Канцелярию Тоболской духовной Консistorии, сообщение. 28 числа минувшаю

³ Щетинин, вызванный немедленно в Консistorию, объяснил, что «сего-де июля 12, в день субботы, домашним своим, хотя ведал запрещение даже о ненагревании бань, но по нужде, что давно не мывался, а особливо как прочие обыватели начали нагревать, приказал нагреть баню и парился, в чем приношу вину свою». Консistorия определила: «в силе указа 767 июня 6, отреша его от приходу и доходу на недельное время, содержать чрез оное при Тобольском Софийском соборе в чтении псалмов».

⁴ Копии при сообщении нет.

го июля нашелся здесь присыльной малоросиянин Петр Орловский с найденными у него ядовитыми зелями — сулемой и мышьяком, коими, будучи пьяной, почти не умертвил себя, о чем в Канцелярии моей было следовано, и показал он, Орловский, что того зелия, каждаго по одному золотнику, дано ему было, для использования от ломоты ног его, здешняго Тоболскаго Рождественскаго девичья монасты-

ря покойной старицей Тарсидой, а схимонахиней Татьяной, а она ему сказывала, что куплено то было в Ирбитской ярмонке для таковой же его надобности, назад тому года с три. Того ради, Канцелярия Тоболской духовной Консисто-рии благоволит о недержании таковых ядовитых зелей никому, ведомства своего, к кому надлежит, подтвердить (№ 500). Августа 5 дня, 1768 году.

Д. Чичерин.

Сообщ. Кузнецов-Тобольский.

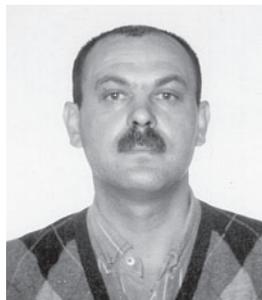
Туров Сергей Викторович, родился в 1957 г. Окончил истфак Тюменского госуниверситета. Работает старшим преподавателем кафедры отечественной истории ТГУ.

Круг научных интересов: этнография русского старожильского населения Зауралья, история культуры, историческая экология. Автор статей «Применение огня в хозяйственном быту русского крестьянства Западной Сибири в XVII–первой половине XIX века», «Мифологические представления русских старожилов Северного Зауралья», «Старый Ялуторовск: Пашенная слобода, острог, город XVII–XIX вв.» и др.!

Постоянный автор журнала «Лукич». В издательстве Ю. Мандрики подготовлена к выпуску книга быличек, записанных им.

Батюшка Денис Иванович

Школьникам Ялуторовска
посвящается

Предок Дениса Ивановича Чичерина, граф Афанасий Чичерини, прибыл в Россию в 1472 году в свите будущей русской царицы Софьи, дочери последнего византийского императора Фомы Палеолога. Итальянская ветвь рода — графы Чичерини — была известна по крайней мере еще в середине XIX века. После того как Софья Палеолог вступила в брак с великим князем Московским, Чичерини остался в России. К этому решению его подвигла женитьба сына Ивана Афанасьевича на русской. Иван Афанасьевич и его потомки несли государеву службу. В частности, сын Ивана Афанасьевича Иван Иванович Чичерин участвовал в земском соборе 1613 г., избравшем новую царствующую династию — Романовых. А в 1618 г. Иван Иванович становится посланником царя Михаила Федоровича при дворе персидского шаха. С этого времени дела рода шли неуклонно вверх. Чичерини служили, были одариваемы поместьями и крестьянами.

Отец Д.И. Чичерина Иван Лаврентьевич дослужился до полковника при Петре Великом. В 1722 г. он был назначен комендантом Полтавы.

Сын Ивана Лаврентьевича Денис Иванович родился около 1720 года. В 1735 г. в царствование императрицы Анны Иоан-

новны вступил в лейб-гвардии Семеновский полк. В 1740 г. он находился в чине сержанта гвардии и выполнял «некоторые важные поручения» двора. В 1748 г., уже при императрице Елизавете Петровне, Денис Иванович в чине подпоручика по-прежнему выполняет важные правительственные поручения. В этом году его дважды посылали к «фельдцейхмейстеру» князю Репнину в действующую армию, стоявшую тогда на Рейне.

В 1749 г. по личному поручению императрицы Чичерин находился в Курске, где инспектировал правильность отправления торговых операций местным купечеством. По-видимому, Денис Иванович добросовестно выполнял указанные и другие поручения двора, ибо в 1754 г. он уже был капитаном, дослужившись до этого звания из прапорщиков всего за 14 лет. По обычному же порядку до этого звания дослуживались лет за 20 и более. Обыкновенно гвардии капитан узнавался по обширной лысине или проседи. Чичерин же был еще достаточно молодым человеком, около 35 лет. Отставка была дана неожиданно на самом подъеме блестящей карьеры. 1 февраля 1762 г. Денис Иванович был уволен от службы с одновременным присвоением чина премьер-майора. Указ об отставке был подписан в самый день кончины Елизаветы Петровны новым императором Петром III. Чичерину было велено жить в своем родовом имении Ильинском (около Белева) и запрещено определять его на службу. Трудно сказать что-либо определенное о причине опалы. Однако известно, что Денис Иванович служил в одной роте с братьями Орловыми, главными действующими лицами заговора, в результате которого император был смещен и убит, а на престол взошла его супруга Екатерина II. Нет прямых доказательств того, что Чичерин участвовал в заговоре. Однако сразу после переворота, уже 4 апреля 1763 г., он был возвращен на службу, а 10 августа того же года Д.И. Чичерин произведен в генерал-майоры и назначен сибирским губернатором. Что это, если не благодарность императрицы «невинно» пострадавшему верному слуге своему? Да и в Сибири «матушка императрица» не оставляла своими заботами Дениса Ивановича. Государыня даже состояла с Чичериным в переписке, и переписка эта носила весьма доверительный характер. В одном из ответных писем к губернатору Екатерина II расхваливала присланный им ко двору мех и даже вошла в обсуждение деталей дамского мехового туалета. Впрочем, в переписке обсуждались вопросы серьезные. Так, в 1764 г. Д.И. Чичерин сообщал императрице, что ввиду наступления саранчи и неурожая хлеба в Сибири с прибывших в Тобольск барок с хлебом пошлина взята не будет, и просил утвердить это его решение¹.

¹ Я.И.С. Денис Иванович Чичерин. // Москвитянин. 1845. Ч. VI. № 11. С. 1—23.

Полномочия сибирских губернаторов на протяжении всего XVIII века были исключительными, однако именно при Чичерине властные функции сибирского губернатора достигают своего апогея. В его распоряжение были переданы все войска губернии, как полевые, так и гарнизонные. Д.И. Чичерин получил право присваивать своим подчиненным обер-офицерские звания до капитана включительно. Чичерин чувствовал себя вполне компетентным, чтобы давать советы правительству касательно комплектования войск в Сибири. В совместном с бывшим до него сибирским губернатором Ф.И. Соймоновым докладе Д.И. Чичерин в начале 60-х годов XVIII века предложил для заселения Сибири не брать рекрутов из сибирских крестьян, а комплектовать армию в европейской части страны. Он даже предложил в армейских полках, стоявших в Сибири, ежегодно производить отставку среди низших чинов с тем, чтобы люди, склонные к земледелию, селились на сибирских землях и занимались хлебопашеством.

В ведение сибирского губернатора при Д.И. Чичерине попали ямское управление, таможни и магистраты. Ранее эти учреждения подчинялись напрямую соответствующим центральным ведомствам в Санкт-Петербурге. В руки губернатора перешло право назначать управителей дистриктов (уездов), которое до 1763 г. принадлежало единственно Сибирскому приказу².

Но кульминационным моментом в процессе усиления власти сибирского губернатора стало предоставление ему особого права не исполнять тех указов правительства, которые он считал неприемлемыми для Сибири. Интересно, что поводом для столь значительного расширения полномочий послужили экологические проблемы. В 1764 г. правительство воспретило впредь весеннюю охоту по всей стране с целью сохранения поголовья диких животных и птиц. Д.И. Чичерин в специальном представлении заметил на это, что для населения Северо-Западной Сибири весенний промысел линной водоплавающей птицы и сбор яиц, а также охота на зверя на «заливных островах» является важнейшей отраслью хозяйства, и если все это будет воспрещено, то «продовольствование жителей сих мест станет весьма затруднительно». 29 января 1764 г. указ «о нестрелянии зверей и птиц весною» для Сибири был отменен, а губернатору предоставлено право впредь не исполнять тех распоряжений правительства, которые «...вы, будучи на месте, найдете обстоятельства, по которым повелеваемого исполнить вам будет невозможно». Этот указ

² Рафиевко Л.С. Компетенция сибирских губернаторов в XVIII в.//Вопросы истории дореволюционной Сибири. Новосибирск. 1968.

подписала сама императрица. Данное обстоятельство свидетельствовало о предоставлении сибирскому губернатору исключительной самостоятельности³.

Денис Иванович Чичерин — выдающийся сибирский администратор XVIII века, поэтому неудивительно, что и сегодня делаются попытки осветить его деятельность на посту тобольского губернатора. Правда, иной раз эти попытки весьма своеобразны. Так, в пособии для учащихся 7—10 классов «История города Ялуторовска с древнейших времен» (Ялуторовск, 1997 г.), принадлежащем перу А.Г. Болотовой, читаем буквально следующее: «Впервые в Тобольск новый генерал-губернатор (он же первый — С.Т.) прибыл 14 октября 1780 г. Сохранился отзыв о невыносимой будто бы спеси, с которою Кашкин обращался с бывшим сибирским губернатором Д.И. Чичериным. Но все отзывы современников об Евгении Петровиче ясно доказывают, что не было в нем и тени спесивости. Просто к пресловутому самодуру Чичерину, прославившемуся жестокостью, диким произволом и нелепою расточительностью, императрицын наместник должен был относиться на иначе, как с явною холодностью и нескрываемым осуждением основ его беззаконной и бесчеловечной деятельности». Далее следует неумеренное восхваление административных талантов и заслуг Е.П. Кашкина⁴.

Оно конечно, Е.П. Кашкин порадел на своем посту наместника Пермского и Тобольского. Вот только одна неувязка: «Весной 1788 года Е.П. Кашкин покинул Тобольск», — пишет далее А.Г. Болотова⁵. Таким образом получается, что доблестный генерал-губернатор Е.П. Кашкин находился в Тобольске с 14 октября 1780-го по весну 1788 г. Однако все это время Евгений Петрович находился в Перми! Именно там была его резиденция. Да и нужды особой не было ему находиться в Тобольске. Тобольской губернией управляли гражданские губернаторы: генерал-майор Осипов (1780—1783 гг.), статский советник Ф.Ф. Желтухин (1784—1785 гг.); статский советник С.И. Протопопов (1785—1787 гг.); статский советник А.В. Алябьев (с марта 1787 г.). Вот именно они и проводили в жизнь в Тобольском наместничестве те мероприятия, которые ставит в заслугу Е.П. Кашкину автор учебного пособия. Полноте, так ли уникальна административная деятельность Евгения Петровича в отношении Сибири? Во всяком случае из описания этой деятельности,

³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 16, № 12.025; Письма и указы Екатерины Великой к сибирскому губернатору Д.И. Чичерину//Русский архив. М., 1891. Кн. 2. Вып. 5. С. 7.

⁴ Болотова А.Г. История города Ялуторовска с древнейших времен. Учебное пособие для 7—10 классов. Ялуторовск, 1997. С. 26—29.

⁵ Там же. С. 29.

выполненного А.Г. Болотовой, данный вывод не вытекает. По большей части речь идет лишь о неукоснительном выполнении указов императрицы. Взять хотя бы создание системы общественных хлебозапасных магазинов на случай неурожая. Ну создали в Тобольской губернии систему хлебозапасных магазинов⁶. В чем здесь заслуга Е.П. Кашкина — понять трудно. Во-первых, он лишь продублировал соответствующий указ императрицы в Тобольск, а во-вторых, это был не первый опыт создания подобной системы. Правда, первые хлебозапасные магазины создавались не только по государственной инициативе, но и на государственный счет. И в этом деле именно Д.И. Чичерин проявил себя как действительно незаурядный и инициативный администратор.

В 1768 г. правительство Екатерины II приступает к созданию в Сибири казенных хлебозапасных магазинов с целью предотвращения «бедствий народных». Для этого губернатору Д.И. Чичерину было отпущено 100000 рублей медной монетой екатеринбургской чеканки с тем, чтобы на эти деньги за два года были отстроены магазины и наполнены хлебом. В Сибири, между прочим, этот и последующий годы были неурожайными, надвигался голод. «Вероятно, находил Чичерин определенную сумму недостаточной для столь обширного края и, полагаясь на особенную к нему доселе доверенность императрицы, решился сам собою сберечь народ от голода и своею стремительною торопливостью к добру сделал себе зло. При дворе имел он многих врагов, завистников, которые воспользовались случаем представить поступок этот действием неограниченного властолюбия».

Интрига возымела действие. В 1774 г. Денис Иванович получает грозный указ, подписанный императрицей, в котором ему предлагается объясниться, как и почему израсходованы казенные деньги в размере 1800000 рублей. Именно на такую сумму превысил губернатор сметную стоимость (100000 руб.) системы хлебозапасных магазинов и тем самым спас вверенный его попечению край от голода, вызванного неурожаями и пугачевщиной, но загубил свою карьеру. Было назначено расследование, во время которого выяснилось, что казенные деньги действительно были потрачены на создание хлебных запасов, а не присвоены, как утверждали клеветники Дениса Ивановича. Однако императрица навсегда охладела к Чичерину, их переписка прекратилась. Дело в том, что неравнодушный и предприимчивый сибирский администратор спасал сибиряков от голодной смерти, с точки зрения правительства, слишком дорогой ценой. Он посмел покуситься на доходы казны! Даже слава усмирителя пугачевщины в Сибири не спасла Дениса Ивановича от монаршего гнева. Чичерин тяжело

⁶ Там же. С. 27.

переживал опалу. Он подает в отставку, однако получает ее только в 1780 году, прослужив в должности сибирского губернатора без малого еще 6 лет⁷. Но, как мы видим, и через 200 лет клеветники достали Дениса Ивановича. И кто обвиняет его в «нелепой расточительности»? Потомок сибиряков, спасенных Д.И. Чичериным от голода и ужасов пугачевщины. Воистину ни один благородный поступок не остается без наказания.

Разберем еще один пассаж из брошюры А.Г. Болотовой. Здесь описывается ситуация, сложившаяся в связи с указом 1782 г. о переводе старообрядцев, плативших дотоле двойной подушный оклад (отсюда термин-прозвище «исетские двоедане»), в простой. Тобольское епархиальное начальство поспешило объяснить «ревнителям древлего благочестия», каковых действительно немало проживало на территории Ялуторовского уезда, данный указ в том смысле, что теперь они обязаны поголовно перейти в лоно официальной церкви. В этой связи наместнической администрации пришлось разъяснять духовному начальству в лице владыки Варлаама подлинную суть указа. Собственно этим дело и закончилось⁸. Нужно знать историю урало-сибирского старообрядчества, чтобы понимать, насколько эти события были тривиальны⁹. Например, в 1799 г. Тобольское губернское правление должно было разъяснить епархиальным властям подлинный смысл указа от 10 февраля 1799 г., согласно которому старообрядцам разрешалось иметь богослужебные книги, но с условием, чтобы «...во оных ничего не было противного догматам греко-российской церкви». Для своего полного спокойствия на сей счет старообрядцы могли добровольно представлять свои богослужебные книги духовным властям на «исследование». В консистории поняли указ по-своему — началась конфискация книг у старообрядцев¹⁰.

Однако в отношениях между светскими и духовными властями губернии старообрядцы иной раз становились куда более серьезным «яблоком раздора». Страшной формой ответа старообрядцев на миссионерские усилия официальной церкви являлись массовые самосожжения. Одна из таких вспышек изуверского протеста (счет шел на десятки «гарей») пришлось на начало управления Тобольской губернии Д.И. Чичерина. Именно по поводу провокационной деятельности епархиального начальства в связи с самосожжениями Денис Иванович вступает в острый конфликт

⁷ Я.И.С. Указ соч. С. 12—13.

⁸ Болотова А.Г. Указ. соч. С. 28.

⁹ Покровский Н.Н. Антифеодалный протест западносибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1973.

¹⁰ Туров С.В. Старообрядческая книжность Западной Сибири в конце XVIII—первой четверти XIX в. (на материалах судебно-следственной документации)//Книга в культуре Урала. Свердловск, 1991. С. 85—86.

с тогдашним митрополитом Тобольским и Сибирским Павлом Конюшкевичем. Конфликт длился без малого 5 лет (1763—1768 гг.) и закончился смещением Павла с тобольской митрополии¹¹. Чичерин же едва не «достучался» до отлучения от церкви, во всяком случае митрополит приказал изобразить губернатора в числе грешников в картине страшного суда на стене одного из тобольских храмов¹². Таким образом, страшные пожарища из людей благодаря Д.И. Чичерину были погашены. Нетрудно заметить, что и в описанном вопросе А.Г. Болотова явно передергивает факты.

Значительно более серьезны (хотя вновь совершенно не подкреплены фактами) обвинения Дениса Ивановича в самодурстве и жестокости. Действительно, многие указы Чичерина сегодняшнему читателю могут показаться проявлениями упомянутых качеств. К. Газенвинкель в конце прошлого века попытался разобраться в ситуации с позиций, современных Д.И. Чичерину, и пришел к выводу, что никогда ранее и много позднее Тобольск не был так чист и безопасен для жителей, как при губернаторе Чичерине. При нем город был избавлен от бандитизма, опустошительных пожаров и «повальных болезней»: «Приведенные мероприятия Чичерина, принимавшиеся им в видах благоустройства и благочиния в городе, несомненно указывают, что это был человек замечательной энергии и далеко недюжинных административных способностей. Его взгляды на тесную зависимость народного здоровья от санитарного состояния города должны были казаться современникам более чем странными; взгляды эти и сейчас далеко не всеми разделяются в Тобольске, тем более делает это честь Чичерину, опередившему так значительно свой век. И строгие кары, столь широко им применяемые, не должны умалить значение его административных распоряжений; в то тяжелое время телесные наказания были обычным явлением, и если Чичерин зачастую по крутости нрава и переходил пределы власти, то делал это не из личных каких-либо видов, а ради общественной пользы, которую всегда ставил на первое место»¹³. Добавим к этому аргументированному мнению несколько штрихов. Многим из «самодурных» действий Дениса Ивановича можно найти соответствия в анналах современной ему эпохи. Так, «смешной» указ Чичерина о вымораживании тараканов в местах приготовления и употребления пищи имеет аналог на самом высоком «кремлевском» уровне: «Благородный господин интендант (пись-

¹¹ Покровский Н.Н. Указ. соч. с. 168—172.

¹² Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII—начала XIX вв. Новосибирск, 1974. С. 195.

¹³ Газенвинкель К.Б. Сибирский губернатор Д.И. Чичерин//Исторический вестник. 1893. №6.

мо к коменданту Кремля П.И. Мошкову — С.Т.). Письмо ваше получено, в котором пишете, что у здания ворот (Кремлевского дворца) осмотрели тараканов: того ради извольте ехать сей день к его сиятельству графу Андрею Ивановичу Остерману: то его сиятельство покажет вам секрет, чем тараканов выводить. Ваш всегдашний слуга Семен Салтыков. В Москве, мая в 16 день 1730 года»¹⁴. Вот так. Рачительные государственные деятели значительно более высокого ранга, нежели Денис Иванович, «тараканьей проблемой» не брезговали. Или, например, жестокие наказания, предусмотренные Чичериным для лихачей-извозчиков, являются лишь калькой с соответствующих указов из центра.

Указы о «неосторожной езде ямщиков» регулярно повторялись центральными властями, по крайней мере с конца XVII века и до исчезновения этого вида транспорта, а наказания, предусмотренные этими указами, в первой половине XVIII века по строгости соответствуют чичеринским¹⁵.

Действительно, Денис Иванович нещадно порол и людей «подлого звания» за различные проступки, и чиновников даже за мелкие преступления, но зато не доводил дело до суда, за что чиновники были только благодарны губернатору. И это вовсе не свидетельствует о садистских наклонностях Дениса Ивановича. Таковы были нравы эпохи. Запленных дел мастер, начальник Секретной экспедиции Сената при Екатерине II С.И. Шешковский точно так же, «по-отечески», наказывал вольнодумцев: «Для домашнего наказания в кабинете Шешковского находилось кресло особого устройства. Приглашенного он просил сесть в это кресло, и как скоро тот усаживался, одна сторона, где ручка, по прикосновению хозяина, вдруг раздвигалась, соединялась с другой стороной кресла и замыкала гостя так, что он не мог ни освободиться, ни предостеречь того, что ему готовилось. Тогда по знаку Шешковского люк с креслом опускался под пол. Только голова и плечи виновного оставались наверху, а все прочее тело висело под полом. Там отпускали кресло, обнажали наказываемые части и секли»¹⁶.

О порке крестьян и вовсе можно было бы умолчать. В тогдашней крепостной России, когда крестьянами торговали, как скотом, а за жалобу на помещика ссылали в каторжные работы, выпороть крестьянина для дворянина было все равно, что совершить утренний моцион. А как иначе мог Д.И. Чичерин «отвратить» крестьян, например, от казавшихся губернатору варварскими, и не беспочвенно, методов хозяйствования на земле? Вот впечатления Дениса Ива-

¹⁴ Русская старина: Путеводитель по XVIII веку. М.—СПб, 1996. С. 78.

¹⁵ Там же. С. 83.

¹⁶ Там же. С. 302—303.

новича от предпринятого им в 1765 г. путешествия по сельской местности губернии от Тобольска до Коркиной слободы и обратно: «...I-е как в близости деревень, так и в отдалении от жила во всех местах не только мелкого, но и паче самого на хоромное строение и на другие надобности потребного лесу неисчислимо подрублено и так предан в туне без употребления единой только гнилости... а слышно больше бегут и укрываются с прежних мест будто от больших проездов, а вьще же от неимения лесов и прибыв на новое место, где лесу довольно, рубят его уже без сожаления, и так пожив года два, обрубя ближние не хотя за дровами ездят версты за три и более опять к густому переезжают лесу. И в тех переездах жизнь свою препровождают и как домовым строением, так и хлебопашеством никогда крестьянин исправен быть не может. К тому же от всегдашних работ и строения не могут и лошадьми поправиться и шатаясь год от году в крайнее приходят разорение и в неоплатные впадают долги, а все они то чинят уповательно от единого за ними старост и выборных несмотрения...»¹⁷.

Самые страшные обвинения против Д.И. Чичерина выдвинул в свое время бывший в 20-х годах XIX в. тобольским губернатором А.М. Тургенев. Он утверждал, что «...Чичерин делал ужасающие варварства и по благоусмотрению и изволению своему приказывал и весьма часто сосланных в Тобольск пленных польских конфедератов и других сосланных привязывать к толстым бревнам по дюжине и более, смотря по длине и толщине дерева, и сталкивать их с крутизны над оврагом в 3-х или 2-х верстах от Тобольска». Однако А.М. Тургенев опирался лишь на предания, собранные им в Тобольске. Якобы так же жестоко разделался Д.И. Чичерин с неким А.П. Нармацким, речным пиратом с Камы. За свои «подвиги» этот помещик середины XVIII в. был сослан в Тобольск. Но и в Тобольске А.П. Нармацкий принялся собирать новую банду. Однако сведения и об этом «зверстве Д.И. Чичерина» были в свое время записаны как предание якобы со слов некоего дворового человека А.П. Нармацкого, отбывавшего ссылку вместе с хозяином¹⁸.

Таковы факты и мифы о губернаторе Д.И. Чичерине. Но автор далек от того, чтобы делать из Д.И. Чичерина «лялю», а из Е.П. Кашкина — «бяку». С какой же целью подобная операция понадобилась Болотовой? Все дело в «исследовательской методе». Оказывается, Е.П. Кашкин был дедом Евгения Петровича Оболенс-

¹⁷ ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 3500. Л. 27—28.

¹⁸ Пономарев П. Потомок норманских герцогов на Каме//Исторический вестник. 1881. Т. 4. С. 623—630.

кого — будущего декабриста, прожившего 13 лет на поселении в Ялуторовске¹⁹. Вот оно, оказывается, что! Вот для чего было необходимо перемывать истлевшие кости выдающегося сибирского губернатора. Метод этот нам знаком, оттягивает «житиями большевистских святых». У них у всех до седьмого колена все родственники были «прогрессивными». Печально. Особенно печально становится, когда подумаешь, что еще несколько десятилетий (тираж учебного пособия — 3000 экземпляров) ялуторовские школьники будут считать, что Е.П. Кашкин являлся самым выдающимся сибирским администратором XVIII в. и имел свою резиденцию в Тобольске, а на своем посту он сменил «расточительного жестокого самодура» Д.И. Чичерина. Однако автор надеется, что опубликованные выше документальные материалы, статья Н. Абрамова и его собственные скромные усилия до некоторой степени восстановят историческую справедливость.

¹⁹ Болотова А.Г. Указ. соч. С. 29.

МАНДРИКА Юрий Лукич — родился 28 марта 1952 г. под Харьковом. Окончил филологический факультет ТюмГУ, работал в редакциях районных, городских, областных газет. Занимался внедрением технологии настольно-издательских систем в редакционных коллективах («Тюменские известия», «Нефть Приобья», «Тюменская правда»). Несколько лет возглавлял издательство «СофтДизайн». Печатался в журналах «Полиграфия», «Журналист», «Компьютер-пресс» со статьями по газетному дизайну.

В погоне за архивом Серафима Патканова

Диапозитивы второго тома «Сочинений» С. Патканова уже были сданы в типографию, а вокруг первого — шла невероятная круговерть. Переводили с немецкого «Die Irtysch-Ostjaken u. ihre Volksproesie». Лену Матюхину поджимали сроки: с первого января могли подняться цены на полиграфработы. Возникло множество проблем, о которых весь работающий на Паткановым коллектив, представлял, но столкнулся с ними впервые. Например, в своей работе С. Патканов много цитировал. Переведенный в свое время на немецкий Гр. Новицкий снова получал русское звучание: «Этот идол был вырезан из дерева, носил зеленый наряд, а его сердитое лицо было покрыто жостью. Весь храм и, главным образом, его трон, были украшены красным полотном. Идол был поставлен выше, нежели другие маленькие

идолы, которые занимали боленизкое место рядом с

ним. Все это говорило, что они были слугами главного идола. Различные орудия, полотняные юбки, беличьи шкурки и др. в большом количестве складывали перед ним».

Мы знали, что Ленка, скорее не знает русский, чем немецкий. Но у Гр. Новицкого этот кусок выглядел совсем по-другому: «Кумир сей иссечен был из дерева, одяен одеждою зеленою, злообразное лицо белым железом обложено, на главе его лисица черная положена; чтилище все, наипаше же седалище сего украшено сукном червленным; поставлен жы высочае прочих; иные же ниже

около предстоят меньшии кумиры, их же глаголют быти служителей настоящего кумира. Иных же утварей, кафтанов, белок и прочих пред ним полагаемо быти много».

Ну как похоже? Какой кусок поставить в книгу? Если подлинного Гр. Новицкого, тогда необходимо так поступать со всеми русскими текстами, которые в свое время перевел на немецкий С. Патканов. На это необходимо время...

Это был не единственный проблематичный случай. К тому же переводчица плохо знала этнографические реалии иртышских остяков. Начиналась ее совместная работа с С. Пархимовичем, под чьей общей редакцией издавался двутомник. Что ж, Сергей сочинил Патканова*, вот ему и приходилось расхлебываться с деталями своей выдумки.

К тому же для завершения работы необходимо было отыскать фотографию Серафима Кероповича и уточнить дату его смерти. Походы в Русский государственный исторический архив, Российскую государственную библиотеку, архив Русского географического общества не смогли помочь нарисовать полную биографию Патканова...

Поезд приходил в Питер утром. Это была четвертая поездка в город Патканова.

В предыдущий приезд была попытка отыскать могилу на кладбище, расположенном у армянской церкви.

Общее надгробие Патканов — Керобэ Петровича и его супруги Анны Агафоновны, и искать не надо, оно находится рядом с входом в церковь, что на набережной реки Смоленки. Недалеко — могила Агафона Давидовича Акимова, деда Серафима Кероповича. А вот похоронен ли он сам здесь? На этот вопрос не смогли ответить в Армянском объединении Армянской апостольско-православной церкви. Реставраторы, занимавшиеся реконструкцией кладбища, составили перечень погребенных здесь, но имя нашего героя в нем не упоминается...

На этом мы и простились.

Представители церкви передали меня «из рук в руки». Самвел, недавний выпускник института ЛГУ, специализировавшийся по археологии и даже что-то копавший со своими однокурсниками в Сибири, имел маленькую магазинку при студенческом общежитии, в котором меня ожидала гостевая комната.

* Во время знакомства с С. Пахимовичем, самым цитируемым тюменским ученым, занимающимся индоиранским компонентом в культуре обских угров, пришлось услышать «умный совет»: «Издавать надо Патканова...». Позже оказалось, что тексты Серафима Кероповича он видел один раз на фотографиях, которые давали ему как-то в коридоре УрГУ подержать. Наверное, в этом и есть прелесть высшего образования — коридоры...

Какое-то время Самвел внимательно слушал рассказы о поисках, связанных с именем Серафима Патканова. И вдруг взревел:

— Каждый день я только и слышу предложения взять на реализацию в лучшем случае вермишель, и как отдушина — тушонку. А здесь какое-то отклонение от нормы. Из Сибири, в наше время, в поисках мертвого армянина! Вам что живых армян мало?

Это все, что осталось в блокноте от предыдущей поездки. Отправляясь в очередную, я почти знал, где найду фотографию. И дату кончины.

По дороге от станции метро к архиву Академии наук я взглядом заглянул на вывеску одного из зданий: «Институт лингвистических исследований». Часы показывали где-то около девяти утра. Для академического института, в который сотрудники как правило приходят после двенадцати или даже после двух — очень раннее утро. Застать в это время все равно никого из начальства нельзя. Но зайти, чтобы узнать, как быстрее добраться до архива РАН, было не грешно.

Вахтер, из «новых русских» — в прошлом кандидат филологических наук — улышав имя Серафима Патканова, воскликнула: «Да это же большой ученый!».

Это была уже удача. За время поисков впервые пришлось стол-

кнуться с тем, что имя нашего героя знакомо собеседнику:

— Как, вы знаете его работы?

— Когда мы составляли словари, мы регулярно пользовались его «Списком тобольских слов и выражений...».

Наталья Васильевна Попова оказалась вдовой покойного профессора А.И. Попова. Самым талантливым своим учеником тот считал профессора А.К. Матвеева из Екатеринбурга. Так что минут через десять общения мы вместе с обворожительной женщиной пили чай и чувствовали себя почти земляками.

А когда на работу пришли сотрудники библиотеки Наталья Васильевна тут же подключила их к поискам интересующих меня материалов. Каталог подсказывал, что в фондах есть лингвистические материалы С. Патканова — и безуспешно разыскиваемый в библиотеках Москвы «Иртышско-остяцко-венгерско-немецкий словарь», а также составленная совместно с D-r Fuchs'ом фонетика и морфология южно-остяцких диалектов (обе книги изданы в Венгрии)...

В архиве встретили менее приветливо: поскольку нет денег заплатить за коммунальные услуги, рабочие дни у сотрудников архива отменены. Во всяком случае посетителей, объяснила дежурная мне, они «не принимают». Но узнав откуда гость Санкт-Петербурга, уже че-

рез минут десять передо мной лежал список материалов, связанных с именем С. Патканова, и находящихся в архиве: письма к К.Г. Залеману (часть из них печатается в этом номере; см.: С. 118 и послед.), В.И. Ламанскому, С.Ф. Ольденбургу, Л.Я. Штернбергу... Некоторые из них, как потом оказалось, разыскать в архиве не удалось, несмотря на то, что в описях письма значились.

Настоящей находкой стал «Отзыв А.А. Макаренко¹ о работах по составлению племенной карты Енисейской губернии в 1922 г.». В нем говорилось: «Имея на руках архив умершего С.К. Патканова и поручение от отделения этнографии Русского географического общества составить ему опись, уделялось нами время и этой кропотливой работе, отчасти связанной с задачами комиссии. В последнем заседании нами было доложено о нахождении в материалах сего архива карт Иркутской губернии Забайкальской области, на которых покойный С.К. Патканов нанес цветными красками территории народностей населяющих эти окраины Восточной Сибири. К картам составлены С.К. объяснительные записки

— это значительно вперед подвинет дело составления племенных карт Сибири. Оставляя авторство С.К. Патканова на эти работы в полной неприкосновенности, согласно выражению Комиссией² пожеланию, упомянутые карты и рукописи переданы члену комиссии И.И. Майнову на предмет просмотра и дополнений»³.

Отзыв А.А. Макаренко был подтверждением тому, что после Серафима Патканова остался архив. Документ подсказывал путь дальнейших поисков. Надо было снова ехать на Гривцова, 10, к Марии Федоровне Матвеевой, в архив РГО. В одну из предыдущих поездок такой визит закончился практически ничем.

При отделении этнографии Русского географического общества в конце 1913 г. была образована Сибирская подкомиссия для составления этнографической карты Сибири. Ее положение было закреплено Советом РГО. Председателем комиссии был избран Л.Я. Штернберг, товарищем председателя С.К. Патканов, секретарем А.А. Макаренко⁴. И вот в материалах фонда этой подкомиссии удалось найти протокол заседания II отдела (Сибири и Средней Азии). В нем зафиксировано,

¹ Макаренко Алексей Алексеевич (1880—1942), этнограф, автор «Сибирского народного календаря в этнографическом отношении» и др.

² При Академии наук существовала комиссия по изучению племенного состава России. В конце 1917 г. в нее был приглашен и С.К. Патканов.

³ ПФА РАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1 Л. 52 об.

⁴ Архив РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 102. Л. 2.

что постановлением отдела от 18 ноября 1918 г. А.А. Макаренко переданы материалы С.К. Патканова «для разборки по настоящий день (30 нб.)», но «он не мог ознакомиться с ними в полном объеме. Предварительный же обзор говорит о том, что материал этот более или менее обильный, разнообразный и может быть полезным для целей II Отдела»¹. Об этом говорилось 30 ноября 1918 г. А днем раньше из кассы РГО А.А. Макаренко было выплачено 600 руб. «за разборку картограф... м. С. Патканова»². Чтобы представить стоимость тех денег, надо знать, что на издание «Живой старины» в 1918 г., *на целый год*, РГО планировало финансирование всего лишь в два раза больше — 1200 руб.

По другой ведомости А.А. Макаренко уплачено 6 руб. «на поездки на кв. Патканова для приема его материалов и доставки их в Географическое общество»³. Ездил он туда 5–7 июня 1918 г. Но в архиве на Гривцова, 10, наследия Серафима Патканова на сегодняшний день нет. В описях значится Д.101 (фонд тот же), в котором якобы должно было находиться описание архива С. Патканова, но его как и фотографии в РГИА⁴ не оказалось на месте.

(Окончание в следующем номере)

И ни одного документа, указывающего на причину смерти этнографа. Было ощущение, что кто-то идет в своем поиске немного впереди...

С Марией Федоровной мы начали высказывать версии: что случилось в 1918 г. с Серафимом Кероповичем? Может участие в белогвардейском мятеже? В советские времена «забывали» о ком-либо только целенаправленно. А для этого должна быть веская причина...

В нашу дискуссию вмешалась еще одна посетительница архива:

— Я из журнала «Живая старина». К своему пятилетию решили написать в номер, чем жил одноименный дореволюционный журнал. И вот просматривая дела, наткнулась на место, где говорилось о том, что Патканов умер голодной смертью. Вначале пелистнула страницу, а вчера решила включить этот кусочек в свой материал. И вот второй день просматриваю дела — я их заказывала немного — и никак не могу найти то место...

Это было последнее везение в четвертый приезд, ибо вдвоем с незнакомой сотрудницей из «Живой старины» мы отыскали фразу о «хроническом недоедании»

¹ Архив РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 72. Л. 32.

² Архив РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 77а. Л. 15.

³ Архив РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 77а. Л. 9об.

⁴ См.: Мандрика Ю. С.К.Патканов: Остатная молитва//Лукич. 1998. №3. С. 11.

Письма: С.К. Патканов К.Г. Залеману*

20 Апр. 95г.

Многоуважаемый Карл Германович! Дважды заходил к Вам по утрам, но столь неудачно, что не застал Вас дома. Ввиду этого излагаю сущность моей просьбы письменно. Всю зиму я поджидал, что не сегодня так завтра начнется печатание моей статьи об осянках, которая, как Вы мне изволили сообщить, числилась на очереди, но типография Академии медлила до сих пор. В настоящее время я уезжаю на два месяца за границу и сам имею честь просить Вас сделать зависящее от Вас распоряжение о приостановке печатания моей работы до моего возвращения в Петербург, так как первые корректуры придется держать мне лично.

Извиняясь за причиненные Вам хлопоты, я не теряю надежды на Ваше благосклонное содействие и в будущем, когда мой труд будет печататься и выходить в свет.

Примите уверения в моем совершенном почтении и моей преданности.

Готовый к услугам

С. Патканов

Адр: Надеждинская № 10.

Милостивый Государь Карл Германович!

Перед отъездом за границу Вы были так любезны обещать мне, что тотчас по возвращении вы отошлете мою рукопись в типографию. Отлич-

но понимая, что Вы при Ваших многосложных научных занятиях легко могли забыть об этом, я взял на себя смелость побеспокоить Вас этим письмом и покорнейше просить посодествовать изданию моей работы, выхода которой в свет я уже многие месяцы с нетерпением жду.

Еще раз прося у Вас прощения за причиненные хлопоты, я остаюсь, Милостивый Государь, с совершенным почтением Ваш покорный слуга.

С. Патканов.

13 нояб. 95

Надеждинская № 10.

Милостивый Государь Карл Германович!

Посылаю Вам обратно корректурный лист моей статьи. Я надеюсь, что Вы на меня не посетуете за то, что я здесь кое-что изменил и сделал прилагаемую при сем вставку. Дело в том, что со времени окончания моей работы прошло более 3-х лет и при ее прочтении явилась необходимость в изменениях и некоторых дополнениях, отчего статья только выиграет. Покорнейше прошу Вас сделать в моих вставках необходимые поправки языка. Некоторые сомнительные формы я отметил карандашом <...>***, чтобы Вы исправили их сами, если найдете нужным. В примечании на 9 стр. я предлагаю другой оборот фразы, если прежний нехорош.

* Залеман Карл Германович, академик, филолог-востоковед (1849—1918).

** Письма публикуются впервые. — ПФА РАН. Ф. 87. Оп. 3. Д. 287.

*** Отдельные части писем, несомненно можно было бы сократить. Но, издатель считает, письма К.Г. Залеману достаточно хорошо показывают, как непросто шла работа над рукописью. Уточнялись не только стилистика, но зачастую и графика (транскрипция). Почерк у Серафима Кероповича размашистый, зачастую слова не отделялись друг от друга, превращая целые предложения в арабскую вязь. В тех местах, когда по техническим условиям мы не можем воспроизвести графику того или иного слова, мы его заменяем знаком <...>. В отдельных, оговоренных случаях, текст на

Ваши указания я принял к сведению и где нужно было сделать исправления, исправил.

Наперед извиняюсь за те хлопоты, которые Вам причиняю.

Примите уверения в моем совершенном почтении и моей преданности.

С.Патканов

PS. 1. Имею честь покорнейше просить Вас отослать в типографию одновременно с 2 и 3 листами и те вставки <...>, которые я Вам передал прошлой весной.

2. Не будет ли экономнее для типографии печатать первые корректуры в гранках?

3. Если Вам случайно известно немецкое выражение для «проходных» рыб, т.е. таких, которые часть жизни живут в море и часть в реках, то сообразоволяйте поставить его на стр. 13 в.м. выражения <...>, которое менее удачно.

9 мая 1896

13 июня 96

Милостивый Государь Карл Германович!

К немалому моему удовольствию я вчера получил 2 листа корректуры (1 лист и 2 лист), которые и исправил, не касаясь стиля. В 1 листе так немного ошибок, что может быть уже можно дать его в печать, поручив типографии повнимательнее исправить ошибки. Я карандашом обратил Ваше внимание и на неодинаковые транскрипции слова <...> в разных листах. Первое слово лучше исправить (стр.28), как и раньше, на *Vai*, второе не знаю. Нужно ли на стр.3 слово «*sich*» (первая строка)?

От второго листа было бы желательно иметь еще корректуру.

Примите уверения в моем совершенном почтении и моей преданности.

С. Патканов.

PS. Покорнейше прошу Вас сделать в типографии сделать заявление, чтобы на мою долю отпечатали обязательно 75 авторских экземпляра. Я им написал, чтобы 25 экз. они напечатали на веленовой бумаге, причем разницу в цене той и другой бумаги я уплачу по требованию типографии.

Ст -Петергоф

Надеждинская № 10 6

Милостивый Государь
Карл Германович!

С интересом прочел присланную Вами любезно статью, но воспользоваться ничем не мог. Возвращаю ее с благодарностью. Замечу, что один (6) из месяцев Вологодского по-видимому неверно передан <...>. *Wanga* означает «травя», <...> но здесь скорее подразумевается *Nelma* <...>, так что приведенный месяц следует перевести «*Nelma-Monat*». Среди записанных мною месяцев есть 3 названных по рыбам. Присланные мне корректуры я исправил, причем всюду букву *v*, несуществующую в кастреновском шрифте, заменил буквой *w*. Если Вам первая покажется предпочтительнее, то можно наоборот все *w* переменить на *v*, которая была типа адаптирована мною в рукописи. Таким же образом *i* я везде заменил принятой нами в первых листах буквой *y*. В конце 4-го листа в статье о *Gemeindeeinkünfte* слово *Abgabe* хорошо было бы заменить другим, т.к. крестьяне, принятые осянками, уплачивают им не ежегодно 20 р., а одновременно.

Вчера получил письмо от г. Андерсона, в котором он мне сообщает приятную весть, что он рекомендует мою работу для напечатания. Так как он находит необходимым переделать 3 страницы и переписать 35 строчек, я бы очень просил Вас, если к этому не представляется препятствий, воз-

иностранных языках, заменяем русским переводом. В тех случаях, когда слово не удалось прочесть или от пропуска иностранных вкраплений общий смысл текста остается понятным, также ставим знак <...>.

вратить мне мою работу для переделки в указанных частях и вообще для просмотра всех сделанных г.Андерсоном указаний. Т.к. г.Андерсон на днях будет в Петербурге (ок. 20 авг.), я в этом случае буду в состоянии переговорить с ним по этому поводу и вместе просмотреть сомнительные места. Наиболее удобно было бы, если бы Вы оставили мою работу прислуге, поручив ей передать ее мне, когда я зайду или назначьте сами время и я постараюсь приехать с дачи. Во всяком случае я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы взяли на себя труд черкнуть мне об этом пару слов. Мне рукопись нужна всего на неделю или на 10 дней.

Еще раз выражая Вам мою искреннюю благодарность за большой труд, который Вы на себя взяли, обратить мой невозможный язык и стиль в удобочитаемый и за все хлопоты по изданию моей работы.

Примите уверения в моем совершенном почтении и моей преданности
Готовый к услугам

С. Патканов

6-го авг. 96

Милостивый Государь
Карл Германович!

Ввиду Вашей просьбы сообщаю Вам имеющийся у меня адрес г. Бартенева, хотя и не могу сказать, не устарел ли он:

Бартенев, Викт. Викт. Псков, Успенская улица, д. Окуневых №4

Примите уверения в моем совершенном почтении и моей преданности.

С. Патканов

10 мая 96

8 окт. 96 г.

Милостивый Государь
Карл Германович!

Когда я был в последний раз у Вас, Вы предложили не печатать моего труда (III том, грамматика и словарь Иртышск. наречия), а обождав, ког-

да будут собраны дополнительные материалы и когда будет переделана работа гг. Бартенева и Рослякова, изо всех этих данных и из ранее обнаруженных изданий составить одну общую остояцкую грамматику и один общий словарь. Просмотрев указанный III том я пришел к заключению, что в такое сводное сочинение войдет, вероятно, лишь половина моей работы, а другая половина или около того потеряет всякое самостоятельное значение. К тому же новый материал может быть собран и обработан не скоро, как и переделка упомянутой работы об Обдорском наречии; немало времени потребуется на создание общей сводной работы, пройдут года, пока она будет рассматриваться и еще года, когда она будет напечатана.

Мне, как начинающему автору, перспектива увидеть свою работу, стоившую мне немалых трудов, отпечатанной лишь в виде извлечений и то может быть в 1904-5 году (мой материал собран в 1887/8 году и представлен в Академию в 1894 февр.), не придает, откровенно говоря, большой энергии к труду. Ввиду этого я осмеливаюсь просить Вас, Милостивый Государь, не найдете ли Вы возможность, не дожидаясь выполнения всех работ, необходимых для упомянутого сводного сочинения, отпечатать мою работу в ее настоящем, но несколько измененном виде под заглавием «M.A. Kastrens Versucheiner Ostyakischen Sprachlehre etc. Herausgegeben v. A. Schiefner u ergä nzt von S.P.» 3-te verbessertictufl. В виду того, что эта мысль принадлежит г.Андерсону, я надеюсь, он не откажется принять эту работу под свое благосклонное покровительство. Выгоды от третьего издания Кастреновой книги указаны уже в отчете г.Андерсона, представленном в Академию Наук. Конечно, эту работу можно будет пополнить всеми более новыми данными, касающимися язы-

ка Иртышских остояков, которые будут собраны или изданы до ее печатания. Что касается до проектированной сводной работы, то она при имеющемся материале может быть выполнена во всякое время.

П том я исправляю согласно указаниям г. Андерсона, а также по Вашей мысли перевожу тексты на русский язык.

В надежде, что Академия Наук может быть признает возможным исполнить мою просьбу, я имею честь, Милостивый Государь оставаться с совершенным почтением

Ваш покорный слуга

С. Патканов

18 окт. 96

Милостивый Государь
Карл Германович!

Надеюсь, вы меня простите за несколько крупные вставки, которые я себе позволил сделать. Я полагаю, что сделать их в гранках, до сверстки, почти то же, что в рукописи. Так как я писал эту работу в 1892-3 годах и с тех пор прошло немало времени, за какое успели появиться новые книги и у меня явились новые мысли, я счел неудобным ограничиться сказанным раньше.

Впрочем больше таких вставок не будет, т.к. рукопись остальной части была у меня в руках и уже дополнена. Посылаю при сем Anhang III: списки остяцких селений Тобольского окр., которые я оставил у себя, чтобы сверить их числа с числами находящимися в 5 листе.

Еще раз прошу извинить меня за причиненные хлопоты.

Примите уверения в моем совершенном почтении и моей преданности

Готовый к услугам

С. Патканов

P.S. Один или два маленьких пробела (число и месяц реферата пр. Якоби) я пополнил при следующей корректуре.

Милостивый Государь
Карл Германович!

Относительно отдельных пунктов корректуры имею честь заявить следующее:

1, нельзя ли иначе передать *sakapul*, чем «scharfes Kück», т.к. *sake* собственно значит «застревающий, застрявший» (вследствие того, что он был не гладок, а шероховат). Сюда же относится глагол: *Saki ömdem* — застрять, *stecken bleiben*.

2, Имя Ругрицкого ввиду нелегальности его ремесла лучше скрыть, оставив букву Р.

3, Введенный в заблуждение Кастреном, который приводит тюркскую форму *mis*, я, зная еще два тюркских слова, и мысли вовсе не противоречат замечаниям г. Андерсона.

4, *loyx-ort* — так это слово записано у меня. В вогул слов. Алквиста его нет, но в североостяцк. встречаются обе его составные части: *toya* — «Götze» (— *tonx* — gott, geist, götze) и *urt* — *Yclave* (.O. ort). Значение этого выражения = будет: «Götze (od. geist od. gott) — Ichave (od. Diener)» или приibl. «Götzen — Diener». Может быть это слово заимствовано вогулами у остояков. Впрочем и у последних, которые конечно избегают говорить о таких щекотливых предметах, как языческие жрецы, я его слышал лишь однажды. Можно снабдить это слово знаком (Z).

5. <...>, то есть «за вторым рвом» для обозначения рогатого скота (*sâgar, ûgar*), счел возможным принять, что прежние остояки не знали этих домашних животных и заимствовали их от татар. Г. Андерсон опровергнул тюркское происхождение слова *mis*, тем самым лишил основания и мое предположение. Но относительно лошади у меня и раньше не было разногласия с г. Андерсоном. Его замечание объясняется тем, что он меня не понял, о чем я ему заявил при нашем свидании. Я вовсе не отрицал, что остояки прежде, в

очень отдаленные времена, были знакомы с лошадаю, и привел даже венгерск. форму *ló*, родств. остяцкой *тац*. Если же я говорил, что они прежде не держали коней в качестве домашних животных и приводили их в качестве жертвенных животных с юга, то я имел в виду исключительно эпоху былин, то есть XIV—XV ст., так как я описывал быт остяков лишь этого периода. Возращения же г.Андерсона были вызваны тем, что он мои выражения «*älte Ostjaken*», «*fruhere Ostjaken*» понял в смысле: остяки весьма отдаленных времен, о которых можно судить только по данным языка и археологии. В те времена остяки, вероятно, жили южнее и держали лошадей. В эпоху же былин они жили уже в нынешних местах причем из их героического эпоса не видно, чтобы они держали коней, как домашних животных. Ввиду всего этого мне кажется, что приведенные в корректуре фразы...

6. *tabás* (=Russ: лабаз) небольшой амбарчик на высоких ножках, в котором хранится провизия, чтобы предохранить ее от разных хищных животных. В них можно войти, хотя и несколько согнувшись.

7. Не лучше ли из осторожности все сопоставление остяцкого *хеина* с арийскими формами перенести в примечание, придав последнему такую форму: «*Похоже по форме или значению на остяцкое слово «Хита», хотя возможно, оно другого происхождения. Находим же в памятниках древних арийских народов, например, древних персов, а именно «Хаина» <...> — «Хозяева зла» (собств.: «Heer» — Ф. Юсти. Словарь цендского языка. С. 312; Ф. Шпигель. Древнеперсидская клинопись. С. 221.)*»*.

Совсем же выпустить это оригинальное совпадение было бы жалко.

8. Отославши корректуру, я не помню, не была ли пропущена в корректуре остяцкая фраза после слов «*На*

священных местах по вере сотяков под страхом смерти нельзя ни рвать траву, ни валить деревья»*. Приведенная остяцкая фраза буквально означает: «*На священном и чудотворном месте нельзя ни валить лес, ни рвать траву*»*. Я переводы непривел, так как об этом говорилось раньше, можно поместить его в примечание, если Вы найдете нужным. Самую же остяцкую фразу было бы желательно удержать, т.к. она типична.

Премного извиняясь за причиненные хлопоты, я прошу Вас, Милостивый Государь, принять мои уверения в моем совершенном почтении и моей преданности.

С. Патканов.

5 Дек. 96

Милостивый Государь Карл Германович!

К сожалению у меня не имеется подлинников бумаг, на которых нарисованы эти знаки. Дело в том, что они служили подписями на залоговых свидетельствах инородцев, которые конечно хранятся у тех лиц, которым они принадлежат. Да и те акты, с которых я срисовал эти знаки, были копиями, где тамги воспроизведены рукой писца и, может быть, не совсем точно.

Как бы то ни было, но более точных подлинных знаков у меня не имеется. Есть мои же подлинники вполне схожие с данными. Примите уверения в моем совершенном почтении и моей преданности.

С. Патканов

9 Дек. 96

17 Окт. 97

Милостивый Государь Карл Германович!

Препровождаю Вам при сем 4 корректуру остяцких текстов. Подобный же поправленный экземпляр отослан мною в типографию. Остяцкий текст

* Выделенный курсивом отрывок написан на немецком языке. Перевод Е. Матюхиной.

я исправил сам, а немецкий перевод — согласно пометкам карандашом г. Андерсона. Кроме того, месяц тому назад я еще препроводил экземпляр 2 корректуры для его окончательных замечаний, но до сих пор я не получил ответа. Дорога в Казань слишком длинна и далека и, пожалуй, впредь лучше не посылать ему корректуру, а руководствоваться его пометками на моей рукописи, иначе лист будет печататься не в 2 мес., как теперь, а в 3—4, и второй том, в котором, я полагаю, будет 12—14 листов, выйдет из печати через 2 года. Впрочем, если Вы найдете нужным поступить иначе, я, конечно, наперед согласен со всеми Вашими распоряжениями, которые, конечно, послужат на пользу делу.

Из газет я прочел о крайне неприятном инциденте, случившемся с Вами этим летом. Я надеюсь, что наши петербургские врачи не прервут возвратить Вам Ваше здоровье и восстановить Ваши силы, которые Вы так щедро жертвуете на служение науке.

Примите уверения в моем совершенном почтении и моей преданности.

Готовый к услугам *С. Патканов*

P.S. Мне кажется, было бы красивее напечатать остяцкое оглавление на 1 стр. более крупным шрифтом, если таковой имеется, а выноски к тексту (хотя бы со 2-го листа) мелким. Букву **N** безусловно необходимо заменить буквой **Ñ** во 1-х, потому что эта буква встречалась и в 1 томе и во 2-м, потому что большая буква будет вполне соответствовать маленькой **n** (а не **n**).

21 Нояб. 97.

Милостивый Государь Карл Германович!

Ввиду того, что на этих днях придется подписать 1 лист к печати, я считаю нужным сообщить Вам, что я вторично написал г. Андерсону письмо, в котором просил ответить на мое первое

письмо (казачное), обещая впредь тревожить его поменьше. Прошло более двух недель, и я не получил ответа ни на то, ни на другое письмо. Ввиду этого Вы, может быть, найдете возможным разрешить печатать 1 лист без санкции* г. Андерсона, тем более что я принял во внимание все его поправки карандашом на моей рукописи.

Что же касается до причин этого молчания г. Андерсона, то они мне совершенно неизвестны. Я со своей стороны не могу обвинить себя ни в одной невежливости по отношению к нему. Может быть, он болен?

Примите уверения в моем совершенном почтении и моей преданности.

Готовый к услугам *С. Патканов*

P.S. Для текста необходима буква **Z** (= **Ж**), не имеющаяся, кажется, в Кастреновом шрифте. Её или надо взять из другого шрифта или заменить эту букву другой, например **z...** (= **дз**), которая у меня не встречается, но мне кажется это менее удобно. В 1 листе эта буква встречается на стр. 14 (2 стр. снизу).

Милостивый Государь Карл Германович!

Только что получил от г. Андерсона письмо, в котором он мне объясняет причину своего долгого молчания. При этом он мне возвращает корректуру, в которой, однако, нет существенных поправок, о чем пишет и сам г. Андерсон: это, впрочем, и понятно, ведь я принял в соображение его прежние замечания. Два его примечания, однако, имеют цену (объяснения слов *sumeja* и *pradem*), ими можно будет воспользоваться при составлении словаря. Письмо и корректуру посылаю вам для прочтения с просьбой вернуть по миновании надобности. Чистых оттисков и русского перевода текста я еще не получал.

Ввиду того, что г. Андерсон, по-видимому, весьма сильно занят и, может

* т.е. последнего слова

быть, будет затрудняться просмотром корректуры, я покорнейше прошу Вас решить вопрос посылать ли ему для просмотра теперь и немецкий перевод, и, в утвердительном случае, какую корректуру (1-ую, 2-ую или 3-ю)? Если посылать, то, по-видимому, лучше избрать первую, чтобы корректура его могла вовремя послеть для печатания.

По расчету г. Андерсона посылка корректуры в Казань и отправка в тот же день обратно потребует не более 13 дн., т.е. промежуток меньший чем проходит между двумя корректурами. Г. Андерсон также собирается написать рецензию на мою книгу, что меня порадовало. Обещал так же <...> в «Ethnographia».

Принося Вам мою признательность за любезно присланную газету «Сибирь», я имею честь оставаться с истинным почтением.

Ваш покорный слуга *С. Патканов*
13 Дек. 97

23 Дек. 97

Милостивый Государь
Карл Германович!

Премногое спасибо за любезно присланную книгу «Этнограф. обзор.», в котором я нашел сочувственный отзыв о моей книге. Это мне, как автору, конечно, очень приятно было прочесть; писал статью, кажется, известный этнограф Н.Харузин. Возвращаю Вам книгу с благодарностью и, пользуясь случаем, спешу передать Вам мои лучшие пожелания к новому году. Примите уверения в моем совершенном почтении.

Готовый к услугам *С. Патканов*

P.S. Письмо г. Андерсона и корректуру получил обратно.

Милостивый Государь
Карл Германович!

За последнее время я, к счастью, получил уже 1 кор. 3 го листа текстов. Ввиду того, что мне было бы желательно провести более или ме-

нее единство орфографии в текстах и словаре, я бы Вас очень просил, если вас это не затруднит, прислать мне находящийся у Вас словарь со сторожем или через посыльного, которому я заплачу по получении книги.

Отпечатанный 1-й лист я уже получил, но 2-й кор. 2-го листа еще жду. Ввиду того, что остяцкий текст печатается более мелким шрифтом и вследствие этого немецкий перевод требует больше листа, не удобно ли для остяцкого текста избрать более узкую строку? Впрочем, это лишь предположение для сохранения внешней красоты издания.

Примите уверения в моем совершенном почтении и моей преданности.

Готовый к услугам *С. Патканов*
8 Февр. 98

P.S. По приблизительному расчету во II томе будет ок. 18 листов (из коих ок. 12 лист. текста с нем. и русск. перев.)

Милостивый Государь
Карл Германович!

Получил от Вас корректуру и нанес на присланной Вам обратно 4-й корректуре Ваши пометки. Среди них есть маленькие неясности: стр.28 внизу — Вами «*angehängt*» исправлено на «*gefügt*», верно это или надо «*angefügt*»?

стр.34. Если Вы считаете, что мою гипотезу о <...> нельзя допустить, то зачеркните то, что у меня в скобках, хотя в остяцком яз. я не знаю, какое место ответить этому слову.

стр.37 ст.194— «*nach oben*» верно, т.к. *Yêvir* подпрыгнул так высоко, что стрела пролетела под ним. Можно сказать также: <...> .

стр.37 ст.188. Не лучше ли сказать <...>, т.к. он, нагнувшись, делил рыбу и незаметно для других бросал своим людям промеж своих ног больше язя, чем следовало по справедливости.

стр.39 ст.225 «*herabgelassenen* <...>» Здесь трудно заменить другим

словом, т.к. идет речь о как бы спущенной с неба Богом земляной кочке.

стр.49: «reiche» ближе к тексту, чем «stieg» — достиг до, застрял на, т.что точнее было бы: <...>.

До получения вашей корректуры я кое-что изменил в нем. переводе в примечаниях. Соблаговолите прочесть слова и строки, подчеркнутые карандашом, которых коснулись изменения, и исправить что нужно.

Еще вопрос: стоит ли сбоку ставить нумерацию в 4 рассказе (см. стр.40-41) или не надо?

Будьте так любезны, сделав нужные пометки, отправить корректуру в типографию.

Примите уверения в моем совершенном почтении и моей преданности

Готовый к услугам *С. Патканов*

P.S. Покорнейше прошу извинить меня за помарки.

Ш. 6.98

16.XII.98

Милостивый Государь

Карл Германович!

При разработке переписного материала по Ферганской области нередко попадались лица, показавшие родным языком кашгарский. Составляет ли этот язык особое наречие или он является говором китайского или тюркского (какого?). Встречается также язык гозский. Не киргизский ли это язык, т.к., кажется, под <...> подразумеваются Б., Ср., М. Орды. Разрешением этих вопросов Вы преможно обяжете уважающего Вас и готового к услугам *С. Патканова*

Пользуясь случаем, желаю Вам приятно провести праздники.

Милостивый Государь

Карл Германович!

Проектируя в прошлом году экспедиции в Зап. Сибирь, Императ. Академия Наук не решила окончательно вопроса об издании по проекту г. Андерсона моего остяцкого словаря и грамматики, напр. в виде 3-го изд. Castren'ова

«Versuch einer ostyak Sprachlehre». Она, по видимому, предполагала издать собранные во время означенной командировки материалы вместе с моими лексическими материалами и другими, появившимися раньше в печати. Так как экспедиция в Зап.Сибирь не состоялась, то мне было бы очень желательно знать, какова будет судьба моего труда.

Если Академия не изменила своего мнения в этом отношении и думает оставить мои материалы в архиве на неопределенное, быть мож. очень долгое время, то я попросил бы ее разрешения выйти с предложением о напечатании моей работы в изданиях Societe Finno-ougrienne или в трудах Венгерс.Ак.Н., т.к. в России вряд ли кто решится на такой подвиг.

Собрание и разработка материалов мне стоили массы труда, и я, естественно, пожелал бы поскорее увидеть вышедшей в свет мою работу, подготовленную еще в 1887-8 г. и законченную в 1893 г. Ввиду того, что в своих грамматических набросках я пользовался Кастреновой грамматикой, изданной Академией, как канвой, я по желанию ее могу уничтожить все, что мною заимствовано от К., заменив эти места ссылками на него. Также и из словаря я при надобности могу выкинуть все заимствованные мною у К. слова, котор. не оказалось в моих материалах. В начале июля я предполагаю быть проездом в Гельсингфорсе. Если бы я к тому времени имел от Вас положительный ответ, я имел бы возможность лично переговорить с тамошними учеными по этому поводу. Может быть, они согласились бы напечатать мою работу на немецком языке.

Премного извиняюсь перед Вами за те хлопоты, которые я Вам причиняю этим письмом и кот. я Вам раньше причинял, я имею честь просить Вас, Милостивый Государь, принять уверения в моем совершенном почтении и моей преданности.

Готовый к услугам *С. Патканов*
28.V.99.

Тюменский край в судьбах «отцов» телевидения

В историю телевидения бывшая Тобольская губерния, а теперь Тюменская область, вписала в свое время весьма весомые страницы. Достаточно упомянуть некоторые имена выдающихся инженеров и ученых конца XIX—начала XX столетий, своей судьбой так или иначе связанных с нашим краем. В первую очередь следует назвать П.И. Бахметьева, в начале 80-х годов прошлого века впервые предложившего проект телевизионной установки — «телефотографа» для передачи движущихся изображений на основе газового модулятора света и элементной передачи изображения по спирали. На этой основополагающей идее построено все современное телевидение. Как память об ученом в филиале облархива в Тобольске хранится переписка П.И. Бахметьева и агронома Н.Л. Скалозубова (1904 г.).

С нашим краем связал свою деятельность изобретатель первой в мире радиостановки А.С. Попов. Он дважды посетил Тюмень и Тобольск. В Тюмени на доме, где он останавливался, помещена мемориальная доска. Известно, что Попов был увлечен проблемой передачи изображений на расстояние, работал с элект-

ронно-лучевой трубкой немецкого физика Брауна. На одной из учебных демонстраций трубки присутствовал ученик и последователь А. Попова известный русский ученый Б.Л. Розинг. Во всем мире ему приписывают заслугу первого применения видоизмененной трубки Брауна как телевизионного экрана.

В начале нашего века в Тюмени на строительстве Омской железной дороги в радиороте работал М.А. Бонч-Бруевич, будущий научный руководитель знаменитой радиолaborатории в Нижнем Новгороде. Здесь в начале двадцатых годов им была предложена оригинальная телевизионная система, намного опередившая уровень техники тех лет.

В наших краях в военные сороковые годы отбывал срок в «шараге» вместе с авиаконструктором А.А. Туполевым выдающийся изобретатель современности Л.С. Термен, конструктор электронного музыкального инструмента терменвокса. Термену, одному из первых в мире, в 1926 году удалось передать на расстояние телевизионную картинку удовлетворительного качества на экране площадью в один квад-

В.К. Зворыкин — будущий «отец» телевидения; фото 10-х годов нашего века, в период работы в лаборатории Б.Л. Розинга

ратный метр. Известно, что одним из самых удачных экземпляров установки пользовался в своем кабинете нарком К.Е. Ворошилов.

Наконец, мы вправе гордиться тем, что в Тобольске в 1901 году в семье поэта-народовольца П.А. Грабовского, похороненного на Завальном кладбище, родился один из будущих пионеров телевидения Б.П. Грабовский. Он известен во всем мире как изобретатель в 1925—1928 г. первой полностью электронной системы телевидения, не только запатентованной, но и испытанной в действии в 1928 году в Ташкенте. Грабовский был учеником Б.Л. Розинга и в

значительной мере испытал на себе сильнейшее влияние этого ученого и знатока телевизионных устройств.

К сожалению, все перечисленные инженерные разработки, несомненно повлиявшие на последующее развитие телевизионной техники, не стали по ряду причин основой той аппаратуры, к которой мы сейчас привыкли. Решающий шаг был сделан в начале 30-х годов американским ученым русского происхождения доктором В.К. Зворыкиным. Он первым осознал и реализовал на деле в остроумнейшем технологическом решении принцип накопления заряда в передающей трубке. С середины 30-х годов вполне современная телевизионная система черно-белого телевидения была создана. Так, В.К. Зворыкин во всем мире стал признанным «отцом» этого выдающегося достижения двадцатого века.

Разумеется, о В.К. Зворыкине мне приходилось слышать еще со студенческой скамьи, хотя у официальной советской науки Зворыкин-эмигрант не был в чести. Краткая биографическая справка об ученом в БСЭ появилась только во втором издании энциклопедии в 1972 году. Из нее следовало, как оказалось ошибочно, что Зворыкин эмигрировал на Запад в 1917 году. Не знающему подробной биографии ученого, мне и в голову не приходило, что гордость русской нации когда-

то продолжительное время пребывал в наших краях. Впрочем, все по порядку...

В поисках материалов по облюбованной краеведческой теме нередко возникают столь необычные и неожиданные отвлечения, имеющие мало общего с первоначальными задумками, что они заставляют вас надолго отложить или круто изменить избранное поначалу направление исследований. Так произошло у меня и на этот раз. Мне довелось потратить значительные усилия и время на выявление и публикацию биографических сведений о замечательном сибиряке, уроженце Иркутска, геологе с мировым именем И.П. Толмачеве. Годы он, ученик и зять патриарха русской геологии академика А.П. Карпинского, посвятил в начале XX столетия изучению Сибири, стал первооткрывателем таймырской нефти в Нордвике, неоднократно бывал в наших краях, профессорствовал в Омске и Владивостоке. По окончании гражданской войны И.П. Толмачев был вынужден эмигрировать в США.

В материалах о его пребывании в 1918 году в Омске мне неожиданно попало имя инженера В.К. Зворыкина. Не тот ли это Зворыкин, — подумалось мне, — имя которого спустя пятнадцать лет во всем мире будет ассоциироваться с началом триумфа телевидения в Америке, а сам он будет назван отцом электронного даль-

В.К. Зворыкин с изобретенным им в 1931 году иконоскопом — первой удачной конструкцией передающей телевизионной трубки, положившей начало современному телевидению

новидения? К тому же полностью совпадают инициалы.... Неужто он бывал в наших краях, пополнив мою копилку о сибиряках — изобретателях телевидения? Ответа на этот вопрос пришлось ждать до тех пор, пока мне не удалось ознакомиться с записками Зворыкина. Они стали известны у нас в России совсем недавно — после обнародования рукописных воспоминаний В.К. Зворыкина, написанных им на английском языке незадолго до кончины.

Владимир Козьмич Зворыкин (1889—1982 гг.) родился в Муроме Владимирской губернии в семье купца первой гильдии, богатого и крупного пароходовладельца и хлеботорговца. В начале века, еще будучи студентом Санкт-Петербургского технологического института, он, как и полтора десятилетия спустя Б.П. Грабовский, испытал влияние телевизионных опытов своего учителя профессора физики Б.Л. Розинга, работал в его лаборатории, помогая в экспериментах. Научному направлению, выбранному благодаря Розингу, Зворыкин остался верен всю свою жизнь.

После окончания с отличием курса обучения в институте Зворыкин стажировался во Франции у знаменитого физика П. Ланжевена. С началом первой мировой войны он возвращается в Россию и несколько лет в чине офицера служит в войсках связи. Обе революции 1917 года ему, «золотопогоннику», принесли не только унижения со стороны солдатской массы, но и прямую угрозу жизни. Не принесла облегчения и смена военной формы на штатскую одежду. Началась гражданская война, и возможности научных исследований, тематика которых обозначилась в лаборатории Розинга, Зворыкин стал видеть только вне России. В 1918 году он решается на эмиграцию.

С этого момента вся цепь последующих событий более

напоминает дерзкий детектив. Из Петрограда он сначала отправился в Нижний, где служащие бывшей пароходной компании его отца снабдили беглеца деньгами в обмен на фамильные драгоценности. Через Пермь по горнозаводской железнодорожной ветке Зворыкин добрался сначала до Надеждинска (теперь Серов), а затем до Екатеринбурга. Здесь революционный патруль сажает его в тюрьму до выяснения личности. В заключении Зворыкин узнает о расстреле царской семьи, готовит себя к той же участи. Освобождение приходит благодаря распоряжению командира чехословацкой части, вступившей в город. Через Тюмень, Ишим и Называевскую с многочисленными пересадками на полустанках и вокзалах он наконец добирается на поезде до Омска.

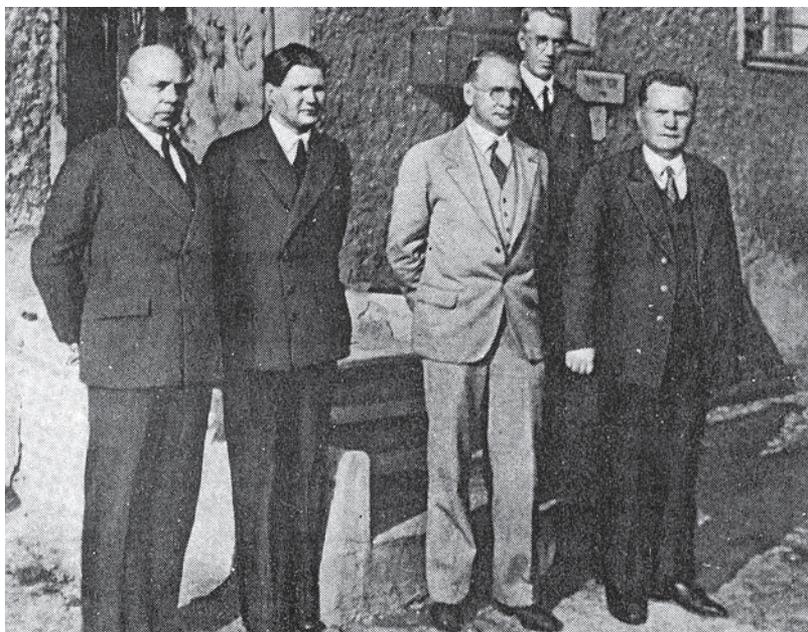
Демократическое, еще до адмирала Колчака, правительство независимой Сибири охотно приняло услуги радиоспециалиста. Его командируют в США для закупок радиооборудования, что совпадает с намерениями Зворыкина. Однако почти все пути на восток забиты воинскими составами воюющих друг с другом враждебных группировок. Выход из создавшегося тупика был подсказан профессором геологии и минералогии Омского сельскохозяйственного института И.П. Толмачевым. Последний также недавно приехал из Петрограда и договорился с местными властями

ми об оснащении исследовательской экспедиции в низовья Оби.

По мнению Толмачева, выбраться из Омска можно было единственно по северному направлению, по которому Омск еще не был отрезан от побережья и портов Ледовитого океана. Вместе они, объединенные эмигрантскими настроениями, принимают беспрецедентное решение: добираться до Архангельска, занятого англичанами, на небольшом речном судне по Иртышу через Тобольск, по Оби — через Обдорск и по Карскому морю в обход Ямала. По неизвестным мне причинам

руководитель арктической экспедиции И.П. Толмачев на судно в назначенный срок не прибыл, но Зворыкину довелось присоединиться к экипажу. В конце июля 1918 года пароход покинул Омск.

Плавание предоставило В.К. Зворыкину уникальную возможность знакомства с нетронутой природой Западной Сибири и с малозаселенными берегами ее великих рек. Яркие впечатления сохранились в памяти путешественника на всю жизнь. В деревнях, посещенных экипажем судна, о революции знали либо понасл-

*Посещение ученым нашей страны в 1933 году,
 В.К. Зворыкин — в центре (светлый костюм)*

лышке, либо ничего не ведали о происходящем в стране. Только через месяц экспедиция достигла Обдорска. Здесь ее участники провели несколько дней, готовясь к 500-мильному плаванию вокруг Ямала и в сторону южной оконечности острова Вайгач.

В Амдерме Зворыкин ознакомился с радиостанцией и с нескрываемым удивлением обозревал высоченную 160-метровую металлическую радиовышку. Вскоре на станцию пришел ледокол «Соломбала». Он доставил продовольствие и смену полярникам. Почти двухмесячное плавание Зворыкина с риском для жизни по ледяной морской шуге и в штормовую погоду — это отдельный рассказ для любителей острых ощущений. Из Архангельска морским путем через Норвегию, Данию и Англию В.К. Зворыкин накануне 1919 года прибыл в Соединенные Штаты.

Но и это еще не все. Зворыкин был готов стать эмигрантом, но только не беглецом из родной России. Связанный обязательствами перед Сибирским правительством и в силу порядочности и человечности своего характера, В.К. Зворыкин с успехом выполняет данное ему поручение и через Тихий океан, Японию, Владивосток и Харбин снова возвращается с оборудованием в Омск. Кругосветное путешествие с явными элементами авантюризма завершено. Получив новое задание, ученый снова едет в Америку

через восточные порты страны, на сей раз навсегда.

В известной во всем мире радиотехнической фирме RCA (американская радиокорпорация), оказавшей изобретателю доверительную поддержку, Зворыкин достиг феноменального успеха. В приютившей его стране он впервые в мире добился промышленного распространения телевидения на технологических основах, сохранившихся и поныне, стал доктором философии и естественных наук, автором более 120 изобретений, членом многих научных обществ и академий, кавалером тридцати престижных наград различных государств. Лишь по случайным причинам, по которым Нобелевский комитет лишен возможности учета инженерных достижений мирового уровня, В.К. Зворыкин не стал лауреатом Нобелевской премии. Впервые посетивший СССР в 1933 году с лекцией о достижениях американского телевидения, он потом неоднократно бывал в нашей стране, а в середине 30-х годов вынашивал идею возвращения на родину...

В истории телевидения, связанной с известными деятелями науки и техники, открылась, как видим, новая интересная страница, связанная с нашим краем. В музее истории науки и техники Зауралья при нефтегазовом университете бережно хранятся изделия фирмы RCA довоенных лет — свидетели деятельности В.К. Зворыкина в Америке.

Хождение за три моря

(Из биографии М.Е. Дементьева)

Бывает, что в жизни людей происходят события, которые оставляют яркую память об этом на долгие годы, а иногда накладывают отпечаток на всю дальнейшую судьбу человека. И их значение сразу оценить трудно, а порой и невозможно. Как говорится, большое видится на расстоянии. А если человек является непосредственным участником событий, которые становятся историческими, то это оценивается уже потомками. Так случилось и в жизни Михаила Ефимовича Дементьева. Он, сын крестьян-переселенцев, юношей попал на корабль, отправляющийся в Англию, участвовал в плавании, вошедшем в историю освоения Северного морского пути.

Его значение как торгового пути в XIX в. возросло многократно, так как Сибирь, производившая в колоссальных количествах хлеб, масло, лен, мед, рыбу, шерсть, меха, кожи, не располагала ни внутренними рынками сбыта, ни транспортными коммуникациями¹. Использование сибирских рек в качестве транзитных магистралей на пути в Ев-

ропу через северные моря давало прямой выход на европейские рынки сбыта. Это в несколько раз снижало транспортные расходы и позволяло сибирским товарам быть конкурентоспособными на рынках Германии, Англии, Америки и Турции. В свою очередь и европейские товары, потребность в которых была немалой, могли быть доставлены в Сибирь кратчайшим путем. Экономические и научные интересы подталкивали наших соотечественников к освоению Северного морского пути.

Такие морские державы, как Англия и Голландия, с середины XVI века искали торговый путь в Китай и Индию вдоль северных берегов Азии. Все попытки были неудачны: «суда их или погибали, затертые льдами океана, или возвращались восвояси, не достигнув желаемого»². Нашел свою кончину на Новой Земле в 1597 году и отважный голландский мореплаватель Баренц, руководивший тремя экспедициями по Северному Ледовитому океану. Но проникнуть дальше Карского залива не удалось никому.

¹ «Предшествующие два года, были живыми свидетелями грустного положения торговли хлебом в Западной Сибири, когда разных хлебов лежало в Тюмени неподвижно 4 $\frac{3}{4}$ милл. пудов». — *Чукмалдин Н.М.* Значение для Сибири морского пути: Доклад Особому совещанию при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов//*Кельин В., Чукмалдин Н.* Северный морской путь. СПб., 1898. С. 27–28.

² Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1883. С.152

*М.Е. Дементьев с семьей.
Фото 1895 г.*

В XVIII—XIX вв. русским правительством снаряжались экспедиции, как сухопутные, так и морские на небольших судах для исследования берегов Северного Ледовитого океана от Белого моря до устья Оби.

В 1734 г. офицерами флота лейтенантами Павловым и Муравьевым была предпринята попытка на двух судах из Архангельска пройти к устью Оби, но безуспешно. В этом же году отправлена была из Тобольска к устью Оби дубель-шлюпка «Тобол» под начальством лейтенанта Овцына, и вышел он в Обскую губу, но из-за морозов вернулся в Обдорск.

В следующем году Овцын вновь попытался выйти в Об-

скую губу, но был там остановлен льдами и вернулся на зимовку в Тобольск.

С 1736-го по 1738 г. лейтенантами Овцыным, Малыгиным и Скуратовым были предприняты безуспешные попытки пройти Карское море.

В 1768 г. поручик Розмыслов отправился на судне, снаряженном архангельским купцом Барминым, для описания берегов Новой Земли. Выйдя из Архангельска, он 16 августа вошел в Маточкин Шар, где простоял на якоре до 6 сентября. Наступление зимы заставило его зазимовать. Только 2 августа следующего, 1769 г. Розмыслов оставил зимовье, где его судно было заковано льдами в течение 316 дней. Выйдя затем в море, встретил льды, повредившие судно так, что исправить его было уже невозможно.

В 1821—1824 г. лейтенант Литке четырежды совершал путешествия на Новую Землю для обозрения и описания ее берегов. Мнение Литке, вынесенное им из своих путешествий, — Карское море неудобно для плавания по причине сплошного льда.

Впоследствии, когда Литке был вице-президентом Русского Географического общества и почетным членом Вольного Экономического общества, это мнение останавливало стремления русских к плаванию из Европы через Карское море в устья сибирских рек.

Когда в 1862 г. М. К. Сидоров, сибирский промышленник, предлагал Русскому Географическому обществу принять от него 14000 рублей — для премии тем из русских людей, которые вызовутся проплыть морем в устье Енисея, то общество это отказалось принять деньги, ибо адмирал Литке доказывал, что «морской путь к устьям сибирских рек за льдами положительно невозможно».

Адмирал Литке, безусловно, имел на то основания. Ведь буквально за год до предложения Сидорова, в 1861 г., лейтенант Крузенштерн прошел в Карское море через Югорский Шар. Его целью было проплыть в Енисейский залив, но, затертый льдами в Карской губе, он бросил свое судно и, пробираясь по льду, едва спасся со своей командой на полуострове Ямал.

Благодаря тому, что в 1869 г. не было плавающего льда, в Карском море побывали три экспедиции: английского капитана Пализера и норвежских рыбопромышленников Карльсена и Иоганнсена. Все три экспедиции совершили плавание благополучно.

Через два года Карльсен опять прошел в Карское море, ему удалось отыскать место зимовки Баренца в зиму 1596–97 гг.

Норденшельд и Виггинс — первый в 1875-м и оба в следующем году — прошли из Европы через Карское море в устье Енисея и вернулись обратно.

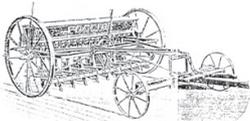
Особый интерес представляют экспедиции, снаряженные в 1877, 1878 и 1879 гг. коммерции советником А. К. Трапезниковым. Желая собственным опытом убедиться в возможности доставки грузов Северным морским путем из Западной Европы в Сибирь и обратно и тем способствовать экономическому развитию Сибири, А. К. Трапезников отправил в 1877 г. из Лондона собственный пароход «Луиза» (капитан Даль), который с грузом европейских товаров прошел Карское море и прибыл благополучно в Тобольск.

В 1878 г. перезимовавший в Тобольске «пароход «Луиза» и построенная в Тюмени трехмачтовая шхуна «Сибирь» (капитан Курсин), принадлежащие г. Трапезникову, отправились в море нагруженные. «Луиза» в Обской губе погибла, а «Сибирь» села на мель, но, сошедши с нее, благополучно прошла около половины октября через Карские ворота и пришла в Лондон».³

В «Записках Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества» сказано, что «Северный рукав Оби открыт для пла-

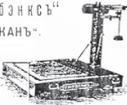
³ Козлова. Об условиях торгового сношения Европы с Западной Сибирью [Рец.: Соч. К. Гаге и Г. Тегнера. Галле, 1881.]//Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Омск, 1882. Кн. IV. С. 25–26.

Михаилъ Ефимовичъ
ДЕМЕНТЬЕВЪ.
Узоль Садовой и Серебрянской № 15, 13, 16
Т ю м е н ь.
Имѣть въ продажѣ:

плуги, сѣлки разовыя, сѣнокосилки, грабли, жатки, сноповязалки, молотилки, вѣялки, шерстчесальные машины на полномъ ходу, запасная части.

ВЪ СЫ СОТЫЕ „Фербэнксъ“
и СОРОНОВЫЕ завода „ВУЛАНЪ“.

ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ, пень-
ковая рукава къ нимъ, ремни къ
молотилкамъ, брезенти, брезентовая
хлады и рукавицы, смольныя снасти.
ОКОННЫЯ НАЛИЧНИКИ И СТАВНИ.
Прижмать на излеченіе допозднѣ вещи.

Реклама. 1913 г.

вания г. Далем, который в 1878 г. провел здесь «Луизу» и «Сибирь». Открытие этого русла считается выдающимся событием в навигации 1878 г.⁴

Одним из участников торговой экспедиции на шхуне «Сибирь» был наш земляк тюменец Михаил Ефимович Дементьев (1860–1929 гг.).

У его дочери Калерии Михайловны сохранилась его автобиография, в которой Михаил Ефимович описывает подробности этой экспедиции⁵.

«Корабль, парусная шхуна «Сибирь» под командой шкипера, весь экипаж были латыши и пруссаки, русский я был один. Вся экспедиция была под управлением директора Гайнашского штурманского училища Даля, грузились мы в Самарово салом и 22 августа вышли под буксиром парохода «Союз». С нами же шел пароход «Луиза», пришедший из Англии в предшествовавшем году. Осадка судов была — наша «Сибирь» — 9, а «Луиза» — 8. «Союз» нас оставил 2 сентября 1878 г. Нас буксировал «Луиза», на другой день мы попали на мель, и судно как килевое — легло на бок. С нами был взят порожний рыбный повозок и «Луиза» оставив нас на мели ушел с повозками ближе к устью Оби, рассчитывая облегчиться в повозок и вернуться за нами, но нет и нет «Луизы». Поднялся сильный ветер, подняло воды и «Сибирь» снялась с мели; тотчас же подняли паруса и отправились по назначению.

Все время шли день и ночь при боковом ветре, часто шлепались об мель, «Луизы» не видели, видели брошенный повозок и таким образом 23 сентября подошли к Белому острову, где и ошвартовались. Утром подняли якорь и при неблагоприятном ветре стали

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Автор этих строк благодарен дочери М.Е. Дементьева Калерии Михайловне, владельцу дневника, за предоставленную возможность познакомиться с материалами автобиографии для написания данной статьи.

пробиваться к Маточкину Шару, но встретя все более густые льды держали курс на Карские ворота, которые и прошли в ночь с 30 сентября на 1 октября и вышли в Северный Ледовитый океан, где нас более недели чертовски трепало, выломило фальшборты, а там наступил штиль, болтались, вышла пресная вода. Старались добиться как-нибудь до «Народного» и зайти куда-нибудь в порт и достать воды, но вот 18 октября стало тепло, пошел дождь, мы набрали воды в парус, слили в бачки и при благоприятном ветре благополучно пришли к Темзе.

23 октября бросили якорь в Гревздене и 24-го вошли в Лондон в док Мильвок, где

отгрузившись перешли в драйдок.

Отпраздновали новое Рождество, вышли с балластом в Россию 17 декабря 1878 г. Благодаря русско-турецкой войне, русских там принимали худо, только и слышно «русская свинья». Ходишь по городу в больших сапогах, по-русски нельзя, мальчишки закидают. По выходе из Англии опять попали под бурю, судно не загружено, руль плохо слушалось, особенно в проливах и мы ввиду Ливавы больше суток держались в море, и зашли в порт только к вечеру 24 декабря бросили якорь в Ливавском порту.

Опять русское Рождество. Несколько человек уехали домой. Корабль кому-то сдали и я уехал в Ригу, затем в Москву».

Дом Дементьева. Фото 1910 г.

Как оказался Дементьев на шхуне «Сибирь», кто он и откуда родом?

Родился будущий мореплаватель 7 ноября 1860 г. в деревне Исток Екатеринбургского уезда Пермской губернии в семье крестьян — переселенцев из Калужской губернии.

«Вскоре после моего рождения мы переселились в Тюмень, где я рос и начал учиться в уездном училище. Отец служил на суконной фабрике Ядрышников, а мать работала на богатые дома белошвейкой.

В зиму 1869—1870 гг. родители мои поссорились и разошлись, отец взял меня, и мы уехали с ним в Екатеринбург. Мать с двумя сестрами моими остались в Тюмени. Отец мой,

как ткач уже начал стареть и потом по зимам служил сторожем на ткацкой фабрике Севастьянова, потом перешедшей к бр. Макаровым около Уктуса. А летом уходил на «страду» в Челябинский уезд. Но в одну из зим на масленице, директор фабрики Вилькенсон — англичанин приехал из города пьяный и жестоко избил отца. Последний захворал, подал в суд, дело тянулось, есть нечего и кончили на мировой. Отец сделался инвалидом, кое-как перебивались; я в эти годы (1871, 72, 73) то учился в уездном училище, то служил где-нибудь, часто исполнял какие-либо комнатные работы у богатых или чиновников из-за хлеба и в то же время мало-мало

Дом Дементьева. Фото 1996 г.

посещал школу, на салотопенном и мыловаренном заводе работал ночью, а днем пас свиной около Уктуса, стряпал себе и стирал белье, и даже гладил.

Наконец, попал на службу к чиновнику Колобову мальчиком, но я был крупный и порядочный «дылда», у них были две взрослые дочери, кончившие школы (какие не знаю), вот и стали меня учить, насели на чтение (я был большой любитель чтения). Дали мне «Антон Горемыка», потом постепенно всех писателей русских классиков, но тут вышло неожиданное событие.

Мать узнала про мое житье, послала с попутчиком письмо и звала к себе; человек этот пришел при всей семье Колобовых и все рассказал. Старуха расплакалась и давай посылать меня к матери и вот с попутными товарищами, простившись с отцом, через 7-8 дней явился в Тюмень в июне 1875 г.

В промежутках я еще работал на суконной фабрике в «Аппаратной», еще падал там под каретку и вывернул ногу, лежал, чем-то лечили и поправился.

Теперь с августа 1875 г. началась моя самостоятельная работа, хотелось на пароход, спал и видел как бы попасть к реке, но поступил к бр. Колмаковым и меня увезли на Уковскую ст. набирали сало, масло, ездили на ярмарку. Осенью перевели в Ялуторовское отделение, где увидел пароход «Ялу-

торовск» и вот началась тяга к реке, начали хлопотать и вот я прямо удрал (меня не отпускали) в конце марта и с 7 апреля 1877 г. поступил младшим счетоводом в контору Курбатова-Игнатова».

С апреля 1878 г. Дементьев работает в Тюмени на судостроительном заводе, принадлежащем Жабынскому. Здесь строились заказанные А. К. Трапезниковым корабли для вывоза товаров на экспорт в Европу через Северный Ледовитый океан. И семнадцатилетний юноша, мечтавший о море, узнав, что набирают команду на вновь построенную шхуну «Сибирь», в июне 1878 г. устраивается туда матросом.

Это оказалось первым и последним его морским плаванием. С января 1879 г. он опять в Тюмени и работает на кораблестроительной верфи.

Экспедиции 1879 г., снаряженные Трапезниковым, были неудачны. Погибли «Тюмень» с салом, «Обь» с пшеницей, «Надежду» со спиртом затерло льдами в Байдарацкой губе, и «по распоряжению Лорис-Меликова груз и судно сожгли, иначе инородцы спились бы, учинив охоту за спиртом». Таков был печальный результат опытов А. К. Трапезникова, предпринятых им с целью исследования Северного морского пути, который бы способствовал экономическому развитию Западной Сибири.

В 1882 г. Дементьев получил назначение в Томск на должность заведующего пристанью в пароходствах Трапезникова и Гадалова. Через три года, в 1885 г., он принимает приглашение работать заведующим пристанью в пароходстве Торгового Дома «Корнилова наследники». Молодой, энергичный, честный, через самое непродолжительное время он становится управляющим Торговым Домом «Корнилова наследники».

И если карьера складывалась удачно, то в семейной жизни судьба послала ему испытание — в 1895 г. умерла жена. На руках у Михаила Ефимовича остались три дочери: Анна (1889), Клавдия (1892), Александра (1894).

Девочкам, особенно младшим, нужна была мать, семья, и в 1896 г. Дементьев женился. Его избранница Глафира Григорьевна, недавняя выпускница Тобольской женской гимназии, была на 15 лет моложе его. Но ее возраст не помешал ей создать тепло и уют в семье. По воспоминаниям Калерии Михайловны, дети были очень дружны между собой, старшие помогали младшим. В праздники проводились вечера, Глафира Григорьевна играла на фортепьяно.

От второго брака было 7 детей: пятеро сыновей и две дочери. Такой большой семье, в которой было 10 детей, ну-

жен был и большой дом. И дом был куплен, просторный и красивый, на углу улиц Садовой и Серебряковской. В формулярном списке⁶ гласного Тюменской городской Думы Дементьева в графе «благоприобретенное имущество» значится «один деревянный 2-этажный дом с такими же службами».

С навигации 1912 г. три крупнейших пароходства Западной Сибири — Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли, пароходство Торгового Дома «Корнилова наследники» и Русско-китайское общество пароходства и торговли — объединились в одно — Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли. Управляющим объединенным пароходством единогласно был избран Михаил Ефимович Дементьев.

К 1913 году Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли, возглавляемое Дементьевым, имело основной капитал 4.250.000 рублей. Располагало 23 пассажирскими пароходами, агентствами в городах Тюмени, Тобольске, Таре, Омске, Павлодаре, Семипалатинске, Томске, Новониколаевске, Барнауле, Бийске и др. Только груза в навигацию 1913 г. пароходами и баржами пароходства было перевезено около 3300 тысяч пудов.

⁶ ГАТО, Ф.И-2. Оп.1. Д.727

По роду службы приходилось много ездить, но, несмотря на это, Дементьев успевал заниматься общественной работой, жалованья за которую не получал.

По постановлению избирательных собраний избирался Гласным Тюменской городской Думы двух четырехлетий 1911–1915 гг. и 1915–1919 гг., состоял членом учетного комитета временного отделения Тюменского Общественного банка на Ирбитской ярмарке в 1908–1912 гг., являлся членом строительного комитета по переустройству Градо-Тюменской Знаменской церкви. В формулярном списке есть благодарственное письмо от 27 октября 1901 г. за подписью священника Знаменской церкви Петра Ребрина за полезную деятельность по ее переустройству.

По постановлению Городской Думы 8 января 1915 г. Дементьев избран директором Общественного банка на 4-летие 1915–1919 гг. Михаил Ефимович являлся совладельцем чугунолитейного завода Машарова и дрожжевого завода Тартаковского.

И сейчас в Тюмени на углу улиц Держинского (бывшая Садовая) и Советской (Серебряковская) стоит старый дом с мезонином. В адрес-календаре Калугина по г. Тюмени за 1913 г. он значится как собственный дом управляющего и

главного агента Товарищества Западно-Сибирского пароходства Михаила Ефимовича Дементьева.

Бывший когда-то 2-этажный красавец дом за 80 лет «потерял» один этаж, из-за интенсивного движения транспорта просел фундамент, рушится балкон мезонина... Дом буквально доживает свой век. Но даже несмотря на такие утраты во внешнем виде, он, по словам архитектора А. И. Клименко, «представляет архитектурно-художественную ценность как *уникальный* образец ампирного особняка в деревянной архитектуре Тюмени». Время постройки этого здания точно не определено, но, вероятнее всего, это вторая половина XIX в.

С приходом советской власти дом был национализирован. Семья Дементьевых переселилась во флигель во дворе. Потом попросили и оттуда. И они вынуждены были уехать из Тюмени в Омск, затем в Тобольск.

По словам Калерии Михайловны, вернулись в Тюмень они уже в 1925 году. Михаил Ефимович, добившийся честным и упорным трудом, без каких-либо протекций, уважения и положений в обществе, в старости вынужден был снимать углы по частным квартирам. Умер он 8 января 1929 г. в Тюмени и был похоронен на Затюменском кладбище.

Архивная комиссия

*при Тобольском братстве св. Димитрия Солунского
как историко-научный центр сибирского православия*

Архивная комиссия (АК) в Тобольске, как центр историко-археографической работы в области религиозно-духовной жизни населения огромного Западно-Сибирского региона, начала функционировать спустя три месяца со времени учреждения Тобольского церковного древлехранилища (ТЦДХ) — 26 января 1903 года¹. В ее первый состав, утвержденный на организационном собрании, вошли семнадцать просветителей и администраторов губернского масштаба. Председателем в год открытия АК был назначен ректор духовной семинарии, редактор «Тобольских епархиальных ведомостей» протоиерей Петр Дмитриевич Головин (1845—1910). Вторым лицом административного аппарата был его делопроизводитель, собственно секретарь-распорядитель и главный архивариус, протоиерей Александр Иванович Юрьевский. Научно-поисковую работу, весь научный потенциал энтузиастов-исследователей возглавил один из ведущих педагогов духовной семинарии по кафедре Ветхого завета Николай Аполлонович Бирюков (1861—1930). Именно стараниями этого неутомимого труженика определялись и осуществлялись поиски историков-люби-

телей, людей неравнодушных к прошлому края, нередко носившему большое, общероссийское звучание. В первый состав членов АК, помимо преподавателей духовной семинарии, многие из которых имели степени кандидатов и магистров богословия, протоиереи А.П. Архангельского, А.Н. Грамматина, Н.Г. Грифцева, А.А. Городкова, Н.Д. Скосырева, входили и преподаватели других духовных и гражданских учебных заведений губернского центра. Среди этих первопроходцев исторических исследований — С.А. Баженов А.Ф. Жуковский, В.А. Ивановский, Г.Я. Маляревский, Д.А. Матвеев, И.Ф. Попель, М.В. Филиппов, Н.А. Чернолесский и губернский архитектор К.К. Васильев.

Первый год деятельности архивной комиссии проходил под знаменем административно-хозяйственной деятельности: определения основных направлений изыскания средств на приобретение литературы, особенно церковно-археологического и палеографического содержания. Буквально накануне открытия комиссии преосвященный Антоний IV (А.Н. Коржавин, 1858—1914)², благословляя энтузиазм первопро-

¹ Тобольские епархиальные ведомости (далее ТЕВ). 1904, № 5. С. 77—94.

² Тутолмин Г.С. Светлой памяти высокопреосвященного архиепископа Антония (Коржавина) // ТЕВ. 1916, № 10. С. 160—161.

ходцев этого сообщества, желал широкого распространения его результатов как на благо Церкви земли сибирской, так и всей истории православного просвещения. В своей резолюции от 26 января 1903 года он начертил: «Желательно при чтении более важных и законченных рефератов собираться в таких помещениях, где удобно было бы допустить присутствие посторонних слушателей»³.

Предваряя открытию деятельности комиссии программу будущих исследований, Николай Аполлонович Бирюков еще в сентябре 1902 года сделал сообщение о состоянии и значении архива Тобольской консистории — третьей степенной епархии православной России. Несмотря на многочисленные пожары, имевшие место в истории Тобольска, состав документальных источников был огромен. Даже сегодня, когда до нас дошли буквально крохи, основу архива духовной консистории в филиале Государственного архива Тюменской области в Тобольске (фонд № 156) составляют 36407 единиц хранения⁴. Они включают весьма уникальные группы источников всей структуры огромного епархиального аппарата, выделить из которого, пожалуй, стоит документы учреждений и учебных заведений религиозного культа, кан-

О Т Ч Е Т Ъ

о состоянии и деятельности Архивной Комиссии, что при Епархиальном Братстве, со времени ее открытия по 26 октября 1903 года.

1. Учреждение Архивной Комиссии.

В 1903 г. Тобольская епархия обогатилась новым учреждением, именно Архивной Комиссией, возникновение которой стоит в связи с учреждением в г. Тобольске церковного древахрамнища. 23 января сего 1903 г. некоторые из местных любителей Сибирской церковной старины обратились к Его Превосходству, Правосла-

Заметка из ТЕВ

целярии управляющего Тобольско-Сибирской епархией, епархиального попечительства о бедных духовного звания, епархиального комитета по устройству церковного быта переселенцев, епархиальных комитетов Православно-миссионерского, Православно-палестинского обществ, отделений Российского Библейского и «Всенародного русского Союза». Кроме того, этот фонд включает документальный пласт о всех приходах православного и инославного вероисповеданий за период с 1721-го по 1919 годы. Здесь отложились подлинные и копийные царские, воеводские и преосвященнические грамоты, сенатские и синодальные послания, определения, указы о наделе земельными угодьями монастырей Сибири (1723—1730 гг.), о борьбе с расколом и сектантством, постройке храмов, жизни белого и черного духовенства, клира и мирян. Сто дел сосредоточено в одном только архиве личного происхождения протоиерея

³ ТЕВ. 1904. № 5. С. 77—78.

⁴ Тобольская духовная консистория//Путеводитель по Государственным архивам Тюменской области. — Тюмень, 1962. С. 137—138.

Александра Ивановича Сулоцкого (1812—1884), известного церковного историка края. Немало сохранилось материалов о распространении в Сибири старообрядческой культуры, быта народов северо-запада Сибири (ханты, манси, ненцев, селькупов), деятельности духовных миссий — Кондинской, Сургутской, Обдорской, Центральной противомусульманской и Киргизской. Такой огромный блок первоисточников представлял исследователям большое поле деятельности. Поэтому даже в первый год работы АК, тесно связанной с церковным древлехранилищем, состоялись два заседания, предметом обсуждения которых стали вопросы о

возможности нарастания научного оборота исследований, изучения истории Тобольского Знаменского, Тюменского Троицкого, Иоанно-Введенского, Кондинского Троицкого, Далматовского Успенского, Верхотурского Николаевского, Невьянского Богоявленского и других монастырей Сибири. На втором заседании, проходившем 24 сентября 1903 года, были заслушаны первые сообщения действительных членов АК С.А. Баженова и А.Ф. Жукова об архиве Тюменского Свято-Троицкого монастыря, Д.А. Матвеева — о фонде Тобольского Знаменского мужского монастыря, Н.Д. Скосырева — об архивном собрании Софийско-Успенского кафедрального собора. Наиболее обширным было сообщение протоиерея А.И. Юрьевского, который дал характеристику систематизации фондовых собраний духовной семинарии (ТДС), развития и состояния иконописи в епархии и наиболее важных ее святынь. Коснулся он и вопросов духовного образования, просветительно-общественной деятельности духовенства, нравственной стороны сибирской паствы.

В июне—августе, приступив к систематизации архивных фондов консистории, Юрьевский обратил внимание на небрежность ведения делопроизводства, особенно за XVIII и первую половину XIX века, отсутствия какой-либо каталоги-

ТОБОЛЬСКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ

Тобольское Епархиальное Братство св. Димитрия Солунского, поставившее себе задачей, между прочим, «заботиться о приведении в известность и сохранении вещественных памятников церковной старины, являющихся в пределах Тобольской епархии или у частных лиц», обратилось в 1899 году ко всем священно-служителям епархии с просьбой доставить в Совет Братства сведения о таковых памятниках по особе составленной для сей цели программе. По получении требовался сведений и приведении их в исполнение, Совет Братства обратился в Тобольскую духовную Консисторию с просьбой ходатайствовать сделать циркулярное распоряжение о тщательном сохранении вещественных памятников церковной старины, находившихся в пределах Тобольской епархии, строго воспретить таковых похищать, испорчивать, выдомогивать, а гравь более продавать или же совсем уничтожать без ведома и согласия Епархиального Начальства.

Отзывы Братства о сохранении церковных памятников естественно скрывали в себе зародыши мысли о пользе и возможности собрания таковых памятников в одно определенное, общее место. Многие любители церковной старины стали подумывать об этом времени об основании в Тобольской епархии церковно-археологического музея или древлехранилища. Нужно было только предприимчивый и энергичный инициатор, который мог бы привести это доброе дело в исполнение. Остановившись на мысли о пользе учреждения в Тобольск пер-

*Первая страница издания
«Тобольское церковное
древлехранилище»*

зации. В этой связи он предложил новую ее форму, сгруппировав дела по темам, или, как выразился автор, «отделам»: 1. Тобольские архипастыри и архиерейский дом. 2. Епархиальное управление и отчеты об общем состоянии епархии. 3. Монастыри и монашествующие. 4. Соборные и приходские храмы. 5. Белое духовенство, его деятельность, быт и нравы. 6. Тобольская духовная семинария и сеть других духовно-учебных заведений. 7. Святыни Тобольского края, в том числе и иконописные. 8. Нравственное состояние сибирской паствы. 9. Раскол, старообрядчество, сектанство. 10. Христианизация и просвещение коренного населения Западной Сибири. Завершал эту систематизацию раздел «Дела смешанного характера». Сама эта трудоемкая работа была доведена до 1817 года, и в числе заинтересовавших исследователя дел он выделил группу об учреждении при архиепископе Афанасии (А.Ф. Протопопов, 1785—1842) Кондинской духовной миссии и истории упраздненных монастырей, впоследствии ставших темой его разработок⁵.

Таким образом, была очевидна настоятельная необходимость постоянной научно-поисковой работы, которая требовала немалых средств, которыми АК в первый год своего основания, да и в последующие,

Обложка «Тобольских епархиальных ведомостей»

не могла похвастаться. Стоит отметить, что в заседании 18 мая 1903 года Совет Тобольского епархиального братства св. Димитрия Солунского, в состав которого входили ТЦДХ и АК, постановил оказывать комиссии ежегодную помощь в сумме ста рублей. На выделенные сразу же безвозмездно 25 рублей были приобретены крайне необходимые книги по архивоведению, патристике, археологии (среди них «Палеографический атлас» и «Курс палео-

⁵ ТЕВ. 1908. № 19. С. 376—377.

графии» А.И. Соболевского) и произведена подписка на «Известия Археологического общества», издававшиеся в Санкт-Петербурге с 1857 года.

С поступлением в церковное древлехранилище новых экспонатов прикладного и письменного характера расширился и круг научных изысканий членов АК. Так, за первый год работы ТЦДХ в его фонды вошло около трехсот новых экспонатов, 280 из которых были письменные памятники⁶. 1904 год был ознаменован целым рядом значительных событий в жизни епархии, среди которых награждение епископа Антония IV орденом Святой Анны первой степени (6 мая); посещение губернии и знакомство с ТЦДХ и АК магистра Гельсингфорского университета, известного этнографа Артура Каннисто (1874—1943), пользовавшегося их материалами; учреждение должности епархиального техника-архитектора, которую занял К.П. Чакин; возведение в сан игумена настоятеля Обдорской миссии иеромонаха Иринарха (И.С. Шемановский); выпуск двух очередных книжек «Тобольского церковного древ-

лехранилища» (№№ 3—4), основу которых составили статьи А.И. Юрьевского, А.Н. Грамматина и Н.А. Бирюкова⁷.

В последующие годы состав комиссии численно менялся незначительно. С августа 1909 года делопроизводителем вместо бывшего А.И. Юрьевского становится преподаватель Тобольского епархиального женского училища Петр Михайлович Доброхотов, а его помощником — диакон кафедрального собора И.М. Чибисов⁸. Ежегодно АК проводила от пяти до десяти научных заседаний, на которых заслушивались доклады, рефераты, сообщения, статьи. Среди публикаций в течение пятнадцати лет существования АК (1903—1918) на первом месте — фундаментальное исследование Н.А. Бирюкова «Очерки из истории Тобольской духовной семинарии»⁹. 2 сентября 1912 года корпорацией ТДС и членами АК отмечалось двадцатипятилетие его преподавательской деятельности. К этой дате он написал авторскую исповедь, которая была опубликована в епархиальном двухнедельнике¹⁰.

Значительный вклад в историографию Тобольской епар-

⁶ ТЕВ. 1904, № 4. С. 77—79.

⁷ ТЕВ. 1905, № 4. С. 76—82.

⁸ ТЕВ. 1910, № 6. С. 97.

⁹ Чернышов А.В. Тобольская духовная семинария — кузница священно-церковнослужительских кадров Сибири (1743—1993): Аннот. указ. лит. — Тюмень, 1993. С. 34—36.

¹⁰ Бирюков Н.А. Из воспоминаний о прожитой жизни // ТЕВ. 1912, № 21. С. 494—499.

*Николай Лукич Скалозубов
с дочерью Ариадной.
Снимок 1890-х годов*

хии внесли протоиереи А.И. Юрьевский¹¹, Н.А. Городков¹², В.А. Ивановский¹³ и В.А. Рождественский. Последний был активным членом АК и оказался в числе тех немногих, кто до последних дней существования

научного детища работал в нем, но уже в качестве его делопроизводителя. Самый последний документальный источник, датированный 31 марта 1918 года под номером 2242, описан Василием Александровичем. Это была «Грамота Святейшего Патриарха Тихона Гермогену, епископу Тобольскому и Сибирскому».

Любопытно, что вниманием членов комиссии не были оставлены здравствовавшие известные деятели и одиозные фигуры края. В их числе назовем всего два имени: губернского агронома-селекционера, известного общественного деятеля, члена II и III Государственных Дум (1906, 1912) Николая Лукича Скалозубова (1861—1915)¹⁴ и фаворита последнего русского монарха Григория Ефимовича Распутина (1869—1916)¹⁵. Стоит заметить, что предоставление страниц епархиального официоза публикациям научных открытий первого¹⁶ и информационного сообщения о выдаче Похваль-

¹¹ Юрьевский А.И. Упраздненные монастыри Тобольского края//ТЕВ. 1904. № 4. С. 49—54; *Он же*. Забытая Сибирь//ТЕВ. 1911. № 16. С. 353—358.

¹² Городков Н.А. Темные стороны в жизни пасомых Тобольской епархии//ТЕВ. 1892. № 11. С. 252—253; *Он же*. Экономические условия и обман, как причины отпаданий из православия в иноверие и инославие//Миссионерское обозрение. — М., 1912, № 6 и др.

¹³ Ивановский В.А. Пятидесятилетие существования Иоанно-Введенского женского монастыря // ТЕВ. 1914, № 18. С. 297—299 и др.

¹⁴ Суринов В.М. Николай Лукич Скалозубов. Опыт идейно-биографического исследования//Религия и церковь в Сибири. — Тюмень, 1991. Вып. 2. С. 39—47.

¹⁵ Чернышов А.В. Григорий Распутин: дано ему было свыше? // Согласие. — Тюмень, 1993. № 28, июль. С. 1 и 7.

¹⁶ Скалозубов Н.Л. О кобылке//ТЕВ. 1906. № 1.

*Епископ Тобольский и Сибирский
 Гермоген (Е.Г. Долганов)
 в бытность саратовским
 владыкой. Снимок 1909 г.*

ного листа епархиальным начальством (июнь 1908 г.) за пожертвования в приходскую церковь второму¹⁷, стало предметом разбора на одном из научных собраний АК. Впрочем, не

только эти публикации. Поводом для аналогичных обсуждений были и последующие выступления: одно — о непонимании членом Государственной Думы Н.Л. Скалозубовым назначения Г.Е. Распутина попечителем Покровской народной школы, построенной на его средства¹⁸; второе — о попытках враждебных сил уличения покровского «старца» в хлыстовстве¹⁹. Новая волна отчуждения Распутина была тесно связана с именем епископа Варнавы (В.А. Накропин, 1861—1921?) и заметному всем благоволению монаршего дома к родине Распутина — селу Покровскому Тюменского уезда. Известно, что в декабре 1912 года императрица Александра Федоровна всемилостивейше пожаловала приходскому Богородицкому храму по комплекту священнического и диаконского облачения²⁰.

Деятельность комиссии, ее научные изыскания привлекали к себе внимание церковных иерархов, видных общественных деятелей, важных дворянских особ прежде всего наличием в ТЦДХ уникальных рукописей и старопечатных книг. Во время посещения этих хранилищ То-

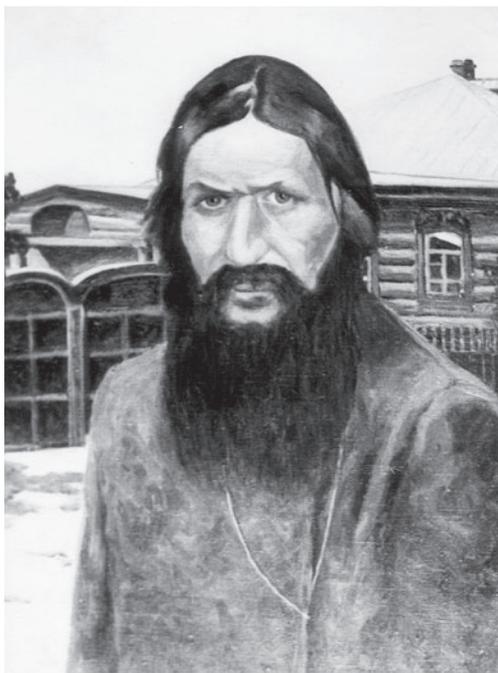
¹⁷ ТЕВ. 1908. № 11. С. 210.

¹⁸ Скалозубов Н.Л. Старец Распутин//Сиб. вопросы (Иркутск), 1910. № 34—35. С. 32—33.

¹⁹ Тутолмин Г.С. Третья поездка для обозрения церковей преосвященного Евсевия, епископа Тобольского и Сибирского (с 25 января по 10 февраля 1911 года): Слобода Покровская//ТЕВ. 1911. № 14. С. 294—295.

²⁰ ТЕВ. 1918. № 2. С. 37.

больска (1910—1918 гг.) член ученого комитета Министерства народного образования д.т.с. А. Селиванов, прокурор Омской судебной палаты В. Едмичка, графиня А. Модем, урожденная Нарышкина, управляющий земельным отделом Государственного Совета д.т.с. Я. Литвинов, синодальный миссионер-проповедник, митрофорный протоиерей И.И. Восторгов, высокопреосвященные Челябинский викарий Оренбургской епархии епископ Дионисий и архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр могли поддержать в руках «Часослов», изданный в Могилеве старопечатным способом дониконновского времени, «Пращицу духовную» Питирима Нижегородского, рукописные ноты крюкового церковного пения, а также книги острожского и виленского изданий южнорусской печати, три собственноручных письма св. Димитрия Ростовского (Д.С. Туптало, 1651—

*Портрет Г.Е. Распутина работы тюменского художника В.В. Волкова.
Холст, масло. 1993. 61,5 x 45 см*

1709), «Евангелие», печатанное в Москве в царствование Михаила Федоровича в 1634 году, и многие другие.

Деятельность АК братства св. Димитрия Солунского нашла отражение на страницах епархиального органа.

Год сноса часовни практически установлен

Со времени опубликования статьи «Часовня на Базарной площади» (Лукич. 1998. №2), в которой говорилось, что часовня была снесена в конце 1950-х годов, прошло полгода. У автора появились данные, позволяющие уточнить время сноса часовни.

Помогла в этом жительница Тюмени Е. П. Рыбина. В ее домашнем архиве нашлась фотография с изображением часовни на фоне здания обкома партии (сейчас здание областной администрации). Известно, что здание обкома было построено в 1956 году¹, а это значит, что часовня в этом году была еще цела.

И еще. В «Тюменской правде» от 11 августа 1957 г. опубликован фотоснимок М. Рогожнева с подписью: «Тюмень строится. Вид с ул. Ленина». На газетном снимке показана панорама Централь-

ной площади Тюмени, часовня на этом виде отсутствует². Выходит, что часовня была снесена в период с весны 1956 г. по 11 августа 1957 г.

Поиск продолжается, и, может быть, через какое-то время мы сможем узнать не только точные даты постройки и сноса часовни, возведенной в память Александра II, но и другие сведения о ней.

С. Кубочкин

¹ Жученко Б.А., Заварихин С.П. Тюмень архитектурная. Свердловск, 1984. — С. 174.

² Не исключено, что с помощью фотомонтажа изображение часовни на фотоснимке могло быть убрано редакцией газеты по идейным мотивам. Вероятность этого невелика, так как в этой же газете в 1953 году в заметке о вновь построенном машиностроительном техникуме приводится фотография, на которой рядом с техникумом часовня видна, но совсем исключить эту возможность не следует.

О Н.А. Лухмановой

Как-то раз к старшим братьям пришли приятели. За чаем в разговорах о старых тюменцах говорили о Лухмановой и прочитанном о ней. Мама присоединилась к ним и говорит: «Ой, ребята, я знала ее и с ее дочерью вместе училась. Тогда в Тюмени была еще не гимназия, а прогимназия. Я жила у деда Хохрякова на Второй Заозерной, а девочка, дочь Лухмановой (имя не упомянул в этом разговоре), жила с родителями в доме купцов Холмогоровых. Этот большой красного кирпича дом по Мостовой улице вы и сами знаете — видите каждый день. Там вот учились мы вместе, из школы возвращались всегда вместе. Общительная, веселая была девочка, бывало, идем стайкой мимо малого собора — там крутой спуск к плавному мосту, Лухманова поотстанет от нас, потом разбежится и бросается сзади на нас: «Везите меня!». Иной раз и куча мала начиналась.

Пели мы с ней в хоре у Знамения, с нами вместе пели и ученики из реального. Запомнились братья Красиные. Спевки у нас были в сторожке у Знаменского собора. Во время торжественных служб пели мы на балконе — на хорах. Электри-

ческого света тогда еще не было, и на хорах, несмотря на множество свеч, был полумрак, вот здесь ребята, и особенно Красиные, давали волю своим рукам. Как мы ни береглись, ленточки из наших кос все равно исчезали, и ребята нам потом их дарили...».

Об этом я впоследствии рассказывал своему старому (и старшему) приятелю художнику В.П. Баранову. Он из этого разговора кое-что записал. Перебрав кучи журналов и газет, вырезок из них, жаловался: «Вот ведь не могу собраться разобрать, а кучи вырезок растут и растут, а помню, лежат где-то у меня номера журнала «Искра» — приложение к «Русскому слову». Так в этой «Искре» за 1905 год в разделе «Жертвы войны» в числе погибших видели портрет сестры милосердия Лухмановой, не помню инициалов, читал только, что умерла от тифа...».

Видимо, дочь, как и мать, хотела участвовать в общественной жизни.

Тюмень, 23.12.1977.

Эти воспоминания передала в редакцию журнала краевед из Нижневартовска Ольга Александровна Майорова. Написал их ее отец Рылов Александр Алексеевич, известный в г. Тюмени коллекционер, краевед. Он занимался историей почты. Воспоминания о Лухмановой записаны, очевидно, со слов Рылова Алексея Фомича, отца Александра Алексеевича, также краеведа.

Рояль стоял в кустах

В те дни, когда приходилось активно ездить по различным архивам и библиотекам страны (Тобольск, Омск, Москва, С.-Петербург) в поисках биографических данных о бывшем редакторе «Тобольских губернских ведомостей» Евгении Васильевиче Кузнецове, никто из знакомых историков и краеведов не смог подсказать ничего о нем. И только когда была опубликована заметка «Кузнецов-Тобольский и -Красноярский» (Лукич. 1998. №2), откликнулась краевед, занимающаяся проблемами местного книгоиздания, Е.Н. Коновалова. У нее дома в личном архиве случайно оказался переписанный от руки некролог, опубликованный в газете М.Н. Костюриной. Большое спасибо ей за подсказку. В свое время в поисках некролога мне приходилось смотреть и эту газету, но необходимого номера не было в подшивке.

Привожу текст некролога полностью:

«В среду, 12 октября, схоронили Е.В. Кузнецова.

Евгений Васильевич Кузне-

цов — сын священника села Нового Тобольского уезда родился 25 февраля 1848 г., учился в Тобольской духовной семинарии; начал службу в консistorии, затем с 1870—75 г.* состоял редактором «Тобольских губернских ведомостей», после чего назначен заседателем Тарского, потом Тобольского уезда, а затем начальником I отделения общего губернского управления, причем ему был поручен надзор за типографиями и книжной торговлей.

В 1881 г. он перешел на службу в Томскую губернию, оттуда — в Енисейскую, где исполнял должность земского заседателя в разных уездах и помощника исправника и в 1889 г. вышел в отставку. В 1890 г. он вновь возвращается в Тобольск и в 1891 году назначается редактором «Неофициальной части Тобольских губернских ведомостей» и чиновником особых поручений. С небольшими перерывами покойный исполнял обязанности редактора неофициальной части вплоть до ее закрытия как отдельного издания в 1897 г.

Кроме того, покойный состоял секретарем статистического комитета то штатным, то по вольному найму. В 1908 г. он оставил службу окончательно.

* Ряд дат, указанных в некрологе, не совпадает с теми, которые приводил автор этих строк в опубликованной им биографии известного тобольского журналиста и историка. — См.: Ю. Мандрика. Его биография — сплошное белое пятно//Литературные фантомы. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 272—276.

Покойный деятельно занимался исследованиями местной старины, состоял членом-сопредседателем Тобольского музея и действительным членом общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете.

В 1896 г. по поводу тридцатилетия его литературной деятельности «Тобольские губернские ведомости» издали указатель его литературных трудов по археологии, истории, этнографии, библиографии и беллетристике. В «Сибирском наблюдателе» (февраль 1902 г.), журнале, издававшемся в Томске, помещен его портрет и небольшой очерк по поводу 35-летия его литературной деятельности.

Помещал покойный свои труды преимущественно в сибирских изданиях «Сибирской газете», «Енисее», «Сибирском вестнике», «Тобольских губернских...» и «...епархиальных ведомостях». Покойный отличался большой усидчивостью и трудолюбием.

В последнее время он занялся библиографией литературы о декабристах; болезнь помешала ему довести начатую работу до конца и черновые наброски свои он сдал в музей в надежде, что рукопись будет приведена в порядок и издана.

В «Сибирском листке» была помещена его статья о сосланном на каторгу писателе Ми-

Е.В. Кузнецов*
(1848–1911)

хайлове и его пребывании в Тобольске (на основании материалов, извлеченных из местных архивов).

Покойный, благодаря болезни последних лет, состоял вне жизни всеми забытый, и проводить его на кладбище собралась лишь небольшая группа близких родных и знакомых».

(Сибирский листок.
№121. С. 2)

Обнаруженная краеведом Е.Н. Коноваловой вышеуказанная публикация позволит исследователям написать биографию забытого историка и журналиста.

Ю. Мандрика

* Портрет сосканирован с опубликованной в журнале «Сибирский наблюдатель» [1902. — Кн. 2 (февраль)] фотографии.

В городской думе

Злоба для тюменской недели сосредоточена на думском заседании 16 мая 1912 года.

Ко дню этого заседания некоторые общественные деятели усиленно готовились.

Сила капитала оказала большое влияние на состав управы.

Обаяние бывшего лорд-мэра еще не прошло и до того велико, что «под флагом интересов города» кое-кто ездил на поклон к г. Текутьеву и заручились его «почти согласием» взять знаменитое его заявление обратно, а училище не выгонять, если городская дума попросит его сделать это всем составом.

Обсуждать это щекотливое дело при открытых дверях инициаторы считали неудобным, как-никак, а предательская краска стыда могла выступить на щеках, а при посторонних людях это выйдет как будто бы и неловко.

Может быть, они желали унижить собственное человеческое достоинство и преклонить колена перед бывшим жертвователем во имя городских интересов, но некоторые гласные, однако, нашли недопустимым унижать достоинство городской думы в угоду рассердившегося жертвователя, и собрание было сорвано.

Это интересное собрание было составлено с большим

трудом. Гласные неохотно собирались.

Целый час гудел управский телефон, приглашая гласных посетить заседание. Звонили к Александру Александровичу Крылову, к Николаю Ивановичу Козлову, и другим, и только к 8 часам составилась законный кворум.

Как-то вяло новый председатель г. Горбунов объявил заседание открытым и прочитал по повестке первый очередной вопрос. Секретарь начал чтение доклада. В 1-м вопросе фигурировал тоже г. Текутьев как радетель городских интересов в бытность его служения городским головой.

К арендаторше береговых участков Густомесовой был предъявлен городской управой иск за пользование ею в 1907 году береговыми участками под № 63 и 64 в сумме 431 руб. Иск этот город проиграл, и судом было присуждено в пользу ответчицы судебных издержек 25 руб. На суде, как видно из судебного решения, деньги за аренду береговых участков Густомесова уплатила г. Текутьеву, что и удостоверено свидетельскими показаниями.

Кто был настоящим арендатором этих участков, установить по управским книгам было нельзя, и управа вопрос о дальнейшем производстве дела предоставила городской думе.

Это интересное дело вызвало оживленные прения. Некоторые гласные говорили за воз-

буждение иска к г. Текутьеву, получившему с Густомесовой деньги и не сдавшему их в городскую управу, а другие выказывались на иск к городской управе, допустившей небрежным отношением к городским интересам убыток для города в сумме 431 руб.

Гласный Виницкий, махая безнадежно рукой, предлагал совсем бросить это дело.

После прений дума остановилась на следующей, очень мягкой резолюции: предложить городской управе выяснить, действительно ли г. Текутьев получил от Густомесовой деньги и о результате с заключением юрист-консульта доложить ей.

За недостатком места мы выпускаем резолюции думы по рассмотренным 6 вопросам и переходим к «гвоздю» заседания — 8 вопросу.

Секретарь читает заявление г. Текутьева следующего содержания:

«В течение 20 лет мною отдавалось бесплатно в моем доме помещение для городского училища на 400 детей, из которых многих мне приходится обувать и одевать, между тем *от тюменских негодяев приходилось выслушивать разные пошлости, на которые никто не откликается*, а потому прошу занятое в моем доме помещение школой освободить, так как оно отдано мною под гостиницу с номерами».

После прочтения председателя г. Горбунов заявляет об

удалении публики из зала. Секретарь оглашает статью закона, предоставляющую председателю право удаления публики.

Один из представителей прессы поднимается со стула, остальные двое сидят. Председатель обращается в их сторону со словами: «Покорнейше прошу удалиться».

Собрав со столика свои бумаги, представители печати с недоумевающим видом выходят в канцелярию управы.

Двери заседания швейцаром тщательно закрываются, вероятно, по ранее полученной инструкции.

Корреспонденты в негодовании ожидают конца совещания, чтобы записать думскую резолюцию. Проходит час. Слышен негодующий и возбужденный голос одного гласного.

Потом поочередно доносятся еще несколько возбужденных голосов. Прения, видимо, бурные. Двери заседания быстро открываются, и из зала удаляются гласные гг. Плишкин и Беседных. Слышен шум в зале. Двери размахиваются — это уходят гласные Горбунов, Станевич и Гилев. Кворум нарушен.

Корреспонденты входят в зал заседания.

С растерянным видом стоит председатель собания г. Горбунов, у избирательного ящика — кучка гласных. Секретарь спрашивает: «Что писать в журнале, вопрос остался без рассмотрения?».

«Да, пишите, что без рас-
смотрения», — утверждает г. Гор-
бунов, и гласные расходятся.

Корреспонденты догадыва-
ются, в чем дело, и также уходят.

Что же произошло и что
говорили в закрытом по жела-
нию г. Горбунова заседании
думы? Приподнимем для чита-
телей таинственную завесу, стар-
ательно опущенную г. Горбу-
новым для представителей печ-
ати, и посмотрим, было ли ка-
кое-либо основание для предсе-
дателя думы Горбунова объяв-
лять заседание думы закрытым.

С точки зрения городской
управы это основание было, и
вполне серьезное.

Стыдно было делать досто-
янием печати ту роль, которую
члены управы будто бы в инте-
ресах города приняли на себя.

По удалении публики из
зала заседания было прочита-
но мнение 4 членов управы и
гласного Козьмина, что следу-
ет попросить г. Текутьева взять
свое заявление обратно, так как
они осведомлены, что г. Теку-
тьев будет удовлетворен этим и
училище останется, как и было,
в текутьевском доме.

Один из членов управы пред-
ложил выдать от имени думы г.
Текутьеву удостоверение, что в
течение 15 лет он ни в чем пре-
досудительном замечен не был.

Такое заявление членов уп-
равы возбудило негодование в
группе некоторых гласных, и
между прочим был сделан зап-
рос, на каком основании и для

чего была удалена пресса из
думского зала.

Гласный Козьмин много
говорил за г. Текутьева, что он
старик, к нему надо быть снис-
ходительным и пр., но все до-
воды этого гласного мы не ре-
шаем напечатать. Гласный
Виницкий указывал, что вопрос
об училищах надо было выре-
шить 20 лет назад.

При прениях между прочи-
ми выяснилось, что городской
голова П.И. Никольский исклю-
потал уже в столице беспроцент-
ную ссуду на постройку помеще-
ния для училищ, находящихся в
текутьевском здании, в размере
5000 руб. и надобности в покло-
нах г. Текутьеву не имеется. Но,
несмотря на это, кучка привержен-
цев г. Текутьева стойко выдержи-
вала натиск оппозиции и, под-
считав свои голоса, старалась по-
ставить вопрос на баллотировку.

Оппозиция доказывала, что
город воздал все почести г. Те-
кутьеву, какие были в его влас-
ти, далее идти в этом направ-
лении уже некуда.

Г. Виницкий на это заме-
чает, что жертвователю граждан-
ство и постановку его портрета
едва ли ставит высоко.

На это замечание следует
иронический ответ:

— Графского достоинства
дума не может доставить.

Г. Горбунов ставит вопрос
на закрытую баллотировку.

Те гласные, которые разде-
ляют мнение членов управы о
необходимости просить г. Теку-

тьева не гнать училище, должны положить шары направо, а оппозиция кладет шары налево.

Поднимаются со стула возмущенные двое гласных и уходят из заседания.

Пока швейцар готовил ящик и шары, поднимается еще трое и также уходят из зала.

Кворум нарушен и все старания приверженцев Текутьева прошли без результата.

Мы не ругаемся за точность выражений, но общий ход заседания описан со слов г. гласных.

С удовольствием внесем поправки в будущем номере, если фразы некоторых гласных переданы не с стенографической точностью.

Воздерживаясь пока от критики мнения членов городской управы, не можем не провести здесь параллели во взглядах на общественное дело г. Горбунова и городского головы, уважаемого Павла Ивановича Никольского.

Последний всегда ставил на первом плане самую широкую гласность всех общественных дел, что и доказывал уже на деле, его же ближайший помощник и заместитель на время отлучек г. Горбунов, обнаружил совершенно противоположные взгляды на городское дело.

Никольский — сторонник света, Горбунов предпочитает потемки.

Удаление публики из думского зала, ничем не мотивированное, а просто потому, что

так желает председатель, возбудило много толков в обществе и среди гласных думы.

К этому вопросу мы еще возвратимся, а вместе с этим ввиду сособого интереса, проявляемого обществом к прошедшей деятельности г. Текутьева и его жертвованиям, мы дадим ряд статей, освещающих заслуги и дефекты текутьевского управления городом.

Недомыслие или услужливость?

Заявление нашего бывшего лорд-мэра А.И. Текутьева, поданное в городскую думу, о выселении из его дома народной школы, или, лучше сказать, сенсационное добавление, что помещение школы отдано им под гостиницу с «номерами», в тюменском обществе вызвало огромный интерес.

Большинство, как это следовало ожидать, усмотрело в этой знаменательной прибавке оскорбительный выпад г. Текутьева по адресу нашего городского управления, тем более что еще накануне получения послания городская дума в своем постановлении 30 апреля не только выразила ему благодарность, но и рассыпалась в уверениях, уважении и пр.

Другие выражались еще более резко: якобы городское управление получило от Текутьева *заушение*.

Возник вопрос, как же будут реагировать представители

города на это оскорбление, снова ли пойдут к г. Текутьеву с извинениями и с поклонами или же проявят достоинство, подобающее избранному населением города, почтенным доверением общества? Поэтому заседание думы 16 числа ожидалось с величайшим интересом.

Насколько представители города стояли на подобающей высоте, об этом красноречиво говорят факты.

Прежде всего члены управы «in согроре» отправились к г. Текутьеву с нижайшей просьбой взять отказ обратно. Как их принял г. Текутьев и какой дал им ответ, неизвестно, но в заседании думы 16 числа управцами было подано письменное предложение просить А.И. пощадить город и опалу превратить в милость.

«Заушения» не только не почувствовали, но а «в получении» предупредительно расписались.

Но и этого мало.

Заседание думы по щекотливому вопросу предрешено было закрыть.

Чтобы общество не узнало об унижительном заискивании представителей города.

Все же сознание стыда осталось.

Интересно знать, по чьему коварному совету Д.Т. Горбунов закрыл заседание?

Как его не надоумил хотя бы секретарь управы, человек, несомненно, опытный в городских делах!

И допустил почтенного председателя думы «сесть в калошу».

Результат «закрытия» заседания оказался неожиданный, и все «тайное», к вящему стыду, сделалось «явным». Хорошо задуманный «номер» не прошел.

«Сорвалось!» — как выразился метко незабвенный Кречинский.

И «щекотливый» вопрос будет разбираться снова, конечно, на этот раз в открытом заседании думы, ибо трудно думать, что П.И. Никольский присоединился к своим почтенным коллегам, признавшим за наилучшее провести вопрос «под сурдинкой».

В заседании думы 30 мая будут уже играть не в «темную», а в «открытую».

И общество увидит своих избранников в настоящем свете.

Ермак. 1912. №4—21.
С. 18—20.

В суде

...Городской голова поставил на обсуждение знаменитое заявление г. Текутьева об освобождении его дома от трех приходских училищ.

Секретарь читает уже известное нашим читателям заявление, где Текутьев говорит, что ему надоело выслушивать от тюменских негодяев разные пошлости, а потому он просит дом его от училища освободить и т.д.

После этого заявления прочитывается заявление родите-

лей учащихся в потаскуйских училищах, в котором они высказывают, что г. Текутьев и его супруга не только давали помещение для училища, но и помогали бедным детям ежегодно до 200 руб. Если училища будут переведены из текутьевского дома, то дети их лишатся помощи благодетелей, а потому они слезно ходатайствуют перед думой войти в их положение и просить Андрея Ивановича, чтобы он оставил училище в своем доме. Заявление подписано 40 лицами, фамилии их не были прочитаны.

Все гласные молчат. Затем докладывается полученное 31 мая новое заявление г. Текутьева, где он жалуется думе уже прямо на редактора газеты «Ермак» г. Афромеева, находившегося в собрании, обвиняя его в нападках.

Эти нападки и вынудили его отобрать помещения у города.

В сильных, образных выражениях г. Текутьев знакомит думу со своей биографией, с благими намерениями и жертвованиями городу, оцененными городом, но не признаваемые газетой. «Сил не хватает, растратил я нервы свои», — жалуется обиженный газетой жертвователь думе и просит потребовать от Афромеева номера газет и проверить с документами управы, чтобы обнаружить его ложь. Он намерен просить у мещанского общества удостоверение, что он ни в чем замечен не был. Заканчивается заявление, что

училище он убирает из-за Афромеева. Заявление было прочитано с пропусками неприличных фраз по адресу газеты. В следующем номере, чтобы быть беспристрастными, напечатан подлинником заявление Текутьева, по необходимости выпустив слова, неудобные для печати.

После прочтения заявления городской голова г. Никольский предлагает высказаться думе по этому вопросу. Ответ — молчание гласных. Последняя выходка г. Текутьева обезоружила, вероятно, и его сторонников.

Г. Никольский продолжает, что дума при обсуждении вопроса об удалении библиотеки выразила симпатии г. Текутьеву, брат же на себя посредничество между газетой и им он не находит возможным. Далее докладываются думе постановления прежнего состава ее об открытии училищ в доме Текутьева, причем в постановлении 14 июля 1899 г. говорится, что г. Текутьев предоставлял верхний этаж дома для училищ не временно, а навсегда. И это же писалось г. Текутьевым в представлении с ходатайством о наименовании тех училищ Текутьевскими.

Данные справки не возбуждают интереса гласных, вопрос, видимо, предрешен заранее. Один из гласных высказывается, что г. Текутьев не может гнать училище, раз он предоставил помещение навсегда. Гласные молчат. Городской голова ставит вопрос на голосование — освободить

или нет помещение. Гласные единогласно высказываются за освобождение. После решения вопроса поднимается гласный Гавриил Егорович Иванов и заявляет, что он бесплатно предоставляет помещение на 1 год с отоплением и освещением на 100 детей. Неожиданное пожертвование вносит оживление в собрание. Гласные благодарят и принимают пожертвование. Жертва заносится в журнал с единогласной резолюцией думы благодарить Гавриила Егоровича.

Об освобождении дома Текутьева резолюция дополняется, что дума отказывается войти в обсуждение права города на то помещение.

Нельзя не отметить, что городская дума вышла из щекотливого положения, созданного г. Текутьевым, с большим достоинством, не вдаваясь даже и в обсуждение деталей.

Следующий вопрос (12) о подыскании помещений для училищ, благодаря пожертвованию г. Иванова, упростился.

Училища, бывшие в доме г. Текутьева, будут помещаться: одно в доме Иванова, 2 училища — в народном доме, потаскуйское мужское училище — в здании бывшего лазарета. Затем для второго городского училища, бывшем в доме Кузнецова, решено приспособить левое крыло городских казарм, для чего будет сделана перестройка согласно сметы архитектора, которая обойдется в 2345 руб.

Городская дума единогласно предположения управы утвердила, поручив потребный для этого расход в 3242 руб. занести в дополнительную смету 1912 г...

Ермак. 1912. №6—35.
С. 19—20.

Из дневника обывателя

Наш бывший лорд-мэр нет-нет, чем-нибудь да заявит о своем существовании.

Полоса «благотворений» осталась у него в прошлом, а теперь он находит удовольствие делать затруднение городу.

Ранее он любил «пускать дым в глаза» и заставлял говорить о себе своими «пожертвованиями», а в данное время все стремления его направлены к разрушению его же бывших благих дел.

Еще не изгладилось из памяти изгнание сотни детей из пожертвованного им здания для потаскуйского училища и его намерение открыть в этом здании «гостиницу с номерами», не забыто также предложение убрать из его дома общественную библиотеку, как он снова предъявил требование возратить ему еще одно пожертвование.

Городская управа распорядилась перевести Пушкинскую библиотеку в городское здание вместе с имуществом библиотеки, а г. Текутьев предъявил свои права собственника на три

библиотечных шкапа, заявляя, что они принадлежат ему.

Стали наводить справки, и оказалось, что спорные шкапы значатся собственностью библиотеки, что и удостоверено в инвентаре подписом самого г. Текутьева.

Но бывший жертвователь настаивал, что шкапы его и он более ничего «Не знает». Ходил к милостивцу для увещевания с документами городской секретарь и убеждал, что шкапы принадлежат не ему, г. Текутьеву, а городу.

Чем кончилось пререкание между городом и г. Текутьевым из-за шкапов, я не знаю, да не интересно знать это и читателю. Интересен самый факт, что почетный гражданин г. Тюмени, портрет которого поставлен на вечные времена в думском зале, оказался в конце концов настолько мелочным, что посягает отобрать и шкапы.

Чтоб быть последовательным в своих действиях, направленных против города, г. Текутьев нравственно обязан был просить вернуть ему не шкапы, а свой портрет, украшающий зал думских заседаний.

И на самом деле, в воспоминание каких событий будет теперь висеть портрет г. Текутьева в городском доме.

В думском постановлении по вопросу о чествовании и о постановке портрета г. Текутьева записаны следующие его «Добрые дела»:

Неполучение им жалованья по должности городского головы.

Пушкинская библиотека.

Потаскуйские училища и проч.

Первое из этих дел было фиктивным, жалованье он в действительности получал, а в поднесенном ему адресе оказалась неточность.

Потаскуйские училища из пожертвованного здания он изгнал, библиотеку тоже да вдобавок предъявил права на три библиотечных шкапа...

И это творит миллионер, прославленный жертвователь!

Что же осталось от его добрых дел?

Осталось только то, что он юридически уже не может отобрать, да вырубленная в его управление затюменская березовая роща.

Невольно возникает вопрос, имеет ли нравственное право г. Текутьев носить присвоенное ему «за жертвование» почетное звание и может ли его портрет, как жертвователя, украшать думское зало?

Ермак. 1912. №16—106.
С. 13—14.